BIBLIOTECA

37.21.7.31

37.21.7.31

ВТОРАЯ НИНА

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

Л. А. ЧАРСКОЙ.

Съ 13 отд. картинами худ. И. В. Симакова

ЮРИЯ
ЧУМАКОВА.

Изданіе
Товарищества М. О. Вольфъ
• С.ПБУРЪ • Москва •

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ.
Повѣсть для юношества, съ илл. А. И. Сударушкина. Изд. 2-е.

КНЯЖНА ДЖАВАХА.
Повѣсть для юношества, въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина и А. И. Сударушкина. Изд. 2-е.

ЛЮДА ВЛАССОВСКАЯ.
Повѣсть для юношества, въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина.

ВТОРАЯ НИНА.
Повѣсть для юношества, съ илл. И. В. Симакова.

СМѢЛАЯ ЖИЗНЬ.
Истор. повѣсть для юнош., съ иллюстр. Самокишъ-Судковской.

ЗА ЧТО?
Моя повѣсть о себѣ самой, въ 4 частяхъ, съ илл.

ГАЗАВАТЪ.
Историческая повѣсть, съ илл. І. І. Смукровича.

ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ.
Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера.

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ.
Историческій романъ

ПЕРВЫЕ ТОВАРИЩИ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. Э. Соколовскаго.

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. В. Симакова.

ЧЕТЫРЕ ВИКА.
Повѣсть для дѣтей, въ 4 частяхъ. съ илл. И. В. Симакова.

ЗАПИСКИ СИРОТКИ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. Э. Соколовскаго.

ЛИЗОЧКИНО СЧАСТЬЕ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. В. Табурина и И. В. Симакова.

ТАСИНО ГОРЕ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. В. Симакова.

ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ.
Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера.

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ.
Повѣсть для юношества, съ илл. В. Полякова.

СѢРЫЙ ДОМЪ.
Разсказъ для юношества, съ илл. Э. Соколовскаго.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, В. О., 16 л., д. № 5—7.

ПУБЛИЧНАЯ

КНИГА
Ч

ВТОРАЯ НИНА

ЮРИЯ
ЧУМАКОВА.

Я зашептала ему въ уши исполненныя ласки слова.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ грозовую ночь.

БЫСТРѢЕ, Смѣлый! Быстрѣе, товарищъ! Айда! Айда!

И смуглая маленькая рука, выскользнувъ изъ-подъ полы косматой бурки, нѣжно потрепала лоснящуюся отъ пѣны спину статнаго, вороного коня... Конь прибавилъ ходу и быстрѣе вѣтра понесся по узкой горной тропинкѣ надъ самымъ обрывомъ зіяющей своей громадной черной пастью бездны...

Юный всадникъ, съ головой закутанный въ бурку, теперь низко припалъ къ шеѣ своего четвероногаго друга, крѣпче уперся ногами въ стремена да сильнѣе и круче натянулъ поводья.

Гроза надвигалась. Причудливо разорванныя черныя тучи крыли небо, пугливо толпясь и сдвигаясь, какъ-бы прижимаясь другъ къ другу, въ страхѣ передъ тѣмъ надвигающимся роковымъ и могучимъ, что каждую ми-

нуту должно было произойти въ природѣ. Предгрозовой бурный и дикій вихрь кружилъ въ ущельяхъ, распѣвая свою удалую пѣснь и трепля верхушки каштановъ и чинаръ, тамъ внизу, въ котловинахъ. Что-то жуткое было въ природѣ, что-то страшное и грозное, какъ смерть.

Казалось, не вѣтеръ свистѣлъ въ ущельяхъ, а черные джины [1]) горъ и пропастей распѣвали свою погребальную пѣснь... Что-то надвигалось въ темнотѣ ночи неслышное и неуловимое, какъ тайна, точно подкрадываясь все ближе и ближе мягкимъ кошачьимъ шагомъ. И отъ ощущенія близости этого таинственно-неуловимаго какъ-то сжималось сердце, и непріятныя мысли роились въ головѣ юнаго всадника, полузакрытаго мѣхомъ своей бараньей бурки.

Юный всадникъ поминутно горячилъ коня каблуками своихъ высокихъ туземныхъ сапогъ-чевяковъ изъ желтой кожи и, наклоняясь къ черному, какъ сажа, уху вороного, шепталъ поминутно:

— Но-но... прибавь еще ходу, Смѣлый... Живѣе, голубчикъ!.. Айда! Намъ надо добраться до грозы въ Гори... Не то плохо придется намъ съ тобою! Впередъ, мой Смѣлый! Спѣши! Впередъ!

Легкій взмахъ нагайки... Какое-то характерное гиканье... и умное, гордое животное понеслось по

---

[1]) Духи.

откосу бездны съ быстротою стрѣлы, выпущенной изъ лука.

И въ тотъ-же мигъ черная тьма застлала и небо, и землю, и горы, и бездны... Дикій свистъ вѣтра превратился въ одинъ сплошной могучій ревъ... Это уже не темные джины улюлюкали въ глубокой пропасти... Это самъ шайтанъ [1]), князь бездны, гулкимъ призывомъ скликалъ ночныхъ духовъ на свой страшный полночный пиръ. И вдругъ безпросвѣтная тьма разомъ разорвалась... Черныя тучи раскрыли небо, и ослѣпительно яркая полоса молніи прихотливой змѣею промелькнула въ немъ.

Страшный оглушительный ударъ грома потрясъ до основанія каменныя твердыни... Ахнули великаны-горы продолжительнымъ громкимъ стономъ... Далекимъ эхомъ раскатился первый ударъ и пропалъ въ безпредѣльности... Гдѣ-то поблизости грузно шлепнулась о каменный грунтъ земли тяжелая груда обвала... Мелкіе осколки ея покатились, звеня и гремя, въ бездну по каменистой почвѣ, подобно звенящему ручью...

Смѣлый разомъ остановился и, весь сжавшись и дрожа всѣми членами, фыркалъ, косясь на бездны налившимися кровью глазами.

Напрасно смуглая рука всадника поглаживала его взмыленную спину, а ласковый голосъ ободряюще шепталъ въ уши:

---

[1]) Дьяволъ.

— Но-но, мой милый, мой славный! Но-но! Впередъ, товарищъ... Скоро и Гори... Айда! Айда, Смѣлый!

Конь не дѣлалъ ни шагу. Онъ моталъ головою, дрожалъ всѣми членами и издавалъ тихое, продолжительное ржаніе, попрежнему дико косясь на подернутыя ночною мглою бездны.

Тогда юный всадникъ легко спрыгнулъ съ сѣдла и, взявъ за поводъ упрямившуюся лошадь, повелъ ее по тропинкѣ, осторожно шагая въ сгустившейся тьмѣ ночи.

Кругомъ грозными великанами, точно толкая другъ друга и тѣснясь къ небу, громоздились скалы... Онѣ казались молчаливыми призраками, стерегущими покой насыщенной электричествомъ душной ночи... Какіе-то цвѣты, росшіе въ низинахъ, слали сюда въ высь, въ горы, одуряющій, какъ мускусъ, пряный ароматъ... Въ этой темной ароматичной мглѣ голова кружилась, и воображеніе разыгрывалось, рисуя какія-то необычайно-фантастическія картины. По крайней мѣрѣ голова юнаго путника была полна ими. Неясные образы и туманныя грезы толпились въ ней, его сердце билось, — не страхомъ, нѣтъ, а предчувствіемъ чего-то близкаго, неожиданно-чудеснаго, что должно было случиться сейчасъ, сію минуту.

Второй ударъ грома, еще болѣе сильный и оглушительный, разомъ прервалъ его свѣтлое настроеніе. Тотчасъ-же, слѣдомъ за этимъ первымъ ударомъ раздался

Конь понесся по узкой горной тропинкѣ...

третій, четвертый, пятый... и такъ безъ конца и счета... Небо разверзалось теперь поминутно, выпуская изъ-за покрова тучъ все новые и новые зигзаги молній... Тяжелыя капли дождя сильно ударились о каменистую почву...

Гроза разгоралась... Начался ливень...

— Великій Боже! Мы опоздали!—раздался испуганный возгласъ юнаго всадника, и въ одну минуту онъ снова очутился въ сѣдлѣ, взмахомъ нагайки угостилъ лошадь и во всю прыть помчался наудачу впередъ, прямо въ чернѣющую мглу.

Новый ударъ грома разразился надъ головами юноши и коня. Этотъ новый ударъ былъ до того оглушительно гулокъ, что лошадь, испуганная имъ, сдѣлала отчаянный скачокъ и оба, и всадникъ, и животное, полетѣли въ бездну.

. . . . . .

. . . . . .

— Ты слышишь крикъ, Ахметъ?

— Тише, ради Аллаха, ага! [1]) Великій джинъ бездны не любитъ, когда люди вслушиваются въ его ночной призывъ...

— А ты, Сумбатъ-Магома, ты слышалъ?

— Такъ, господинъ... Но это былъ не крикъ шайтана, клянусь могуществомъ Аллаха, это человѣкъ взы-

[1]) Господинъ.

валъ о помощи.— И смуглый горецъ съ типичнымъ восточнымъ лицомъ покосился въ безпросвѣтную тьму ночи.

— Ты увѣренъ въ этомъ?

— Слушай, ага! Ухо Сумбатъ-Магомы вѣрно, какъ слухъ горнаго джайрона... [1]) Оно никогда еще не обманывало меня... Въ горахъ кричитъ человѣкъ и проситъ о помощи...

— Не слушай его, ага,—смѣясь, вскричалъ тотъ, котораго звали Ахметомъ, — онъ, какъ дряхлыя старухи аула, склоненъ видѣть то, чего нѣтъ, и пропускаетъ порою то, чего не пропустятъ соколиныя очи твоихъ вѣрныхъ абрековъ... Сумбатъ-Магома, ты грезишь на-яву! Проснись!

Послѣдній вздрогнулъ, схватился за кинжалъ, и смуглое лицо его вспыхнуло ненавистью... Богъ знаетъ, чѣмъ кончилась-бы для одного изъ собесѣдниковъ его неосторожная шутка, еслибъ тотъ, кого оба горца называли почтительно ага, не положилъ ему на плечо свою небольшую, но сильную руку.

— Тише, Ахметъ! Не будь ребенкомъ... Магома не хотѣлъ оскорбить тебя. Вы—кунаки, клялись другъ другу въ кровной дружбѣ... Напоминаю тебѣ объ этомъ.

— Ты слишкомъ добръ, господинъ!—произнесъ Ахметъ покорно, въ то время какъ въ черныхъ глазахъ

---

[1]) Оленя.

его, умышленно скрывшихся за темными, длинными рѣсницами, горѣли и искрились недобрые огоньки.

Всѣ три собесѣдника сидѣли у костра въ просторной пещерѣ Уплисъ-цихе, или пещернаго города, находившагося въ 7-ми верстахъ отъ Гори, въ самомъ сердцѣ Карталиніи, плодороднѣйшей и лучшей части Грузіи. Тутъ-же неподалеку были стреножены ихъ лошади, сильныя, выносливыя горскія лошадки. Всѣ трое были одѣты почти одинаково въ темныя чохи [1]) съ газырями [2]) на груди, въ бараньи папахи и мягкіе чевяки; у всѣхъ троихъ были заткнуты за поясами кинжалы и пистолеты, а у молодого аги, очевидно начальника, сбоку висѣла кривая турецкая сабля, да и все оружіе его рѣзко отличалось пышностью и богатствомъ отъ оружія его товарищей. И внѣшность его была нѣсколько иная, нежели у остальныхъ. Онъ былъ гибокъ и строенъ... На молодомъ, красивомъ лицѣ его не было той вороватой пронырливости, которая была написана на лицахъ Магомы и Ахмета. Что-то величавое и гордое, что-то надменное и породистое сквозило въ его тонкихъ чертахъ... Черные огненные глаза его горѣли огнемъ отваги; прекрасныя губы улыбались насмѣшливо, гордо и властно, храня въ своей улыбкѣ въ одно и то же время что-то дѣтски-наивное и обаятельное... Ему было лѣтъ 25, не больше.

---

[1]) Верхняя одежда.
[2]) Патронниками.

Догоравшіе уголья костра вдругъ освѣтили своимъ прощальнымъ свѣтомъ пещеру и потухли. И разомъ все погрузилось въ одинъ сплошной, непробудный мракъ. Только извнѣ, сквозь каменныя трещины пещеры, проникали сюда огненные зигзаги молніи, на мигъ освѣщая свѣтомъ убѣжище троихъ горцевъ, скрывавшихся здѣсь отъ грозы.

— Пора спать,—произнесъ съ легкимъ зѣвкомъ красивый горецъ съ гордой осанкой,—на зарѣ надо двигаться дальше. Наши ждутъ у истоковъ Арагвы... опаздывать нельзя... Алла верды... [1])

И, сбросивъ со своихъ плечъ суконную чоху, онъ разостлалъ ее на полу пещеры и, повернувшись лицомъ къ востоку, сталъ шептать слова вечерняго намаза [2]). „Ал-иллахъ-иль-Алла, Магометъ рассуль-Алла!“ [3])—поминутно слышалось въ темнотѣ.

Его товарищи послѣдовали примѣру аги.

И вдругъ страшный пронзительный крикъ прорѣзалъ временно наступившую тишину ночи.

— По-мо-ги-те!.. Спасите!—простоналъ неподалеку отъ пещеры молящій испуганный голосъ.

— Ты слышишь, ага? Я не ошибся! Это не джинъ бездны завлекаетъ путника. Тамъ кричитъ человѣкъ!—вскричалъ Ахметъ, разомъ вскакивая на ноги.

---

[1]) Спаси Богъ.

[2]) Молитва мусульманъ.

[3]) Единъ Богъ Аллахъ. Нѣтъ другого Бога, кромѣ Аллаха, и Магомета, пророка его.

— Можетъ быть богатый человѣкъ. Можетъ быть армянскій купецъ изъ Тифлиса или Гори...—весь содрогаясь отъ охватившей его жажды наживы, вскричалъ Сумбатъ-Магома.

— Молчи, Магома! Или ты не знаешь, что несчастье человѣка, нуждающагося въ помощи, не можетъ повлечь къ дурнымъ мыслямъ о грабежѣ и барантѣ [1]). Или ты, какъ простой душманъ [2]), думаешь только о наживѣ?.. Стыдись, Магома, высказывать то, чѣмъ черный духъ смущаетъ твою душу... Надо спѣшить на помощь, надо спасти человѣка...

И, схвативъ тлѣющую головню изъ костра при помощи двухъ кинжаловъ, ага-Керимъ, такъ звали красиваго горца, въ одну минуту раздулъ ее и, освѣщая себѣ путь разгорѣвшеюся головнею, онъ въ сопровожденіи своихъ товарищей и подчиненныхъ выбѣжалъ изъ пещеры.

Громъ утихалъ... Гроза замирала... Все рѣже и рѣже золотыя змѣи прорѣзывали почернѣвшій пологъ неба... Дождь пересталъ, и только быстрые ручьи накопившейся на плоскости дождевой влаги шумными потоками устремлялись внизъ, звеня и гремя своимъ металлически-гулкимъ звукомъ...

— Эй! Ради Аллаха! Откликнись, гдѣ ты! — громко разлился по горамъ мощный крикъ Керима.

---

[1]) Воровство, грабежъ.

[2]) Разбойникъ.

И онъ замеръ на мигъ, съ высоко поднятой въ рукахъ головнею, выжидая отвѣта... Его друзья въ молчаніи остановились за нимъ.

Сначала все было тихо. Только отдаленные раскаты грома, неизбѣжные спутники грозы, медленно затихали, отдаваясь замирающимъ эхомъ въ сердцѣ каменныхъ утесовъ. Но вотъ тихій стонъ послышался поблизости:

— Помогите! Я умираю!

— Это не нашъ! Это урусъ [1]) проситъ о помощи! Брось его погибать, какъ собаку! — возбужденно заговорилъ Ахметъ, приближаясь въ темнотѣ къ красавцу-Кериму.

Тотъ только плечами повелъ отъ нетерпѣнія.

— И урусы, и мусульмане, всѣ люди равны передъ лицомъ Аллаха! — раздался во мглѣ гортанный голосъ аги.

И онъ бросился съ поднятой головнею къ тому мѣсту, откуда слышался стонъ.

Что-то черное копошилось на откосѣ бездны, уцѣпившись за густой сукъ архани и трепеща, и извиваясь вокругъ него.

Въ одну минуту Керимъ былъ въ пяти шагахъ отъ корчившагося существа.

— Кто ты?—крикнулъ онъ по-лезгински.

---

[1]) Русскій.

Отвѣта не было. Только стонъ повторился еще разъ, но уже болѣе заглушеннымъ, придушеннымъ звукомъ.

— Кто ты, назовись, во имя Аллаха, если ты живъ?— еще разъ крикнулъ горецъ уже по-русски.

Тогда черная фигура закопошилась, изъ-подъ бурки выглянуло блѣдное, какъ смерть, юное лицо, и дрожащій голосъ прошепталъ:

— Мнѣ дурно... У меня сломана рука... Помогите...— и протяжный жалобный стонъ снова прозвучалъ въ тишинѣ тоскливымъ мучительнымъ звукомъ.

— Сумбатъ-Магома... Ахметъ... Мои вѣрные друзья! Сюда! Скорѣе, ко мнѣ на помощь... Мальчикъ умираетъ!—вскричалъ Керимъ, бросаясь со всѣхъ ногъ къ погибающему.

Въ два прыжка онъ былъ уже подлѣ, быстро взвалилъ себѣ на плечи небольшое, стройное и легкое, какъ перышко, человѣческое существо и понесъ его къ пещерѣ.

Ахметъ и Сумбатъ-Магома послѣдовали было въ гробовомъ молчаніи за своимъ господиномъ, какъ вдругъ глаза ихъ, пронзительные и зоркіе, какъ у кошекъ во тьмѣ, увидѣли лежавшую тутъ же, посреди дороги лошадь. Она была бездыханна. Они убѣдились въ этомъ и по неподвижности позы, и по странно разметавшимся членамъ коня.

Сумбатъ-Магома постоялъ минуту надъ мертвымъ животнымъ какъ-бы въ раздумьѣ, потомъ быстро наклонился къ коню, снялъ съ него сѣдло и вышитую шел-

ками дорогую попону. Сѣдло онъ взялъ себѣ, а попону передалъ Ахмету. Потомъ они оба бросились догонять Керима.

. . . . . .

Яркій свѣтъ костра снова освѣтилъ внутренность пещеры. У самаго огня лежалъ юный путникъ, перенесенный сюда Керимомъ. Теперь, озаренный весело потрескивающими угольями, онъ казался еще болѣе юнымъ, почти ребенкомъ. Высокая бѣлая папаха съ атласнымъ малиновымъ верхомъ была низко надвинута на лобъ... Тонкій, прямой хрящеватый носъ съ горбинкой, полураскрытый алый ротъ, изъ-за малиновыхъ губъ котораго ярко блестѣли мелкіе, какъ жемчужины, зубы. Черныя рѣсницы бросали тѣнь на бѣлыя, какъ алебастръ, щеки... Черныя, сросшіяся на переносицѣ брови еще болѣе усугубляли мраморную бѣлизну лица. Несмотря на трогательную юность, лицо это казалось суровымъ и хмурымъ. Закрытые глаза и густыя сросшіяся брови еще болѣе увеличивали впечатлѣніе суровой юношеской красоты.

Ага-Керимъ долго стоялъ, любуясь безчувственнымъ юношей или мальчикомъ скорѣе, такъ какъ спасенному имъ путнику казалось не болѣе четырнадцати, пятнадцати лѣтъ на видъ. Потомъ онъ быстро обернулся къ Сумбатъ-Магомѣ и коротко приказалъ:

— Набери воды въ горномъ источникѣ въ свою папаху, Магома, и принеси сюда скорѣе.

— Слушаю, ага!—отвѣчалъ тотъ почтительно и быстро бросился вонъ изъ пещеры.

Черезъ минуту онъ былъ уже здѣсь снова, съ полной шапкой студеной ключевой влаги. Ага-Керимъ быстро сорвалъ папаху съ безчувственно-распростертаго передъ нимъ мальчика, чтобы смочить ему лицо и голову водою, и вдругъ... неожиданный крикъ, вырвавшійся изъ груди всѣхъ троихъ горцевъ, огласилъ низкіе своды пещеры.

Изъ-подъ высокой бараньей папахи длинными змѣями выскользнули двѣ черныя, глянцевитыя дѣвичьи косы и, струясь, упали на тонкій станъ стройнаго путника.

Передъ Керимомъ и его друзьями лежала красивая дѣвушка или, вѣрнѣе, подростокъ-дѣвочка того настоящаго кавказскаго типа горянки, которые только встрѣчаются въ лезгинскихъ аулахъ Дагестанскихъ горъ.

Въ ту-же минуту, словно разбуженная неожиданнымъ крикомъ, дѣвочка пришла въ себя и открыла глаза...

Ни страха, ни испуга не выразили они, эти два черные, горящіе какъ звѣзды глаза, при видѣ троихъ незнакомыхъ мужчинъ.

— Гдѣ я?—спросила черноглазая дѣвочка по-лезгински, останавливаясь взглядомъ на характерномъ лицѣ красиваго горца.

— Въ Уплисъ-цихе, красавица!—отвѣчалъ тотъ,—въ

пещерномъ, городѣ гдѣ жилъ когда-то могучій и смѣлый народъ картли...

— Кто вы?—снова обратилась она съ вопросомъ къ Кериму, едва разслышавъ его отвѣтъ.

Неуловимая улыбка пробѣжала по лицу горца.

— Развѣ ты не знаешь, красавица, что въ горахъ Кавказа не спрашиваютъ имени встрѣчнаго? Вѣдь я не спрашиваю тебя, почему ты, дѣвушка, носишься въ такую ночь въ горахъ, одѣтая джигитомъ.

— Напрасно!—вскричала дѣвочка, и черные глаза ея сверкнули чуть замѣтной усмѣшкой.—Только барантачи и душманы скрываютъ свое имя... а я... я племянница знатнаго и извѣстнаго русскаго генерала. князя Георгія Джаваха, и его пріемная дочь, я могу сказать мое имя: меня зовутъ Нина бекъ-Израилъ. Слышалъ, ага?

И на блѣдномъ личикѣ дѣвушки-подростка выразилось столько гордаго достоинства, что горцы невольно должны были убѣдиться, что она сказала правду и что дитя это принадлежитъ къ знатному аристократическому роду.

— Я не останусь въ долгу у тебя, княжна,—произнесъ со своею обычной тонкой усмѣшкой Керимъ,—и назову себя также, чтобы не слышать отъ слабой женщины, почти ребенка, упрека въ трусости: не простой барантачъ предъ тобою, красавица. Я—Керимъ-Самитъ, бекъ-Джемалъ, изъ аула Бестуди.

Едва молодой горецъ успѣлъ окончить свою фразу, какъ блѣдное личико дѣвочки покрылось густымъ, яркимъ румянцемъ.

— Бекъ-Джемалъ-Керимъ, вождь душмановъ? Глава разбойничьихъ шаекъ, наводящій ужасъ чуть не на весь Кавказъ? Тотъ, за поимку котораго назначена огромная сумма, котораго ищутъ казаки въ горахъ, для котораго давно приготовлена тюрьма, Керимъ-Джемалъ-ага — ты?!

— Я!—спокойно произнесъ красивый горецъ и, скрестивъ руки на груди, смотрѣлъ въ лицо Нины, какъ бы наслаждаясь произведеннымъ на нее его словами впечатлѣніемъ.

— Ты?—могла только выговорить княжна,—ты—Керимъ, тотъ Керимъ, который грабитъ мирныхъ путниковъ, врывается въ селенія добрыхъ людей и...

— Это ложь! — вскрикнулъ молодой бекъ и топнулъ ногою, обутою въ мягкую чевяку,—это ложь! Кто говорилъ тебѣ все это, княжна?

— Кто говорилъ!—пылко подхватила Нина, и большіе, мрачные глаза ея загорѣлись неспокойными огоньками. — Дядя Георгій говорилъ мнѣ это, моя старшая названная сестра Люда говорила, знакомые, слуги, всѣ... всѣ... Весь Гори знаетъ твое имя, твои ужасные подвиги... Весь Гори говоритъ о томъ, какъ ты проливаешь кровь невинныхъ... Говорятъ...

— Они лгутъ! — сумрачно произнесъ бекъ-Джемалъ. — Видитъ Аллахъ, они лгутъ! Керимъ-бекъ не

барантачъ-душегубъ, не разбойникъ. Керимъ не жаждетъ наживы. Онъ пальцемъ не тронетъ честнаго горца... Только тѣхъ, кто нажилъ себѣ богатство цѣною крови и обмана, того не пощадитъ Керимъ... и выпуститъ нищимъ байгушемъ изъ своихъ рукъ... Я-бы могъ доказать тебѣ еще много истинъ, но Пророкъ свидѣтель: не было еще случая, чтобы Керимъ оправдывался передъ кѣмъ-либо, а тѣмъ болѣе передъ лицомъ дѣвушки, ребенка... Помолчимъ объ этомъ... Да и время отдыха... Гроза миновала. Звѣзда Оріона зажглась на небѣ, и тихій ангелъ сна приблизился къ природѣ. Спи, княжна. Боль утихнетъ за ночь, и ты проснешься съ зарею, свѣжая и прекрасная, какъ роза Востока...

И, говоря это, онъ ласково кивнулъ ей головою.

— За ночь... Но развѣ я должна буду провести ночь здѣсь?

— Или ты боишься? — снова тонко усмѣхнувшись подъ своими черными усами, спросилъ Керимъ.

— Я ничего не боюсь,—гордо произнесла дѣвочка.— Нина бекъ-Израилъ не знаетъ, что такое страхъ... Я не хвалюсь, Керимъ; хвастливости не было еще въ роду нашемъ. Ты самъ говоришь, что ты родомъ изъ аула Бестуди. Значитъ, ты долженъ знать моего дѣда, стараго Хаджи-Магомета...

— Чудесный старикъ ага-Магометъ, да продлитъ Аллахъ его родъ до конца вселенной! — произнесъ почтительно молодой горецъ.

— Увы, Керимъ! Богу не угодно было продлить родъ дѣдушки Магомета... Онъ не имѣлъ сына...

— Но за то у него были дочери, прекрасныя, какъ гуріи изъ садовъ Пророка. Я помнилъ ихъ ребенкомъ.

— Онѣ умерли обѣ. Умерли, уйдя навсегда аула... и сдѣлавшись христіанками. Я—дочь одной изъ изъ нихъ, дочь Бэллы, впослѣдствіи Елены бекъ-Израилъ...

Что-то тоскливое и до-нельзя печальное прозвучало въ голосѣ молоденькой княжны.

Всѣ три горца съ невольнымъ участіемъ взглянули на нее. На не дѣтски суровомъ личикѣ Нины отпечатлѣлось выраженіе глубокой тоски. Но это длилось съ минуту. Она вдругъ нахмурилась, отчего черныя, густыя брови ея почти сжались на переносицѣ, и произнесла глухо, пряча свой взглядъ, затуманенный слезами:

— Ты спасъ мнѣ жизнь, Керимъ-ага, и я всей душой благодарна тебѣ за это. Мнѣ жаль, что я не могу позвать тебя въ домъ моего дяди и пріемнаго отца, какъ кунака-гостя, и отблагодарить тебя, какъ слѣдуетъ... Вѣдь ты не придешь... А денегъ у меня нѣтъ съ собой...

— Денегъ я не возьму отъ тебя, княжна; у Керима и безъ тебя много желтыхъ тумановъ [1]), драгоцѣннаго

---

[1]) Золотыя монеты, равныя десяти рублямъ.

оружія съ золотыми насѣчками... Его сакля полная чаша... ему ничего не надо, а если онъ пожелаетъ, его вѣрные слуги и друзья добудутъ ему сколько угодно богатства... Но отказываться отъ гостепріимства не позволилъ Пророкъ. Я приду въ твой домъ. Жди меня, княжна.

И онъ снова усмѣхнулся своей лукавой и дерзкой усмѣшкой.

Потомъ, наклонившись къ дѣвочкѣ, заботливо произнесъ:

— Если рука твоя еще болитъ, — проведи ночь въ нашей пещерѣ. Мои друзья и я будемъ охранять твой покой; если же ты въ состояніи ѣхать въ Гори, на моемъ конѣ, я довезу тебя до твоего дома...

— Но тебя могутъ увидѣть и..

Нина вздрогнула при одной мысли о томъ, что могло ожидать ея спасителя въ Гори.

— Полно, дитя! Ноги Керима-бека-Джемала могутъ сравняться въ скорости развѣ лишь съ ногами горнаго тура, а зоркія очи его видятъ издалека опасность... Садись на моего коня, малютка. Я отвезу тебя въ твой домъ.

— На твоего коня? А гдѣ-же мой конь? Мой Смѣлый? — встревоженно спросила Нина, забывъ въ одну минуту сильную боль въ рукѣ.

— Твой конь менѣе счастливъ, нежели ты сама. Онъ лежитъ мертвый на днѣ ущелья. Ты упала съ

Онъ бросился съ поднятой головнею...

нимъ съ высокаго откоса, княжна, и не запутайся ты въ кустѣ архани,—тебя постигла-бы участь твоего коня: ты-бы разбилась вдребезги.

Нина вздрогнула и поблѣднѣла.

Она была на краю гибели и почти не сознавала это. А ея конь, ея бѣдный конь погибъ.

Спазмы сжали ей горло... Слезы обожгли глаза. Ужасъ потери помутилъ на минуту голову.

— Бѣдный Смѣлый! Бѣдный товарищъ! — произнесла она тихо.

Она подняла руку къ глазамъ, на которыхъ выступили слезы, и тихо вскрикнула. Рука болѣла и ныла нестерпимо. Со стономъ она упала опять на бурку.

Стараясь скрыть слезы, вызванныя и горемъ, и болью, Нина произнесла съ замѣтнымъ усиліемъ:

— Мнѣ необходимо въ Гори... Домой скорѣе... Тамъ ждутъ... Безпокоятся... и потомъ, рука... ахъ, какъ болитъ рука!..

— Черезъ полчаса ты будешь дома! — произнесъ Керимъ рѣшительно.

Въ одну минуту взнуздавъ и осѣдлавъ свою лошадь, онъ помогъ Нинѣ подняться и бережно усадилъ больную въ сѣдло.

Сумбатъ-Магома и Ахметъ въ почтительномъ молчаніи помогли своему господину. Въ глазахъ обоихъ душмановъ сквозило непритворное недоумѣніе. Впервые, вопреки обычаю, ага выпускалъ изъ своихъ рукъ бога-

тую добычу, не взявъ съ нея даже ни самаго маленькаго пешкеша (дара, выкупа). Они, однако, успокоились, вспомнивъ, что въ ихъ рукахъ остаются нарядное шитое шелками и золотомъ сѣдло съ мертвой лошади и дорогая попона. Но Керимъ-ага точно угадалъ ихъ мысли. Его взглядъ упалъ на Сумбата, который не успѣлъ еще спрятать своей добычи, и онъ коротко приказалъ:

— Отдай сѣдло его владѣтельницѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ! Оставьте его у себя! Прошу тебя, Керимъ, — горячо возразила Нина, — пусть это будетъ память обо мнѣ...

— Отъ подарковъ отказываться не смѣю по адату [1]) лезгинскаго племени, — произнесъ важно молодой горецъ,—но и самъ не хочу оставаться въ долгу. Возьми взамѣнъ, княжна, вотъ эту вещь.

И, быстро выхвативъ изъ-за пояса небольшой дагестанскій кинжальчикъ съ богатой насѣчкой, усыпанный драгоцѣнными камнями, онъ передалъ его дѣвочкѣ.

— Пусть это утѣшитъ тебя хоть отчасти за потерю коня! — добавилъ онъ ласково.

Нина вся вспыхнула отъ удовольствія. Имѣть память отъ храбреца Керима ей очень хотѣлось, того самаго Керима, слава о смѣлости котораго гремѣла по всей Карталиніи, того Керима, котораго ея воображеніе рисо-

---

[1]) По обычаю.

вало какимъ-то героемъ, имя котораго восхищало ее... Если потеря Смѣлаго была для нея тяжелымъ ударомъ, то кинжалъ Керима, этого безстрашнѣйшаго изъ душмановъ, этого рыцаря горъ, давалъ ей нѣкоторое удовлетвореніе въ ея печали. Она дружески простилась съ его двумя товарищами, такими-же душманами, какъ и Керимъ, и, подсаженная ими на его коня, выѣхала изъ пещеры. Молодой горецъ помѣстился позади нея, въ широкомъ сѣдлѣ.

Гроза давно миновала... Послѣдніе раскаты грома замолкли. Темная кавказская ночь заволокла горы... Яркая, горящая и свѣтлая, какъ солнце, звѣзда Оріона засвѣтилась высоко на восточномъ небѣ...

Керимъ сказалъ правду. Не прошло и получаса, какъ они были уже у предмѣстья Гори.

У самаго дома князя Джаваха молодой душманъ спустилъ свою спутницу съ сѣдла и, шепнувъ ей еще разъ: „А ты все-таки жди меня въ гости, княжна!“— быстро повернулъ коня и скрылся изъ виду.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Среди горъ, долинъ и ущелій.

ГЛАВА I.

Переполохъ. — Счастлива-ли Нина?

ОНА вернулась!

— Она здѣсь!

— Отецъ! Отецъ! Она вернулась!

— Гдѣ она? Нина! Сердце мое! Гдѣ ты?

Я иду по чинаровой аллеѣ, или нѣтъ, я не иду даже, а точно какая-то сила несетъ меня... Въ домѣ огни... Весь домъ освѣщенъ. Меня ждали... По мнѣ томились... Вотъ огни ближе... Кто-то выбѣжалъ на крыльцо... Кто-то стремится навстрѣчу по чинаровой аллеѣ... Что-то бѣлое, воздушное... точно легкое видѣніе или греза...

— Люда! Ты?

— Нина! Нина! Желанная! Кто-же пугаетъ такъ? Нина! Господь съ тобою, дѣвочка! Что ты сдѣлала съ нами! Отецъ...

— Что съ нимъ, Бога ради? Да говори-же, Люда!

— О, онъ безпокоился. Много! Ужасно!

— Бѣдный отецъ! Бѣги къ нему, Люда, скажи ему, что я жива, здорова!

— Идемъ вмѣстѣ! Скорѣе! Скорѣе, Нина!

Она обнимаетъ меня за плечи, хватаетъ за руку...

— О!..

Я невольно испускаю протяжный, болѣзненный стонъ. О, какъ мучительно ломитъ руку... Точно всѣ кости поломаны въ ней вдребезги. О! какая безумная боль!..

— Что съ тобою, Нина, сердце мое?

И глаза Люды, огромные и горящіе, какъ алмазы, въ темнотѣ, исполнены ужаса.

— Ничего! Ничего! Успокойся! Просто вывихнула немного руку—и только.

— Вывихнула! О, Боже!.. Доктора! Доктора скорѣе! Сандро... Маро... за докторомъ! Бѣгите!

Какая смѣшная женщина эта Люда! Она не можетъ видѣть простой царапины безъ страха... А ужь о вывихѣ руки говоритъ точно о смерти... И отца взволнуетъ. Отецъ узнаетъ...

Я изо всѣхъ силъ стискиваю зубы, чтобы не застонать вторично отъ мучительной боли въ рукѣ. Сандро вихремъ проносится мимо насъ въ эту минуту. Я знаю, онъ сейчасъ поскачетъ за докторомъ. Старый Михако бѣжитъ съ фонаремъ. Маро несетъ теплую бурку Люды...

Какая тоска! Сейчасъ поднимутся разспросы, упреки, жалобы!

— Папа!

Онъ стоитъ въ дверяхъ нашего дома, типичнаго стараго грузинскаго дома съ плоскою кровлею, на которой хорошенькая, но вѣчно сонная Маро сушитъ виноградъ и дыни... Такихъ домовъ уже немного осталось въ Гори, который пріобрѣлъ съ годами все болѣе и болѣе европейскій видъ. Кудрявыя пряди сѣдыхъ волосъ отца красиво серебрятся въ лучахъ выплывшаго изъ-за тучъ мѣсяца. Темные глаза смотрятъ прямо въ мои глаза съ ласковымъ укоромъ.

— Дитя! Дитя! Какъ ты насъ напугала! Сокровище мое!

Онъ протягиваетъ руки, и я падаю въ его объятія Онъ радостно вздрагиваетъ... Онъ такъ не привыкъ къ моимъ ласкамъ, бѣдный папа... Я не умѣю ласкать... Я слишкомъ дика и сурова по натурѣ... Но сегодня мои нервы ослабли, какъ у трудно больной... Мнѣ, какъ слабому дитяти, хочется ласки, покоя, забвенья. Къ тому-же гибель Смѣлаго не даетъ мнѣ покоя, я чувствую свою вину, и на сердцѣ у меня тяжесть, ужасная тяжесть! И я прижимаюсь къ этой сильной, не по лѣтамъ могучей, старческой груди,—груди прославленнаго въ бояхъ воина, и мнѣ становится хорошо... но вмѣстѣ съ тѣмъ и тоскливо.

„Сейчасъ, сейчасъ начнется, — думаю я, — сей-

часъ пойдутъ разспросы: гдѣ я была? почему не верхомъ?“

И, чтобы отдѣлаться отъ нихъ, я выпаливаю разомъ:

— Папа! Я вывихнула руку.

Онъ тихо вскрикиваетъ... быстро взглядываетъ на меня и, пораженный моимъ блѣднымъ, усталымъ видомъ, ведетъ меня или, вѣрнѣе, почти несетъ меня въ домъ, не выпуская изъ объятій.

Въ большой комнатѣ, устланной циновками и коврами, съ безчисленными тахтами, снабженными подушками и мутаками [1]), свѣтло и уютно... Большая висячая лампа надъ круглымъ обѣденнымъ столомъ горитъ такъ привѣтливо и ясно. А сквозь открытыя окна врывается пряный и сладкій ароматъ магнолій и розъ, растущихъ въ изобиліи въ чинаровыхъ аллеяхъ...

Но сегодня этотъ, такъ сильно любимый мною запахъ, мнѣ почти непріятенъ... Онъ кружитъ голову, дурманитъ мысль... Какой-то туманъ застилаетъ мнѣ зрѣніе. Какая-то сонливость сковываетъ меня всю. А боль въ рукѣ всѣ сильнѣе и сильнѣе. Я уже не пытаюсь сдерживать стоновъ, они рвутся одинъ за другимъ изъ груди... Голова моя клонится на шелковыя мутаки тахты. Отецъ, Люда, Михако и Маро—все смѣшивается въ моихъ глазахъ, и я теряю сознаніе...

Адская боль въ плечѣ сразу возвращаетъ меня къ

---

[1]) Вальки на тахтѣ.

дѣйствительности. Старичокъ-докторъ, другъ и пріятель отца, наклоняется надо мною и льетъ мнѣ на руку студеную струю ключевой воды.

— Ну! Ну! Не буду васъ больше обижать, барышня,— говоритъ онъ успокаивающимъ тономъ, какимъ обыкновенно говорятъ съ дѣтьми и больными, — теперь спите съ миромъ...

— Спи, моя крошка! Спи, мое сокровище!—слышится другой ласковый голосъ.

И милая серебряная кудрявая голова низко наклоняется надо мною. Тонкая, красивая рука моего отца-дяди креститъ меня; мягкіе, шелковистые усы щекотятъ мою щеку...

— Спи, мое солнышко!

Я машинально возвращаю ему поцѣлуй и закрываю глаза... Но спать мнѣ не хочется. Мастерски вправленная докторомъ, забинтованная рука не болитъ больше. Какая-то пріятная теплота разливается подъ влажной, пропитанной водой тряпкой... Боли совсѣмъ не слышно... Только пульсъ бьется четко и сильно на мѣстѣ былого вывиха.

Отецъ, прежде чѣмъ выйти изъ комнаты, останавливается у рабочаго столика, за которымъ Люда сшиваетъ новый бинтъ для компресса. Онъ говоритъ тихо, но я все-таки слышу, что̀ онъ говоритъ:

— Ты не знаешь, гдѣ она оставила лошадь?

— Не знаю, папа! Развѣ отъ Нины добьешься признанія?

— Бѣдная дѣвочка! Вывихъ ужасенъ. Какъ это случилось?

— Папа! Милый! Развѣ вы не знаете Нину? Развѣ она скажетъ когда-нибудь, если что съ ней случится?— шопотомъ говоритъ Люда.

— Да, да! Ты права! Она не въ мать. Бэлла была простосердечна и наивна, какъ ребенокъ. Да и Израиль не отличался скрытностью. А можетъ быть трагическая смерть обоихъ такъ подѣйствовала на дѣвочку, что... Не думаешь-ли ты, Люда, что судьба точно преслѣдуетъ весь нашъ родъ?.. Домъ Джаваха хранитъ на себѣ какую-то печать проклятія... Моя бѣдная Марія, потомъ Юлико, мой племянникъ, послѣдній отпрыскъ славнаго рода, оба умершіе отъ одного и того-же недуга, страшной чахотки... потомъ свѣтъ моей жизни, моя кроткая полночная звѣздочка, моя родная дочурка Нина... и наконецъ, эта жизнерадостная, полная жизни и молодости чета родителей малютки-Нины... Что если и дѣвочка... Мнѣ страшно подумать, Люда, если... если... Вѣдь если она—эта моя вторая нареченная дочка, живое напоминаніе моей первой и единственной родной дочери... если она...

Отецъ не договорилъ... Его сѣдая голова безсильно склонилась на плечо Люды.

— Папа! Милый папа!—послышался успокаивающій голосъ моей названной сестры.

Мнѣ хотѣлось выскочить изъ постели, куда меня

перенесли во время моего обморока, хотѣлось утѣшить, успокоить отца, сказать ему, что я люблю его также, что его тревога—моя тревога, его горе—мое горе, но я молчу, упорно молчу.

О, если-бы я умѣла плакать и ласкаться!

Потомъ они вышли оба, предупредительно заслонивъ абажуромъ лампу и бросивъ на меня тревожный, испытующій взглядъ. Они думали, что я заснула... Но я не могла спать...

Милый, дорогой отецъ! Я никогда не отплачу тебѣ такою-же безконечной, всеобъемлющей любовью, какою ты окружилъ меня. Я дурная, злая дѣвочка! Я это знаю... Мнѣ никогда не быть похожей на ту, которая была твоимъ утѣшеніемъ, никогда я не замѣню тебѣ маленькой, давно умершей кузины, съ которой ты находишь сходство во мнѣ...

Княжна Нина Джаваха! Милая красавица-княжна! Я знаю тебя, никогда не видѣвъ. Я знаю тебя такъ хорошо, такъ прекрасно! Люда прочла мнѣ твой дневникъ, когда я была еще совсѣмъ маленькой дѣвочкой, и съ тѣхъ поръ я дала себѣ слово сдѣлаться во что бы то ни стало похожей на тебя, милый, черноокій ангелъ... Ты была звѣздой души дяди Георгія, и утрата тебя сдѣлала серебряными его черные кудри. И я рѣшила воплотить тебя собою, вернуть дядѣ Георгію и моему названному отцу его дочь въ моемъ лицѣ, въ лицѣ второй Нины... Но мнѣ это удается плохо... Маро

говоритъ, что въ меня временами вселяются черные джины [1]) и мутятъ мою душу... Михако, знавшій кузину Нину, толкуетъ постоянно, что она была ангеломъ, посланнымъ на землю, чтобы дать неземное счастье тѣмъ, кто ее окружалъ... А я...

Что я такое?

Почему я хочу быть кроткой и доброй, а сердце мое порою бываетъ полно злобы и тоски? Почему я не терплю узды надъ собою, и малѣйшее запрещеніе заставляетъ меня быть непокорной и дѣлать на зло? Говорятъ, мои родители, которые были убиты грозою въ горахъ въ одну изъ прогулокъ, мои родители-горцы изъ аула Бестуди, принявшіе христіанство и обрусѣвшіе въ домѣ дяди, были кротки, веселы и простосердечны, какъ дѣти. Говорятъ, я похожа на отца, но только лицомъ... Говорятъ, характеръ у меня дѣдушки Хаджи-Магомета, того стараго лезгина-татарина, который изрѣдка наѣзжаетъ къ намъ въ Гори и такъ балуетъ и ласкаетъ меня... Во мнѣ течетъ кипучая кровь моихъ предковъ-лезгинъ изъ аула Бестуди и, странно сказать, мнѣ, пріемной дочери князя Джаваха, мнѣ, нареченной и удочеренной имъ княжнѣ, кажется заманчивѣе житье въ татарской саклѣ, въ дикомъ аулѣ, надъ самой пастью зіяющей бездны, тамъ, гдѣ родилась и выросла моя черноокая мать, нежели счастливая, беззаботная жизнь въ богатомъ домѣ

---

[1]) Духи.

моего названнаго отца! Да, отца, потому что, когда я осиротѣла такъ внезапно, дядя поклялся замѣнить мнѣ моихъ родителей и заботиться обо мнѣ до конца жизни, несмотря на то, что у него уже была тогда пріемная дочь, которую онъ любилъ всей душой, всѣмъ сердцемъ. Эта вторая пріемная дочь—Люда, лучшая... нѣтъ, единственная подруга безвременно умершей родной дочери князя Георгія—Нины, та самая Люда Влассовская [1]), которой Нина въ своемъ дневникѣ выражала столько горячей любви и безконечной дружбы...

Я завидую Людѣ. Она испытала столько, сколько другая не переживетъ во всю жизнь. Но еще больше завидую я ей въ томъ, что она знала такъ близко ту Нину, которую я такъ беззавѣтно люблю.

Хорошая, дорогая Люда! Какъ трогательно разказываетъ она всегда про свою подругу Нину!.. Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Нина переселилась въ лучшій міръ, а Люда до сихъ поръ не можетъ удержаться отъ слезъ, когда говоритъ про нее... Она, Люда, утверждаетъ, что, очевидно, судьба связала ее съ Ниной, что судьба натолкнула ее принять по окончаніи института мѣсто на Кавказѣ, судьба заставила встрѣтить случайно князя Георгія, который сталъ ея отцомъ и другомъ, сдѣлалъ ее своей пріемной дочерью...

И съ какимъ умиленіемъ передаетъ она, какъ уда-

[1]) Смотри повѣсти того же автора: «Княжна Джаваха», «Записки институтки» и «Люда Влассовская».

лось ей въ самомъ началѣ своего пребыванія на Кавказѣ убѣдить моихъ родителей принять христіанство... Разгнѣванные лезгины, во главѣ съ муллою, чуть было не убили ее за это, но въ сердцѣ доброй Люды не осталось ни капли злобы къ нимъ...

Какъ счастлива должна быть Люда, что на ея долю выпало пережить столько!..

Впрочемъ, сегодня и я, сквозь горе потери Смѣлаго, чувствую себя отчасти счастливой... Я испытала грозу въ горахъ, такую-же грозу, отъ которой погибли мои отецъ и мать... Я была на краю гибели и видѣла Керима... Жаль Смѣлаго!.. Жаль безконечно; но безъ жертвъ обойтись нельзя... Чтобы видѣть Керима, этого страшнаго для всѣхъ удальца-душмана, можно пожертвовать конемъ... Видѣть Керима, за поимку котораго назначена сумма, на которую можно завести цѣлое хозяйство зажиточнаго грузина, — Керима, для котораго давно гостепріимно раскрыты двери горійской тюрьмы, и я видѣла этого героя-абрека, говорила съ нимъ! Онъ подарилъ мнѣ неоцѣненный подарокъ, онъ обѣщалъ придти... „Жди меня въ гости, княжна!“ Такъ онъ сказалъ на прощанье...

О, славный, безстрашный удалецъ Керимъ! Какъ-бы я хотѣла быть хоть отчасти на тебя похожей! Почему я не мальчикъ! Не мужчина! Если-бы я была мужчина! О! Я сорвала-бы съ себя мои дѣвичьи одежды, отрѣзала безъ сожалѣнія мои черныя косы и, надѣвъ

платье джигита, убѣжала-бы въ горы, къ Кериму, и сказала-бы ему:

— Позволь мнѣ остаться съ тобою! Я знаю, что ты не проливаешь человѣческой крови, что ты берешь пешкешъ только съ тѣхъ, кто нажилъ свои деньги нечистымъ путемъ. Ты сказалъ такъ, и я вѣрю тебѣ! Возьми меня къ себѣ... Я люблю горы, люблю бездны! Я презираю опасность! Я умѣю джигитовать и цѣлыя сутки могу провести въ сѣдлѣ! Я хочу быть абрекомъ и джигитомъ! Я хочу жить въ горахъ. Моя кровь кипитъ, жаждая подвиговъ. Тихія долины Карталиніи съ ихъ зелеными виноградниками и кукурузовыми полями не для меня, пойми! О, храбрый, отчаянно смѣлый Керимъ! Придти въ Гори, въ домъ князя Джаваха, когда этотъ князь можетъ арестовать его и бросить въ тюрьму! Развѣ это не удальство? Развѣ не смѣлость?!

Не помня себя, я вскочила на ноги, совершенно позабывая о томъ, что докторъ предписалъ мнѣ полный покой ради моей больной руки, и, подбѣжавъ къ окну, распахнула его настежь... Чудная, мягкая и нѣжная, какъ бархатъ, ароматичная ночь ворвалась ко мнѣ въ комнату вмѣстѣ съ запахомъ розъ и магноліи... Воздухъ, разряженный грозою, сталъ чистъ и свѣжъ, какъ хрустально-студеная струя горнаго источника... Молчаливо-прекрасная звѣзда Востока одиноко сверкала на темномъ небѣ своимъ ярко горящимъ алмазнымъ окомъ... Чи-

нары и каштаны перешептывались въ саду, и въ ихъ дружномъ шопотѣ мнѣ слышалось какое-то чудесное старое сказанье... А тамъ, гдѣ-то вдали, за извилистой Курой, подъ обрывомъ, печально и сладко, серебряной трелью, звенѣлъ соловей...

„Жди меня въ гости! Жди меня! Жди меня!“ — слышалось мнѣ и въ серебристой трели, и въ шопотѣ чинаръ, и въ ароматѣ розъ и магноліи.

„Жди меня!“—шептали вѣковые чинары и каштаны стараго сада.

— „Жди меня!“—шептала мнѣ сверху ослѣпительно-яркая звѣзда Оріона.

— Да! Да! Я жду тебя, Керимъ! Я хочу быть такой-же смѣлой и отважной, какъ ты!—хотѣлось мнѣ крикнуть въ темноту ночи.—Научи меня этому, Керимъ, и, клянусь тебѣ, ты не пожалѣешь своихъ трудовъ. Нина бекъ-Израилъ клянется тебѣ въ этомъ!

И, прошептавъ мою безсвязную рѣчь засохшими отъ жара губами, я снова юркнула въ постель... Сердце мое билось... Голова горѣла. У меня была тайна, тайна знакомства съ Керимомъ, и я гордилась ею—моей первой серьезной тайной, невѣдомой самымъ близкимъ, дорогимъ людямъ.

Моя первая важная тайна и радовала, и волновала меня.

ГЛАВА II.

Люда. — Отецъ. — Предстоящее объясненіе и пріятный сюрпризъ.

ДАЛЕКІЯ горы купались въ розовомъ маревѣ предутренняго свѣта... Мулла-муэдзинъ [1]) давно прокричалъ свой гортанный кликъ съ минарета... [2]) Дневные цвѣты жадно раскрылись навстрѣчу солнечному лучу... Изъ азіатской части города, оттуда, гдѣ на базарѣ закипала обычная суетливая рыночная жизнь, долетали крики и говоръ, характерный восточный говоръ кавказскаго племени.

Гори просыпался...

И я проснулась вмѣстѣ съ Гори и солнцемъ, разбуженная крикомъ какой-то пичужки, пріютившейся на сосѣднемъ съ моимъ окномъ азалевомъ кустѣ...

Все, происшедшее со мною вчера, казалось мнѣ теперь странной фантастической сказкой. Гроза... гибель Смѣлаго... Уплисъ-цихе и ага-Керимъ. Моя жадная до впечатлѣній пылкая душа татарки (да, татарки по происхожденію и крови) ликовала, мое сердце трепетало, какъ пойманная птица... Боль въ рукѣ стихла, пропала безслѣдно... Только душевная боль при воспоминаніи о потерѣ Смѣлаго жила еще во мнѣ. Полное таинственной прелести вчерашнее приключеніе увлекло меня. Безумная радость отъ сознанія, что мы кунаки съ самимъ

[1]) Магометанскій священникъ.

[2]) Башня при мечети—магометанскомъ молитвенномъ домѣ.

ага-Керимомъ, не давала мнѣ покоя. Кунаки, конечно! Мы обмѣнялись подарками. Я отдала ему сѣдло покойнаго Смѣлаго, а онъ подарилъ мнѣ свой дагестанскій кинжалъ! Милый кинжалъ! Я успѣла его скрыть отъ глазъ нашихъ и теперь, быстро вытащивъ его изъ кармана бешмета, поднесла къ губамъ...

Въ дверь постучали... Едва быстрымъ движеніемъ успѣла я сунуть кинжалъ подъ подушку, какъ въ комнату вошла Люда.

Люда всегда поднимается съ зарею, быстро совершаетъ свой туалетъ и приходитъ будить меня каждое утро. Я не люблю этихъ посѣщеній, хотя люблю Люду всей душой. Она всегда такая тихая и кроткая, какъ овечка, съ ея длинными, глянцевитыми черными косами, красиво и гладко уложенными на затылкѣ, съ ея удивительно моложавымъ лицомъ. Ей около 34-хъ лѣтъ—Людѣ, моей воспитательницѣ, замѣнившей мнѣ мою покойную мать, а между тѣмъ по виду она кажется немногимъ старше меня, пятнадцатилѣтней дѣвочки... Всѣ въ домѣ называютъ ее ангеломъ за ея доброту. Но ея доброта раздражаетъ меня порою... Мнѣ кажется, что нельзя быть такой доброй и кроткой, и что Люда такова ради того только, чтобы ее любили... Да проститъ мнѣ Господь подобныя мысли!

— Ты не спишь, Нина?—спрашиваетъ она.

— Какъ видишь!—отвѣчаю я съ затаеннымъ раздраженіемъ на мою названную сестру и воспитательницу.

Мнѣ досадно, что она вошла ко мнѣ въ то время, когда я хотѣла полюбоваться подаркомъ Керима.

— Слушай, Нина,—произнесла Люда и, не замѣчая, какъ кажется, моего непріятнаго настроенія, присаживается на край моей постели,—я пришла къ тебѣ поговорить серьезно.

— Серьезно?—дѣлаю я большіе глаза, и насмѣшливая улыбка кривитъ мои губы,—но вѣдь ты всегда не иначе, какъ серьезно, говоришь со мною, Люда!

— Перестань насмѣхаться, Нина, — говоритъ она, силясь вызвать строгое выраженіе на свои нѣжныя губы.—Я хотѣла поговорить съ тобой объ отцѣ. Ты не любишь его, Нина!

— О!..

Въ этомъ „о“ выражается все: и гнѣвъ, и негодованіе, и обида. Но этимъ „о“ исчерпывается и все дальнѣйшее объясненіе въ моихъ устахъ. Я слишкомъ горда, чтобы оправдываться и спорить. Я не умѣю выражать свою любовь, признательность, благодарность... И ласкаться я также не умѣю... Въ этомъ я не виновата, Богъ свидѣтель тому. Кровь моего племени — племени моихъ родителей и предковъ — создала меня такою.

— Ты не любишь твоего отца, нашего нареченнаго отца, — поправилась Люда, — еслибъ ты знала, какъ его тревожитъ вчерашнее происшествіе, твоя вывихнутая рука... исчезновеніе Смѣлаго, словомъ—та тайна, которою

ты окружила себя... И отецъ такъ деликатенъ, замѣть, Нина, что никогда не спроситъ тебя объ этомъ...

— Но тѣмъ не менѣе меня спрашиваешь объ этомъ ты!—не могу не улыбнуться я, глядя въ самые зрачки моей воспитательницы.—Милая Люда! Я вполнѣ понимаю тебя,—продолжаю я уже серьезнымъ и даже торжественнымъ голосомъ,—я понимаю твои страхи и заботы. Еще-бы, развѣ это не странно? Пріемная дочь, узаконенная княжеская воспитанница и племянница, аристократка, носится по горамъ, какъ юноша-джигитъ, въ рваномъ бешметѣ, совершая далекія поѣздки въ окрестности Гори, попадаетъ подъ грозу и ливень и возвращается пѣшкомъ, съ вывихнутой рукою... Вы правы, тысячу разъ правы, Люда! Я мальчишка, татарчонокъ, необузданная дикарка, словомъ—все то, чѣмъ вы справедливо считаете меня, ты и отецъ. Я упала со скалы въ ущелье, вывихнувъ себѣ руку... и на смерть загоняла Смѣлаго...

— Ахъ!

Люда всплеснула руками. Въ ея чудныхъ, какъ двѣ спѣлыя черешни, черныхъ глазахъ выразился неподдѣльный ужасъ...

— Смѣлый умеръ!—вскричала она,—и тебѣ не жаль его, Нина?..

Мои глаза на мигъ наполняются слезами. Но только на мигъ, не больше. Я не умѣю плакать и считаю слезы позоромъ.

— Сердце мое Люда! Звѣздочка моя восточная!— говорю я, насколько умѣю, ласково и сердечно,—скажи папѣ все это и не заставляй меня исповѣдываться передъ нимъ!

„Сердце Люда“ укоризненно качаетъ головою... Потомъ цѣлуетъ меня и уходитъ, спѣша успокоить дядю Георгія. Милая Люда! Она добра, какъ ангелъ. Но что значитъ доброта Люды въ сравненіи съ храбростью Керима?

Я быстро вскакиваю съ постели, обливаюсь холодной водою, принесенной мнѣ Маро. Пока я моюсь, Маро стоитъ предо мною съ своимъ неподвижнымъ, сонным лицомъ, какое бываетъ только у замужнихъ грузинокъ, съ своими пустыми черными бархатными глазами и съ укоромъ смотритъ на меня.

— Не хорошо, княжна...—вяло произносятъ ея пурпуровыя губки, — коня загоняла... ручку испортила... пѣшей вернулась... Батоно-князь тревожился, очень тревожился батоно... Ручка болитъ, на балу плясать не будешь... Балъ на недѣлѣ, а ручка испорчена... Не хорошо, джанъ [1]), не хорошо, голубка!

— Нѣтъ, буду плясать на балу, Маро. Рука пройдетъ, заживетъ до свадьбы,—смѣюсь я.—И ты будешь плясать, Маро, лезгинку на нашемъ балу плясать будешь!

---

[1]) Душенька.

— Что ты, что ты, княжна!—лепечетъ съ неподдѣльнымъ ужасомъ молодая грузинка. — Маро плясать нельзя. Маро замужняя... Мужъ узнаетъ—бить будетъ, до смерти забьетъ Маро...

— Не забьетъ, увидишь! Ты хорошенькая, Маро, прелесть какая хорошенькая! Очи какъ у газели, уста—розовые кусты! А ты видѣла Керима, Маро? Керима, вождя душмановъ? — неожиданно, помимо собственной воли, выпаливаю я.

Она вздрагиваетъ какъ подъ ударомъ хлыста. Лицо ея разомъ дурнѣетъ отъ исказившаго ея черты выраженія дикаго ужаса.

— Керимъ! Керимъ!—лепечетъ она въ страхѣ, роняя изъ рукъ глиняный кувшинъ, изъ котораго поливала водою мои намыленныя руки.—Святая Нина, просвѣтительница Грузіи, святая, мудрая царица Тамара! Зачѣмъ произносишь ты это имя, княжна-джанъ? На немъ кровь и смерть. Избави Господь каждаго христіанина отъ встрѣчи съ Керимомъ-душманомъ!

Испуганное лицо Маро, въ то время когда она говорила о Керимѣ, разсмѣшило меня.

„А знаешь-ли ты, Маро, что я встрѣтила его? Онъ даже кунакъ (пріятель) мой!“ — готово было съ гордостью вырваться изъ моей груди.

Но я во-время удержалась и, плеснувъ въ хорошенькое лицо Маро студеной струей, крикнула ей со смѣхомъ: „Да и трусиха-же ты!“ и со всѣхъ

ногъ кинулась изъ комнаты пожелать добраго утра отцу.

Все дрожитъ въ моей душѣ, все трепещетъ.

Непривычная къ шуткамъ и смѣху, я сегодня шутила и смѣялась съ Маро. Это такъ необычайно ново, что я сама не узнаю себя.

Это не веселый смѣхъ... не можетъ быть веселымъ, когда на душѣ моей камнемъ лежитъ укоръ совѣсти въ гибели лошади...

Но что дѣлать, если слезъ не дано моей душѣ?

Что дѣлать, если мое сердце черство и сурово, какъ каменная глыба горъ?

Мой нареченный отецъ сидитъ въ столовой. Передъ нимъ дымится, въ прозрачной фарфоровой чашечкѣ, вкусный, крѣпкій турецкій мокко. На тарелкахъ передъ нимъ разложены настоящій грузинскій соленый квели [1]), который мастерски готовитъ у насъ Маро и который не переводится въ нашемъ домѣ испоконъ вѣка, и прѣсные лаваши [2]) и лоби. Тутъ-же лежитъ кусокъ персиковаго пирога, остатокъ вчерашняго ужина.

При видѣ любимаго кушанья, я разомъ почувствовала волчій аппетитъ и, поцѣловавъ отца, съ жадностью набросилась на ѣду. Отецъ, съ нескрываемымъ удовольствіемъ, любовался мною. Когда я окончила мой завтракъ, онъ нѣжно притянулъ меня къ себѣ.

---

[1]) Сыръ.

[2]) Хлѣбныя лепешки.

— Люда мнѣ сказала, — началъ онъ своимъ ласковымъ голосомъ, — про твое несчастье, Нина! Бѣдный Смѣлый погибъ въ горахъ, но ты не горюй, моя дѣвочка. Лишь только залѣчимъ твою руку, ты можешь взять любую лошадь изъ конюшни взамѣнъ твоего погибшаго друга!

Едва онъ докончилъ свою фразу, какъ я испустила дикій крикъ радости и повисла у него на шеѣ... Я, непривычная къ ласкѣ, ласкала моего отца, какъ никого не ласкала въ мірѣ, я буквально душила его поцѣлуями и, обвивая своими тонкими руками его сѣдую голову, лепетала сквозь взрывы счастливаго смѣха:

— Алмаза... папа, милый... Алмаза подари мнѣ, папа... Алмаза!

— Нина! радость! джаночка моя, опомнись! — съ волненіемъ произнесъ отецъ, — какъ можно давать тебѣ Алмаза, который каждую минуту норовитъ сбросить всякаго съ сѣдла... Ты не проскачешь на немъ и одной мили, радость.

— Проскачу, папа! Солнышко мое, счастье мое, проскачу! Клянусь тебѣ высокими горами Кавказа и долинами Грузіи, я усмирю его, папа! Усмирю!—хохочу я, какъ безумная, въ то время какъ въ голосѣ моемъ дрожатъ рыданія.

Мои глаза сверкали. Лицо пылало яркимъ румянцемъ. Губы и ноздри трепетали, какъ у дикаго горнаго коня.

Вѣроятно слова ласки были такъ непривычны и странны въ моихъ устахъ, что отецъ невольно поддался ихъ вліянію... Передъ его умственнымъ взоромъ, должно быть, воскресла другая дѣвочка, нѣжная, какъ ласточка, кроткая и любящая, какъ голубка... Онъ вспомнилъ свою покойную дочь и глаза его затуманились слезами. Потомъ онъ затихъ на минуту и оставался неподвижнымъ, съ низко опущенной головою. Наконецъ, лицо его, исполненное ласки и невыразимой грусти, повернулось ко мнѣ.

— Нина-джанъ!—произнесъ онъ неизъяснимо нѣжнымъ голосомъ,—я дарю тебѣ Алмаза—онъ твой! Только прикажу казакамъ выѣздить его хорошенько.

Я вздрогнула, дико вскрикнула и метнулась изъ комнаты, забывъ поблагодарить отца, не слушая словъ Люды, кричавшей мнѣ что-то... Мои мысли и душа были уже въ конюшнѣ, гдѣ стояли четыре казацкія лошади отца и, въ томъ числѣ, онъ, мой Алмазъ, свѣтъ очей моихъ, моя радость. Мнѣ казалось, что я сплю и грежу во снѣ, до того неожиданнымъ и прекраснымъ казалось мнѣ мое счастье!

Вмѣсто упрековъ въ гибели Смѣлаго я получила поцѣлуи и ласки! Вмѣсто погибшаго четвероногаго товарища — новаго друга, о которомъ съ сладкимъ замираніемъ мечтала моя душа. Это былъ лучшій конь отцовской конюшни, самая быстрая лошадь изъ всѣхъ, какія мнѣ когда-либо приходилось встрѣтить, гнѣдой красавецъ кабардинской породы.

Немудрено было обезумѣть и взбѣситься отъ восторга.

Старый денщикъ Михако попался мнѣ на дорогѣ.

— Счастье, Михако, большое счастье! — крикнула ему я и, какъ безумная, вихремъ промчалась мимо озадаченнаго моей дикой скачкой солдата.

— Аршакъ! Аршакъ! — вопила я черезъ минуту, ураганомъ влетая въ конюшню и отыскивая глазами пятнадцатилѣтняго конюха нашего, родного брата Маро.— Аршакъ, выводи Алмаза! Онъ мой! Онъ мой! Отецъ подарилъ мнѣ его. Скорѣе, Аршакъ.

Аршакъ былъ моимъ пріятелемъ и другомъ. Когда Маро поступила къ намъ, она принесла въ домъ нашъ сироту-брата и съ тѣхъ поръ Аршакъ воспитывался у насъ, полу-слугою, полу-членомъ нашей семьи, вѣрный товарищъ моихъ игръ вначалѣ и исполнительный юный слуга моего отца впослѣдствіи.

Онъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на меня съ минуту времени, потомъ его широкое характерное грузинское лицо, чуть испорченное оспой, расплылось въ широчайшую улыбку.

— Бери Алмаза, душа моя, княжна-зоренька! Бери Алмаза! Алмазъ хорошій конь, не чета Смѣлому... Не выдастъ, не сброситъ. Бери Алмаза, добрый тебѣ будетъ товарищъ Алмазъ, барышня! — говорилъ онъ, бросаясь исполнять мое приказаніе.

Но я, и безъ вмѣшательства Аршака, знала, что за

прелесть моя новая лошадка. Въ три прыжка очутилась я подлѣ красавца гнѣдого, золотомъ отливающаго тонконогаго кабардинца и, обвивъ моими смуглыми руками его тонкую, породистую шею, зашептала ему въ уши исполненныя ласки и нѣжности слова:

— Алмазъ мой! Ненаглядный мой! Алая заря майскаго восхода! Счастье дней моихъ! Лучезарное солнышко кавказской страны! Я люблю тебя! Я люблю тебя, мой единственный!

Гнѣдой кабардинецъ, казалось, понималъ меня. Онъ косился на меня умными круглыми карими глазами и издавалъ тихое, ласковое ржаніе.

Люда застала меня буквально повиснувшей на его гибкой шеѣ.

— Я не одобряю поступка папы, — произнесла она серьезно, глядя на меня своими черными черешнями-глазами, въ которыхъ затаилась вѣчная печаль, — разъ ты загубила одного коня, я бы ни за что не дала тебѣ другого, Нина! Но не въ томъ дѣло. Отецъ рѣшилъ такъ, значитъ надо ему повиноваться. Я пришла за тобою. Надо заняться. Мы должны идти повторить еще разъ французскіе глаголы неправильнаго спряженія. Идемъ!

Французскіе глаголы неправильнаго спряженія, когда жгучая радость охватываетъ васъ!!! Когда каріе глаза Алмаза косятся на васъ съ затаеннымъ ожиданіемъ скорой прогулки!!! Когда небо Гори улыбается такъ пламенно и ясно!!!

Французскіе глаголы неправильнаго спряженія!!!

О, зачѣмъ я не мужчина-джигитъ, не горный абрекъ и мнѣ—увы!—пятнадцать лѣтъ только!

ГЛАВА III.

Балъ.—Злополучный туръ вальса.

ПРИБЛИЖАЛОСЬ 10-е мая—день моего рожденія, въ который мнѣ минуло 15 лѣтъ. Въ этотъ день я получила чудесные подарки отъ отца и Люды, а вечеромъ отецъ устраивалъ въ мою честь балъ для русскаго и грузинскаго населенія Гори.

Я не люблю баловъ, не умѣю танцовать и презираю свѣтское общество, но я не хотѣла возражать въ угоду папѣ, который желалъ какъ можно скорѣе показать обществу свою полувзрослую дочку.

Прошло болѣе двухъ недѣль со дня моего приключенія въ горахъ. Кости Смѣлаго были, должно-быть, давно растащены стараніемъ голодныхъ волковъ и чекалокъ; новый другъ смѣнилъ въ моемъ сердцѣ погибшаго коня. Алмазъ сразу сталъ для меня незамѣнимымъ. Я гордилась имъ и лелѣяла его. Конь былъ красивъ на диво и неспокоенъ, какъ настоящій дикарь. Я исподволь пріучала его повиноваться мнѣ и, странное дѣло, маленькая смуглая рука подростка вліяла на него гораздо болѣе, нежели сильныя закорузлыя руки нашихъ казаковъ.

И такъ, 10-е мая наступило. Люда и я съ обѣда нарядились въ наши лучшія платья и приготовились къ встрѣчѣ гостей. На Кавказѣ темнѣетъ рано и немудрено поэтому, что въ девять часовъ вечера въ домѣ уже зажглись огни... Сонная Маро разставляла по всѣмъ угламъ парадныхъ комнатъ пахучіе кальяны [1]). Михако при помощи двухъ денщиковъ-солдатъ уставлялъ безчисленные столики тяжелыми подносами со сластями въ видѣ засушенныхъ фруктовъ, свѣжихъ персиковъ и восточныхъ конфетъ; цѣлые кувшины ароматичнаго шербета и подслащеннаго ананаснаго питья ставились тутъ-же. И рядомъ съ этими чисто восточными лакомствами находились европейскіе гостинцы въ видѣ петербургскаго шоколада и московскихъ конфетъ.

Аршакъ, туго затянутый въ свой новый праздничный бешметъ, съ осиною таліей и въ лихо заломленной на бокъ папахѣ неслышно скользилъ по ковру своими новыми мягкими чевяками. Люда уставляла чайный столъ всевозможными печеніями и вареньями, которыя составляли неотъемлемую принадлежность нашего дома.

Я безцѣльно слонялась въ своемъ нарядномъ платьѣ и не знала, куда опредѣлить себя. Нарядное платье жало подъ мышками. Грудь тѣснило отъ непривычной шнуровки. И платье и шнуровка несказанно раздражали. Вотъ-бы сорвать все это и облачиться въ мой любимый верховой бешметъ съ продранными локтями!

[1]) Приборъ для куренія.

Съ недовольной гримасой, красная и надутая, попалась я на глаза отцу. По его лицу промелькнула ласковая, нѣжная улыбка. Онъ, казалось, не замѣтилъ моего раздраженія, удержалъ мою руку и, заглянувъ мнѣ въ глаза, нѣжно сказалъ:

— Совсѣмъ, совсѣмъ взрослая барышня. Невѣста!

Я нахмурилась. Я не любила, когда говорили такъ. Барышня... Невѣста... Я находила нѣчто оскорбительное въ этихъ словахъ.

Но папа не замѣтилъ моего настроенія и продолжалъ съ замѣтнымъ волненіемъ въ голосѣ:

— Какая ты стала красивая, Нина! Очень, очень красивая... И такою тебя увидитъ сегодня весь Гори. Постарайся-же быть милой, любезной хозяйкой, дитя! Сбрось свою обычную застѣнчивость и дикость на время. Будь настоящей молоденькой хозяйкой. Не правда-ли, ты постараешься доставить мнѣ удовольствіе, Нина?

Доставить ему удовольствіе? О, чего-бы только ни сдѣлала я, чтобы онъ былъ доволенъ! Я-бы охотно дала отрѣзать мою правую руку, лишь-бы согнать облако печали, которое почти никогда не сходило съ его лица. Но это такъ трудно, такъ ужасно трудно — по крайней мѣрѣ для меня трудно—быть любезной и милой съ его напыщенными и надутыми гостями!

— Я постараюсь, отецъ!—произнесла я, наскоро поцѣловавъ его большую бѣлую руку и, чтобы не дать

ему замѣтить охватившаго меня волненія, поспѣшно вышла въ садъ.

Излишне говорить, какъ я была недовольна и ожидаемымъ баломъ и предстоявшей мнѣ ролью молодой хозяйки. Мнѣ вмѣнялось въ обязанность занимать всѣхъ этихъ барынь и барышень, которыя должны были пріѣхать изъ Гори, Тифлиса и Мцхета, пышно наряженныхъ и надушенныхъ чѣмъ-то острымъ и пахучимъ, отъ чего у меня всегда кружится голова.

„И къ чему этотъ балъ? И къ чему гости? — внутренно негодовала я. — Лучше-бы, вмѣсто бала, отпустили меня въ аулъ къ дѣдушкѣ Магомету!.. Славно у него тамъ въ Дагестанскихъ горахъ! Скалы террасами упираются въ небо, громоздятся до самыхъ облаковъ... Бездны, словно черныя чудовища съ раскрытою пастью, стерегутъ добычу. Тамъ не надо носить узкаго корсета и длиннаго платья, въ которое особенно старательно съ нѣкоторыхъ поръ затягиваетъ меня Люда. Тамъ мои пропитанныя лошадинымъ потомъ шальвары и разодранный костюмъ были-бы у мѣста! Тамъ живетъ старый наибъ, второй мой дѣдушка, бекъ-Мешедзе, отецъ моего отца и врагъ нашей семьи. Тамъ красавица Гуль-Гуль, моя младшая тетка, сестра отца, распѣваетъ отъ зари до зари свои веселыя пѣсни. Тамъ старшая тетка Леила-Фатьма, о которой я слышала такъ много страннаго, открываетъ будущее при посредствѣ гаданья. Тамъ джигитовка и лезгинка смѣняютъ на за-

катѣ солнца трудовой день. Ахъ, хорошо тамъ! Чудесно!“

Я взглянула на небо... Молодой мѣсяцъ, прячась въ облакахъ, словно украдкой слалъ лучи свои въ чинаровую чащу.

— Вотъ этотъ самый мѣсяцъ! — произнесла я со сладкимъ замираніемъ сердца,—свѣтитъ и надъ ауломъ Бестуди, роднымъ ауломъ моего покойнаго отца и моей красавицы матери, откуда они убѣжали оба, чтобы стать русскими... Что имъ понравилось въ жизни русскихъ? Не понимаю. Что касается меня, то я бы, будь моя воля, сейчасъ бы сбросила этотъ нѣжный, какъ бѣлое облако, бальный нарядъ и замѣнила его грубымъ суконнымъ бешметомъ лезгинскихъ джигитовъ. Я-бы распутала мои черныя косы и ударомъ кинжала отдѣлила ихъ отъ головы. Я-бы стала ходить, какъ мальчики, и никто бы не узналъ въ моемъ лицѣ сіятельной барышни, обреченной на долбленіе французскихъ глаголовъ. Аулъ Бестуди, сакля моей матери и родина Керима! О, зачѣмъ я такъ далеко отъ васъ!

Родина Керима!

Керима?

Гдѣ теперь этотъ Керимъ? Куда забросила его бродячая жизнь душмана? Не сдержалъ онъ своего слова. Не пришелъ въ гости. Забылъ. Какое ему дѣло до его новой куначки — скромной русской дѣвочки-подростка? Ему, извѣстному своей отчаянной храбростью отъ Куры

и Арагвы до Ріона, до шумной Койсу и другихъ истоковъ Аварской страны!

— Нина! Нина! — послышался какъ разъ въ эту минуту голосъ Люды съ балкона, — иди скорѣе! Гости съѣзжаются!

Вмигъ всѣ мои размышленія и грезы порвались, какъ нить, и непріятная дѣйствительность предстала предо мною во всѣхъ своихъ ненавистныхъ подробностяхъ. Я и не замѣтила, какъ прошло время, какъ ожилъ и преобразился нашъ, всегда нѣсколько пустынный, старый домъ.

Теперь въ окнахъ замелькали нарядные дамскіе туалеты и обшитые золотыми галунами мундиры военныхъ.

— Нина! Нина! Гдѣ ты?—слышится еще разъ полный отчаянія призывъ Люды.

— Шалунья Нина! Маленькая дикарка! Вотъ постой, я поймаю тебя! Будетъ тебѣ прятаться въ темнотѣ! Мы ждемъ тебя, маленькая сирена!—присоединился къ нему звучный и сочный голосъ.

О, я знаю этотъ голосъ. Хорошо знаю! И боюсь, и не люблю его. Княгиня Тамара Соврадзе, урожденная княжна Кашидзе, отлично умѣетъ посмѣяться и подшутить надъ моей дикостью.

Въ окнѣ мелькнула нарядная фигура княгини Тамары Соврадзе, обтянутая бархатомъ и залитая драгоцѣнностями. Она смотритъ въ садъ, сощуривъ

свои близорукіе глаза. Я не люблю княгини Тамары, хотя Люда и говоритъ, что, несмотря на ея насмѣшливость, она очень добрая и чуткая женщина... За то ея брата и моего дальняго родственника, князя Андро Кашидзе, я люблю безконечно. Что-то трогательно-жалкое есть въ его фигурѣ, мѣшковато одѣтой въ военный кафтанъ, въ его блѣдномъ, некрасивомъ лицѣ съ большимъ поперечнымъ шрамомъ, въ его грустной, милой усмѣшкѣ.

Едва я вошла въ ярко освѣщенный залъ, мною завладѣла Тамара.

— Покажись! Покажись-ка! — кричала она, тормоша меня и поворачивая во всѣ стороны.

— Очень, очень мило! Вы одѣли съ большимъ вкусомъ дѣвочку, милая Люда! Очень, очень мило. Хотя... этотъ мрачный видъ... Ce genre tragique, ça ne va guère à une soirée densante, chère Nina! Changez le! Changez de suite, petite sauvage [1]).

И она легонько трепала меня за ушко маленькой, нѣжной рукой, туго затянутой въ перчатку.

Зачѣмъ она говоритъ по-французски? Я не люблю французскаго языка, потому что понимаю его не болѣе конюха Аршака, хотя Люда прилагаетъ всѣ старанія, чтобы выучить меня этой серьезной премудрости... То-ли

---

[1]) Этотъ трагическій видъ не идетъ къ танцовальному вечеру, дорогая Нина! Перемѣните его! Перемѣните скорѣй, маленькая дикарка.

дѣло татарскій языкъ! Сколько въ немъ музыки и поэзіи!.. Онъ сладокъ, какъ голосъ буль-буля, какъ серебряная струна чіанури или звонъ горнаго ручья.

И вѣдь княгиня Соврадзе никогда не говорила по-французски, пока была княжной Кашидзе и не вышла за стараго, толстаго князя Натана Соврадзе.

Удивительно, какъ положеніе мѣняетъ людей!

— Улыбнись-же, дѣвочка. У тебя замѣчательно красивые зубы, а ты точно умышленно прячешь ихъ ото всѣхъ! — продолжала мучить меня несносная Тамара, поднявъ за подбородокъ мое лицо къ своему веселому, живому, но уже начинавшему замѣтно полнѣть и расплываться личику: на востокѣ женщины старятся рано, а Тамарѣ уже минуло 30 лѣтъ.

— Mademoiselle не удостаиваетъ насъ своей улыбкой! — послышался за мною гортанный картавый говоръ,—mademoiselle слишкомъ горда.

Я быстро оборачиваюсь. Передо мною стоитъ объ руку съ дочерью горійскаго судьи, зеленоглазой Мари Воронковой, адъютантъ папы, Сергѣй Владиміровичъ Доуровъ, армянинъ по происхожденію и самый несносный человѣкъ въ мірѣ, котораго я когда-либо встрѣчала. Его полное, упитанное, самодовольное лицо улыбается растянутой до ушей, противной улыбкой. Глаза его непріятно щурятся за золотымъ пенснэ.

Мари Воронкова хихикаетъ, точно Богъ вѣсть какую умную фразу сказалъ ея кавалеръ.

Въ одно мгновеніе вся душа моя закипаетъ гнѣвомъ. Какъ онъ смѣетъ такъ щуриться и улыбаться! Какъ онъ смѣетъ говорить со мною, какъ съ ребенкомъ! Правда, я еще дѣвочка, но это не даетъ права смѣяться надо мною. И, дерзко смотря ему въ глаза моими округлившимися отъ злости глазами, я громко говорю, отчеканивая каждое слово:

— Ну, да, вамъ я и не считаю нужнымъ улыбаться!

— А почему, смѣю спросить?—весь позеленѣвъ въ свою очередь отъ гнѣва, но всѣми силами стараясь удержаться, спрашиваетъ онъ.

— Да хотя-бы оттого, что вы мнѣ непріятны!—громко расхохотавшись, почти въ голосъ кричу ему я и отхожу, какъ ни въ чемъ не бывало, къ окну, очень довольная своей местью.

— Enfant terrible!—шепчетъ мнѣ вслѣдъ Тамара.

— Просто невоспитанная дѣвчонка!—роняетъ дочь горійскаго судьи, обиженная за своего кавалера.

Но я нимало не обращаю вниманія на все это. Мимо меня проходитъ Андро.

— Кузенъ Андро! Кузенъ Андро!—шепчу я звонкимъ шопотомъ,—подите сюда.

Онъ растерянно останавливается на минуту посреди залы, какъ бы недоумѣвая, откуда слышится шопотъ. Потомъ широкая улыбка разомъ освѣщаетъ его некрасивое лицо. Онъ замѣтилъ меня, онъ подходитъ.

— Та-та-та! Вотъ вы гдѣ, маленькая кузина!

— Андро! Милый Андро! Вы любите Доурова?— хватая его за руки, спрашиваю я.

— Адъютанта? Бррръ!—говоритъ онъ тихо и внушительно, снабжая свои слова такой комической гримасой, что я покатываюсь со смѣха.

— Такъ подите и укусите его отъ меня!—хохочу я какъ безумная и такъ ужасно разѣваю ротъ, что проходившія мимо двѣ полковыя барыни изъ бригады отца отскакиваютъ отъ меня, какъ отъ дикой лошади, которая собралась лягаться.

— Что вы, что вы, маленькая кузина! Не заставляйте меня играть роль хищной чекалки!—въ гонъ мнѣ, шепчетъ онъ со смѣхомъ.

Милый Андро! Онъ одинъ умѣетъ любить меня! Онъ одинъ сочувствуетъ мнѣ за мое длинное платье, въ которомъ я глупо и безтолково путаюсь ногами каждую минуту, и за ненавистную узкую шнуровку... Милый Андро! Какъ я люблю его!

И я готова расцѣловать его блѣдное рябое лицо, и его красный шрамъ, и его коричневыя, закорузлыя, какъ у осетина-работника, руки. Но вмѣсто всего этого я только шепчу съ тоскою:

— Какъ мнѣ скучно, Андро!

— Что вы! Что вы! Нареченная знатная дочь богатаго генерала, для которой вся жизнь должна быть дивной сказкой, и вдругъ жалуется на скуку и когда-же?

въ день своего рожденія, на веселомъ балу, устроенномъ въ ея честь. Опомнитесь, Нина, что съ вами?

— Моя жизнь — скачка въ горахъ, Андро! Я хочу въ горы!—шепчу я съ отчаяніемъ, и лицо мое, должно-быть, выражаетъ самое неподдѣльное горе, потому что Андро безпокойно мечется на мѣстѣ и шепчетъ, точно въ утѣшеніе, своей глупой маленькой кузинѣ:

— Сейчасъ начнутъ танцовать! Сейчасъ! Сію минуту!

Танцовать! Такъ вотъ чѣмъ онъ думаетъ меня утѣшить.

Люда какъ разъ проходитъ мимо меня съ двумя дочерьми командира казачьей сотни и знакомъ подзываетъ меня къ себѣ.

— Займи барышень, Нина. Будь любезной хозяйкой,—шепчетъ она чуть слышно.

Меня точно водой облили.

„Займи барышень!“ — Хорошо ей говорить это, а каково исполнить. Я рѣшительно не знаю, что говорить съ ними и чѣмъ ихъ занимать. Одна изъ нихъ повисла на одной моей рукѣ, другая на другой, обѣ розовыя, упитанныя, всѣмъ довольныя толстушки...

— Какіе у васъ прелестные глазки, княжна!—говоритъ старшая изъ сестеръ, Тони.

— И зубки! Ахъ, чудо! Когда вы улыбаетесь, вы просто душончикъ! На вашемъ мѣстѣ я улыбалась-бы каждую минуту,—вторитъ первой вторая изъ сестрицъ, отъ которой несетъ какъ разъ тѣми крѣпкими пряными

духами, которые я всей душой ненавижу, и при этомъ она чмокаетъ меня въ щеку.

Я не терплю поцѣлуевъ не менѣе духовъ. Чтобы какъ-нибудь обуздать неумѣстный восторгъ барышень, я начинаю хвалить имъ моего Алмаза.

— Славный жеребецъ! — говорю я, ухарски ударяя себя по колѣну.

Онѣ смущаются, краснѣютъ и потупляютъ глаза. Моя мальчишеская манера выражаться далеко не приходится имъ по вкусу.

— Вы любите кататься верхомъ, княжна Нина?— спрашиваетъ одна, всѣми силами стараясь замаскировать непріятное впечатлѣніе, произведенное на нее моею выходкой.

— Еще бы не любить!—вскрикиваю я,—да я готова день и ночь не разставаться съ моимъ Алмазомъ, спать у его ногъ въ конюшнѣ, ѣсть черный хлѣбъ съ солью, который онъ ѣстъ...

— Но въ конюшнѣ такъ дурно пахнетъ!—говоритъ старшая, Тони, и брезгливо морщитъ свой хорошенькій носикъ.

— Пахнетъ навозомъ, — преувеличенно громко выкрикиваю я, внезапно выходя изъ моей обычной застѣнчивости.—О, это самый здоровый воздухъ, увѣряю васъ! По крайней мѣрѣ отъ него не кружитъ голову, какъ отъ вашихъ модныхъ духовъ... Честное слово!

— Dieu! — шепчетъ въ отчаяніи вторая изъ се-

стрицъ, Лиза, съ самымъ неподдѣльнымъ ужасомъ, вперивъ въ меня свои близорукіе глаза, вооруженные лорнетомъ.

Я внутренно хохочу надъ ними. Душа моя ликуетъ. Заняла гостей, нечего сказать! Долго будутъ помнить...

Звучные, радостные, ошеломляюще-тревожные звуки вальса наполняютъ залъ. Два казака-офицера изъ подчиненныхъ князя-отца подходятъ къ намъ. Но ихъ всѣхъ опережаетъ Доуровъ.

— Un tour de valse, mademoiselle!—картавитъ онъ, расшаркиваясь передо мною.

Я хочу сказать ему, что не желаю плясать этого дикаго танца, который называется вальсомъ, и что я ничего не умѣю танцовать, кромѣ родной моему сердцу лезгинки. Но—увы!—уже поздно! Блестящій адъютантъ въ одно мгновеніе ока уже обвилъ рукою мою талію и, не слушая моихъ протестовъ, понесся, увлекая меня за собою по гладко натертому воскомъ паркету.

Мои ноги, выдѣлывая въ воздухѣ какое-то необъяснимое словами антраша, дрыгали въ воздухѣ, стараясь найти себѣ опору. Мое лицо, красное отъ гнѣва, въ тактъ ногамъ строило непріятныя и комичныя гримасы. Я дѣйствительно не умѣла ничего плясать, кромѣ лезгинки, несмотря на всѣ старанія Люды обучить меня этому трудному искусству. Очевидно, Доуровъ зналъ это и умышленно ставилъ меня въ глупое и смѣшное

положеніе, въ отместку за кинутое ему въ лицо оскорбленіе.

Кругомъ насъ сдержанно хихикали и смѣялись. Дочь горійскаго судьи, обѣ сестрички-барышни и прочія полковыя и городскія дамы, не исключая и насмѣшницы Тамары, хохотали самымъ искреннимъ образомъ, закрывъ лица вѣерами.

Наконецъ, Доуровъ, вѣроятно считая себя вполнѣ удовлетвореннымъ, неожиданно опустилъ меня на тахту, въ самый цвѣтникъ блестящихъ барышень и дамъ.

Я увидѣла сочувственно устремленные на меня глаза, насмѣшливыя улыбки... Я видѣла, что надо мною смѣялись, и душа моя рвалась на тысячу частей. Но я была слишкомъ горда и самолюбива, чтобы показать себя обиженной и оскорбленной.

Кто-то тихо шепнулъ поблизости, но настолько громко, что я успѣла разслышать:

— Бѣдная дѣвочка... Я не хотѣла-бы быть на ея мѣстѣ.

О, это было уже слишкомъ!.. Вся моя восточная кровь, кровь лезгинскихъ татаръ горнаго Дагестана, бѣшено закипѣла и заклокотала въ моихъ жилахъ. Я вспыхнула до корней волосъ. Потомъ похолодѣла вся и, увидя проходившаго мимо меня Андро, крикнула звенящимъ отъ волненія голосомъ, вся дрожа отъ затаеннаго гнѣва, оскорбленнаго самолюбія и стыда:

— Князь Андро! Прикажите музыкантамъ играть лезгинку. Я покажу имъ всѣмъ, какъ пляшетъ родимый танецъ прирожденная татарская княжна, Нина бекъ-Израилъ!

ГЛАВА IV.

Моя лезгинка.—Отчаянная смѣлость.

ВОТЪ они, тихіе, нѣжащіе, пѣвучіе звуки, полные захватывающей гармоніи! Вотъ она, пѣсня восточнаго неба, пѣсня глубокой, какъ море, бездны. пѣсня восточной звѣзды!

При первыхъ-же звукахъ хорошо знакомой и безконечно-дорогой мелодіи, я вздрогнула и вскочила съ тахты. Сорвать со стѣны бубенъ, выбѣжать на середину комнаты и встать въ позу было для меня дѣломъ одной минуты. Теперь я уже не слышала насмѣшливыхъ замѣчаній, не видѣла презрительныхъ улыбокъ на лицахъ нашихъ гостей. Вся душа моя кипѣла и волновалась однимъ страстнымъ желаніемъ, одною безумною жаждою доказать всѣмъ имъ, этимъ напыщеннымъ, скучнымъ барамъ, что Нина бекъ-Израилъ, это дикое, некультурное, по ихъ мнѣнію, дитя природы, можетъ быть на высотѣ своего призванія. О-о!

Все быстрѣе и быстрѣе идетъ темпъ лезгинки. Все жарче и жарче разгорается въ моихъ жилахъ татарская кровь... Я чувствую, какъ краска уже кинулась мнѣ въ лицо... Я чувствую, какъ глаза мои ярко заго-

раются. Съ быстротою молніи поднимаю я бубенъ надъ головою и, вертя его такъ, что всѣ его звонкіе колокольчики поютъ разомъ свою серебристо-раскатистую пѣснь, пускаюсь въ безумную пляску. Мои ноги быстро скользятъ по гладко натертому полу... Воздушное платье облакомъ стелется, обвивая мою съ быстротой молніи кружащуюся фигуру. Мои тяжелыя, длинныя змѣикосы бьютъ меня по плечамъ и спинѣ, струясь длинными волнообразными лентами до самаго пола.

Я ношусь, какъ бѣлая птица съ черными крыльями, передъ лицами нашихъ, словно зачарованныхъ моей пляской, гостей... Теперь уже нѣтъ и помина насмѣшливымъ возгласамъ и ироническимъ улыбкамъ... Теперь легкій одобрительный шопотъ, какъ шелесть вѣтра въ чинаровой рощѣ, проносится по залу... Старики вышли изъ-за картъ. Отецъ пробрался впередъ и, впиваясь въ меня любующимся взоромъ, шепчетъ:

— Молодецъ, Нина! Прелесть какъ хорошо! прелесть!

Адъютантъ Доуровъ тутъ-же. Я успѣваю разсмотрѣть въ вихрѣ пляски его упитанное, самодовольное лицо и нескрываемый восторгъ, написанный на этомъ лицѣ.

„Ага! — мысленно торжествую я, — что, по вкусу пришлась пляска дикарки-княжны? Той самой дикой тагарки, надъ которой всѣ вы только-что смѣялись!.. Какъ жаль только, что у меня нѣтъ кавалера, такого-же лов-

каго исполнителя лезгинки, какъ и я!“ — вихремъ проносится въ моихъ мысляхъ, и я оглядываю кругъ гостей.

Вотъ стоятъ молодые хорунжіе и сотники изъ казачьихъ батарей, подчиненныхъ моему отцу. Я знаю, что они умѣютъ плясать мой любимый танецъ, но развѣ они спляшутъ такъ, какъ-бы мнѣ хотѣлось? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Они пляшутъ по-маскарадному, съ бьющими на театральный эффектъ движеніями, по-офицерски, этотъ полный огня и беззавѣтной удали танецъ! Только природный вскормленникъ дагестанскаго аула, чистокровный сынъ горнаго востока можетъ плясать по-настоящему эту дивную пляску...

Съ тоскою повожу я глазами, не слыша бурныхъ апплодисментовъ, громомъ разразившихся по моему адресу, не видя восторженныхъ, устремленныхъ на меня взоровъ, какъ вдругъ замѣчаю въ толпѣ гостей незнакомое лицо... Кто онъ—этотъ красивый персъ съ длинной бородою, въ остроконечной, характерной шапкѣ, которыя часто можно встрѣтить среди жителей Эривани? Его пестрый халатъ незнакомъ мнѣ, но въ смугломъ величавомъ лицѣ съ горбатымъ носомъ и насмѣшливыми губами есть что-то знакомое...

Наши глаза встрѣтились... Взоры скрестились... и, не отдавая себѣ ясно отчета, я бросаю бубенъ въ сторону незнакомаго перса, неожиданно появившагося на нашемъ балу... Онъ ловко подхватываетъ его на-лету

и, прежде чѣмъ кто-либо могъ ожидать этого, проворно и быстро выбѣгаетъ на середину залы...

— Кто онъ? Кто онъ?—слышится сдержанный шопотъ между гостями.

Но не все-ли равно имъ кто онъ?

Кто-бы онъ ни былъ, этотъ персъ, но онъ хочетъ помочь мнѣ, хочетъ плясать со мною лезгинку. Кому какое дѣло до всего остального?

Музыканты, словно предвидя интересное зрѣлище, съ новымъ рвеніемъ подхватили темпъ. Закружилась, закипѣла, завертѣлась новая, горячая какъ огонь и быстрая какъ зарница, удалая лезгинка. Теперь я уже была не одна. Извиваясь змѣею, порхая птицей, носился, увиваясь вокругъ меня, незнакомецъ-персъ. Я не отдавала себѣ отчета, какъ могъ онъ знать въ такомъ совершенствѣ чуждую ему пляску дагестанскихъ племенъ. Я видѣла и чувствовала одно: онъ исполнялъ ее безукоризненно, внося въ свое исполненіе весь безпредѣльный жаръ лезгина, всю беззавѣтную быстроту и ловкость настоящаго джигита. Это была цѣлая поэма Востока съ его кустами чинаровыхъ рощъ, съ соловьиными трелями, съ розовымъ ароматомъ... Я скользила и носилась, едва касаясь пола, по комнатѣ. Персъ кружился вокругъ меня, то настигая меня—свою даму, то умышленно отступая и давая мнѣ дорогу съ тѣмъ неуловимымъ оттѣнкомъ рыцарства, которымъ такъ полонъ чудесный танецъ. Я полузакрыла глаза, упоенная,

обезсиленная родимой пляской. И вдругъ въ ту минуту, когда я всего меньше ожидала этого, смуглое лицо перса очутилось у моего лица... Горячее дыханіе обдало мою щеку и два чудно-сверкающіе, гордые и прекрасные, какъ исполинскіе брилліанты, глаза очутились передъ моими глазами.

— Княжна Нина! Я сдержалъ свое слово!—вскричалъ знакомымъ мнѣ голосомъ мой странный товарищъ по лезгинкѣ.

И черная борода и остроконечная шапка въ одну минуту упали къ моимъ ногамъ. Полосатый персидскій халатъ соскользнулъ съ плечъ танцора, и ага-Керимъ-бекъ-Джамала, горный душманъ, предсталъ передъ всѣми во всемъ своемъ удаломъ безстрашіи и красотѣ.

— Керимъ! Керимъ!—не своимъ голосомъ, исполненнымъ восторга и страха въ одно и то же время, вскричала я.—Керимъ-ага, возможно-ли! Вы?

— Я!—твердо отвѣчалъ молодой горецъ и съ минуту стоялъ неподвижно, скрестивъ на груди руки, словно дразня своимъ присутствіемъ всѣхъ этихъ разряженныхъ и напыщенныхъ гостей.

Съ минуту длилось замѣшательство.

Потомъ въ дамскомъ кругу послышались отчаянные взвизгиванія, крики и плачъ.

— Держите! Держите его! Это разбойникъ! Душманъ! Грабитель!—на разные голоса послышалось въ залѣ.

Мой отецъ первый кинулся къ Кериму. За нимъ бѣжали два казака-вѣстовые, исполняющіе роль денщиковъ въ нашемъ домѣ. Мое сердце замерло. Я похолодѣла отъ страха. Но Керимъ въ два прыжка очутился на окнѣ.

— Старый князь Джаваха! — закричалъ онъ голосомъ, могучимъ и звонкимъ въ одно и то же время, — ты плохо знаешь адаты восточной страны. Гость—священная особа. Не забудь это!

— Молчи, разбойникъ! Или...—и мой отецъ, сорвавъ со стѣны револьверъ, взвелъ курокъ...

— Ради Бога, папа! Ради Бога!—съ отчаяннымъ крикомъ бросилась я къ нему. — Керимъ мой гость! Я не допущу, чтобы его убивали...

— Что?!

Черные, обычно добрые, а теперь округлившіеся отъ гнѣва и ужаса, глаза моего отца остановились на моемъ лицѣ испытующимъ взоромъ.

Вѣроятно лицо мое лучше всякихъ словъ пояснило ему мое настроеніе, потому что въ тотъ-же мигъ онъ легонько оттолкнулъ меня и съ поднятымъ револьверомъ бросился къ окошку.

Керимъ все еще стоялъ тамъ со скрещенными руками, съ лицомъ, выражающимъ безконечную удаль... Глаза его метали молніи... Ноздри тонкаго носа и алыя губы трепетали, какъ у дикой лошади. Никакого оружія не было у него въ рукахъ... Попрежнему безчисленные кинжалы оставались заткнутыми за поясомъ.

Ужасъ сковалъ всѣ мои члены. Они поймаютъ Керима... Они его изувѣчатъ. И, не отдавая себѣ отчета, я въ три прыжка очутилась у окна, преграждая дорогу къ Кериму и крича истерически-изступленнымъ голосомъ:

— Ради Бога, Керимъ! Ради вашего Аллаха! Спасайтесь! Или...

Въ одну минуту передо мной очутилось искаженное отъ гнѣва лицо Доурова.

— Такъ вотъ какъ, княжна! — прошипѣлъ онъ съ перекошеннымъ отъ злости лицомъ, — такъ вотъ какъ! Вы потакаете разбою, вы укрываете душмана! Прекрасно, очаровательно помогать душегубу! Каину!

Вся кровь бросилась мнѣ въ лицо. Точно кто ударилъ меня хлыстомъ или нагайкой, такъ мучительно-оскорбленной почувствовала себя я.

— Молчать!.. Вы! Какъ васъ тамъ! — внѣ себя закричала я на всю залу. — Какъ вы смѣете оскорблять меня! Керимъ не душегубъ и не Каинъ. А вы... вы!. О, какъ я васъ ненавижу! — не придумавъ иного оскорбленія, бросила я ему въ лицо.

— Пустите!—произнесъ онъ почти шопотомъ, задыхаясь отъ злобы и награждая меня взглядомъ ненависти, гнѣва и вражды.

— Не пущу.

— Пустите меня и солдатъ схватить разбойника!

— Не пущу!

— О!

Безсильная злоба исказила его черты.

Въ ту-же минуту я почувствовала, какъ чьи-то сильныя руки обвили мои плечи. Это были руки отца. Онъ быстро отвелъ меня въ сторону и первый кинулся къ окошку. Но тамъ никого уже не было. Только усиленно зашуршали въ саду кусты азалій, росшіе подъ окномъ.

Слава Богу! Керимъ былъ внѣ опасности. Я облегченно вздохнула...

Но тутъ-же громкое приказаніе отца разомъ повергло меня въ новую тревогу.

— Пять тысячъ рублей награды тому, кто поймаетъ и доставитъ сюда живымъ разбойника! — ясно и отчетливо пронесся по залѣ его характерный звучный голосъ.

И въ ту-же минуту оба казака вѣстовые, старый Михако и юный Аршакъ, предшествуемые молодыми хорунжими и княземъ Андро, кинулись въ садъ.

Не помня себя, я бросилась за ними.

— Андро! Андро! — лепетала я какъ въ забытьѣ, цѣпляясь руками за длинныя полы его военнаго кафтана, — вы не погубите его, Андро! Вы не тронете его! Онъ—мой гость, мой кунакъ! О, Андро! Не давайте его въ обиду, во имя Бога, или вы не другъ мнѣ, Андро! Не другъ!

— Опомнитесь, Нина! Опомнитесь, безумное дитя! Что съ вами?—и онъ всячески старался отцѣпить мои дрожащія руки отъ своего платья...

Я зарыдала. Это не были слезы, нѣтъ. Какіе-то стоны рвались изъ моей груди дикими, неописуемыми воплями. Такъ стонетъ волчиха отъ голоду, такъ стонетъ горный джайронъ, преслѣдуемый охотниками.

— Горе мнѣ! — рыдала я въ изступленіи. — Горе мнѣ! Я его выдала! Я его предала! О, глупая, тупоголовая, жалкая дѣвчонка! Не сумѣла сдержать своего порыва! Не сумѣла скрыть своего изумленія! Раскудахталась, какъ глупая курица! О, гадкая, слабая, малодушная дѣвчонка!

И я каталась по мокрому отъ росы дерну, я рвала на себѣ платье и волосы и рыдала такъ, что, казалось, грудь моя разорвется и голова расколется отъ слезъ.

Не знаю, долго-ли бы продлился мой припадокъ, но чья-то нѣжная и сильная рука легла на мое плечо. Я быстро вскочила на ноги, готовая наградить градомъ бѣшеныхъ упрековъ того, кто осмѣлится теперь заявить мнѣ свое неудовольствіе или наградить хотя-бы и вполнѣ заслуженнымъ укоромъ.

И вдругъ отступила въ невольномъ молчаніи...

Передо мною стоялъ мой отецъ...

Но не прежній, милый и снисходительный отецъ, тотъ ласковый, неизъяснимо добрый князь-батоно [1]), какимъ его всѣ знали не только въ нашемъ домѣ, но и въ цѣломъ Гори. Нѣтъ. Этотъ сѣдой, величавый генералъ съ гордой осанкой, съ сурово сдвинутыми бровями

[1]) Господинъ.

и мрачно-горящимъ взглядомъ, это не былъ князь Георгій Джаваха — мой любвеобильный, всепрощающій, ласковый дядя-отецъ. Мрачно горящимъ взоромъ взглянулъ онъ мнѣ въ самые глаза. Я не выдержала взора этихъ глазъ и опустила свои.

— Нина! — произнесъ онъ сурово, — долженъ-ли я пояснить тебѣ, что ты поступила нечестно?

Еслибъ мнѣ сказалъ это не онъ, а другой кто-либо, я сумѣла бы отвѣтить. Но передъ нимъ я молчала: я должна была молчать.

— Ты поступила нечестно,—продолжалъ онъ неумолимо,—ты обидѣла твоего стараго отца.

— Папа!—крикнула я, и мой голосъ зазвенѣлъ непривычными ему нотами необычайнаго волненія...

Но онъ перебилъ меня, произнеся строго:

— Ты обидѣла, огорчила и оскорбила меня. Больше того: ты осрамила меня на цѣлый Гори. Дочь всѣми уважаемаго, честнаго царскаго служаки, боевого казака-начальника, оказывается ведетъ тайную дружбу съ опаснѣйшимъ изъ окрестныхъ душмановъ, съ грабителемъ и воромъ, убившимъ немало людей на своемъ вѣку...

— Это неправда! Неправда, папа!

— Молчи! Что знаешь ты? Дитя! Ребенокъ!

И онъ гнѣвно топнулъ ногою.

Глаза отца, поднятые на меня, загорѣлись мрачнымъ пламенемъ.

— Я прощаю шалость... Прощаю дикость, Нина... но не ложь... Но не ложь, клянусь тебѣ Богомъ! Лжи я не прощу.

— Я не лгала тебѣ, отецъ! Я не умѣю лгать,— вскричала я въ порывѣ отчаянія.

— Ты скрыла отъ меня. А это не то-же-ли, что ложь, Нина?—произнесъ онъ съ укоромъ.—Гдѣ ты встрѣтила Керима? Гдѣ познакомилась съ нимъ?

— Въ Уплисъ-цихе, отецъ!—произнесла я твердо,— въ пещерѣ... во время грозы. Онъ спасъ меня, вырвавъ изъ когтей бездны, въ ту ночь, когда я вывихнула руку и потеряла Смѣлаго.

— Я не вѣрю тебѣ, Нина,—съ укоромъ покачивая головою, произнесъ онъ,—ты нарочно говоришь такъ, чтобы я былъ снисходительнѣе къ Кериму. Разбойникъ не выпустилъ-бы тебя изъ своихъ рукъ безъ выкупа, безъ пешкеша...

— Но то разбойникъ, а вѣдь Керимъ не настоящій разбойникъ, папа,—пробовала возражать я.

Но онъ уже не слушалъ меня. Лицо его было по-прежнему сурово и мрачно, когда онъ сказалъ:

— Не лги, Нина! Не унижай себя. Я не повѣрю тебѣ. Я не забуду твоего поступка. Ты открыто держала сторону этого бродяги и шла противъ меня, твоего отца, который... который...

Онъ остановился на минуту, какъ-бы удерживая охватившее его волненіе. Потомъ, помолчавъ немного, сказалъ:

— Ты слишкомъ велика, чтобы наказывать тебя. И я слишкомъ слабый отецъ, чтобы подвергать тебя наказанію. Одно я могу сдѣлать: не видѣть тебя. Да, я не хочу тебя видѣть до тѣхъ поръ, пока ты не откроешь мнѣ всей правды. А теперь ступай. Сейчасъ наши поймаютъ Керима и доставятъ его сюда. Я не хочу, чтобы ты была свидѣтельницей этого. Ступай къ себѣ и жди тамъ моихъ приказаній.

„Поймаютъ Керима! Поймаютъ Керима! О! —мысленно прошептала я.—Силы свѣтлыя и темныя! Вы, нѣжные ангелы горійскаго неба! Вы, черные духи кавказскихъ ущелій, помогите ему! Дайте его ногамъ быстроту ногъ горнаго тура! И сильный размахъ орлинаго крыла! Святая Нина Праведница, въ честь которой мнѣ дано мое имя, услышь молитву дикой, ничтожной дѣвочки. Спаси его! Спаси его, святая Нина! Сними тяжесть укора съ моей души. Не дай ему погибнуть изъ-за меня, которая не достойна обуть ему ногу сафьяновой чевякой... Спаси его! И я вышью золотую пелену на твой образъ въ тифлисскомъ храмѣ, я, не умѣющая держать иглы въ рукахъ и ненавидящая рукодѣліе всей моей душою!“

И, низко опустивъ голову, я медленно поплелась по длинной чинаровой аллеѣ. Странно, ни слова моего отца, ни его неудовольствіе, которое привело-бы меня въ отчаяніе въ другое время, сегодня не произвели на меня большого впечатлѣнія. Всѣ мои мысли, всѣ мои желанія были направлены къ одному: лишь-бы успѣлъ

скрыться Керимъ. Лишь-бы посланные гонцы не настигли его.

Я быстро прошла по замѣтно опустѣвшимъ комнатамъ. Многіе гости, испуганные происшествіемъ, разъѣхались; нѣкоторые изъ нихъ, не успѣвшіе еще собраться, толпились въ нашихъ просторныхъ, обширныхъ, устланныхъ коврами, по восточному обычаю, сѣняхъ. Мое измятое, запачканное и отсырѣвшее платье, мои растрепанныя косы и заплаканное лицо произвели должнобыть на нихъ далеко не пріятное впечатлѣніе; я видѣла краснорѣчивыя пожатія плечей и недоумѣвающіе взгляды. Навстрѣчу мнѣ попалась Люда.

— Боже мой, Нина! Въ какомъ ты видѣ!

Я судорожно повела плечами и отрѣзала коротко и грубо, какъ солдатъ:

— Отстань отъ меня! Какое тебѣ дѣло!

Я задыхалась.

Въ моей комнатѣ, куда я скрылась отъ всѣхъ этихъ ненавистныхъ усмѣшекъ и взглядовъ, было свѣжо и пахло розами, въ изобиліи росшими подъ окнами. Я подошла къ окну, вдыхая съ наслажденіемъ чудный запахъ... Ночь, казалось, забылась безъ сна въ своемъ величаво-царственномъ покоѣ. Она точно караулила, подстерегая какую-то невидимую жертву. Никѣмъ нарушенная тишина царила здѣсь въ саду, въ азалевыхъ кустахъ и темномъ орѣшникѣ...

Я подняла глаза къ небу. Оно было темное и пре-

красное, какъ всегда... И на душѣ моей было темно, неспокойно и тяжело безконечно.

„Господи! — молилась я, поднимая взоръ къ этому темному небу съ прихотливо разорванными на немъ хлопьями облаковъ. — Господи, сдѣлай такъ, чтобы его не поймали. Сдѣлай такъ, Господи! Сними бремя съ моей души!“

Я никогда не отличалась особенной религіозностью, но тутъ я молилась до изступленія. Я вполнѣ сознавала себя виновницей несчастья, и вслѣдствіе этого страдала вдвое мучительнѣе и сильнѣе. Ужасные образы вставали въ моей душѣ. Мнѣ казалось: вотъ-вотъ заслышится лошадиный топотъ, вернутся казаки и приведутъ связаннаго по рукамъ Керима, избитаго, можетъ быть, окровавленнаго... Я вздрагивала отъ ужаса... Неслышныя слезы текли ручьями по моему лицу. Я была вся олицетвореніемъ безумнаго отчаянія...

И вдругъ, среди царственной тишины ночи, звякнули копыта лошадей. Вотъ они громче, громче, звучнѣе. Уже можно отличить отдѣльные людскіе восклицанія и голоса.

Вотъ голосъ князя Андро, оживленно разсказывающій что-то... Вотъ ненавистный окликъ Доурова:

— Княжна, вы?

Моя бѣлая фигура, четко выдѣлявшаяся на темномъ фонѣ амбразуры окна, бросилась имъ въ глаза. Меня замѣтили сразу.

Нѣсколько всадниковъ отдѣлились отъ группы и подъѣхали къ моему окну.

Вся трепеща и замирая, я спрашиваю срывающимся голосомъ:

— Ну, что?

Впереди всѣхъ Доуровъ. Его глаза горятъ, какъ у кошки во тьмѣ ночи. Его обычно довольное, упитанное лицо выражаетъ сейчасъ неудовольствіе и усталость. По одному выраженію этого лица можно понять, что ихъ постигла величайшая неудача. Я торжествую.

— Ну, что?—выкрикиваю я еще разъ.

И не вопросъ уже, а дерзкое поддразниваніе слышится въ нотахъ моего голоса.

— Улизнулъ разбойникъ! — говоритъ усталымъ тономъ ненавистный адъютантъ,—но даю вамъ мою голову на отсѣченіе, княжна, что не дольше, какъ черезъ недѣлю, я его поймаю, и онъ получитъ должное наказаніе.

— Боюсь, что вамъ придется лишиться вашей головы, Доуровъ,—насмѣхаюсь я, вся закипая минутнымъ порывомъ злого торжества.

— Посмотримъ! — говоритъ онъ и улыбается значительной улыбкой.

— Посмотримъ!—въ тонъ отвѣчаю я и, расхохотавшись ему прямо въ лицо, съ шумомъ захлопываю окошко.

Господь услышалъ мою молитву: Керимъ внѣ всякой опасности.

ГЛАВА V.

Тяжелые дни. — Хаджи-Магометъ. — Я уѣзжаю.

СЕГОДНЯ уже четвертый день, что на меня сердится папа. Въ первый день я, вся охваченная тревогой за Керима, какъ-бы не чувствовала на себѣ впечатлѣнія этого гнѣва, но теперь...

Я подхожу къ нему здороваться утромъ... Онъ спрашиваетъ меня о моемъ здоровьѣ и цѣлуетъ въ глаза по разъ установленной привычкѣ, но въ его обычно нѣжномъ взорѣ не свѣтится та свойственная ему ласка, которая была такъ привычна ему. Онъ не называетъ меня больше ни своей звѣздочкой, ни своей малюткой. И это онъ, папа, мой дорогой папа, по одному слову котораго я охотно отдала-бы всю мою жизнь! Мнѣ хочется подойти къ нему, спрятать лицо на его груди и сказать ему все: и мои мечты, и мои грезы, и всю мою непонятную ненависть къ французскимъ глаголамъ и къ существующему строю моей жизни, но языкъ не повинуется мнѣ. Къ чему говорить? Папа все равно не пойметъ меня. Никто не пойметъ... Я сама себя порой не понимаю. Я знаю только одно: судьба сдѣлала роковую ошибку, создавъ меня женщиной. Еслибъ я была мальчикомъ! Ахъ!

Я страдаю. Ужасно страдаю. Цѣлые дни я слоняюсь по саду и дому послѣ моихъ обычныхъ утреннихъ занятій съ Людой.

Люда...

Она точно не замѣчаетъ, что со мной творится... Она попрежнему все та же, необычайно спокойная, немного печальная Люда съ своимъ ровнымъ, какъ ниточка, проборомъ, съ тихой грустью, казалось, застывшей на-вѣки въ ея прекрасныхъ глазахъ. Но я знаю, что и Люда недовольна мною... И не только Люда, но и Маро, и Михако—словомъ, всѣ, всѣ. Маро, при встрѣчѣ со мною и во время того, какъ она подаетъ мнѣ умываться, укоризненно покачиваетъ головою и лепечетъ что-то о томъ, какъ неосторожно и предосудительно водить дружбу съ разбойниками... Это и смѣшно и трогательно въ одно и то же время, и все-таки все это несказанно раздражаетъ меня.

Я кажусь себѣ несчастнѣйшимъ существомъ въ мірѣ и потому только, что родилась не въ лезгинскомъ аулѣ, а подъ кровлей аристократическаго европейскаго дома. Неправда-ли, какъ все это смѣшно?

На пятый день я, наконецъ, не выдерживаю этого неестественнаго напряженія.

— Люда, — говорю я послѣ одного изъ скучнѣйшихъ уроковъ, во время котораго я узнала, что Францискъ I, побѣжденный Карломъ V, воскликнулъ: „все потеряно, кромѣ чести“. (Хорошая фраза! Должна сознаться, что она пришлась мнѣ по вкусу). — Люда! попроси папу позволить мнѣ покататься немного на Алмазѣ.

—Я!—твердо отвѣчалъ молодой горецъ...

— Но развѣ ты сама не можешь этого сдѣлать, Нина?—съ укоризненнымъ покачиваніемъ головы говоритъ мнѣ моя названная сестра и воспитательница.

— Ахъ, оставь пожалуйста! — отвѣчаю я рѣзко, въ то время, какъ сердце мое замираетъ отъ горечи и тоски.

Люда послушно идетъ съ моимъ порученіемъ и черезъ двѣ минуты возвращается назадъ.

— Папа позволилъ!

Папа позволилъ? Я не ожидала этого.

Въ мигъ забыты всѣ мои несчастья. Я быстро сбрасываю съ себя мое темное платье съ длинной таліей и узкой шнуровкой и преображаюсь въ одну минуту. На мнѣ мой старый, въ достаточной мѣрѣ поношенный бешметъ, мои широкія, запятнанныя и заплатанныя шальвары, моя бѣлая папаха изъ побурѣвшаго отъ времени бараньяго мѣха и я уже не Нина бекъ-Израилъ, княжна Джаваха, а стройный, маленькій джигитъ изъ горнаго аула.

— Арманъ! Сѣдлай Алмаза! — кричу я въ голосъ, ураганомъ влетая въ конюшню.

Онъ прищелкиваетъ языкомъ, поводитъ своими черными, сверкающими, какъ два уголька, глазами и... какъ по щучьему велѣнію, мой Алмазъ осѣданъ и взнузданъ въ одну минуту. Я птицей вскакиваю въ сѣдло и съ быстротою стрѣлы вылетаю изъ нашего сада.

Вотъ онѣ тихія, какъ сладкая грусть, долины Гру-

зіи... Вотъ она, мирная картина: виноградники Картлиніи, зеленые берега роптущей Куры, далекіе отголоски быстрой Арагвы. Прочь, прочь отсюда. Мирныя картины не по душѣ буйному сердечку Нины Израилъ! Дальше отсюда, дальше! Въ каменистыя горы, въ сердце кавказскихъ твердынь.

Я несусь съ быстротой молніи, забывъ весь міръ въ моей бѣшеной скачкѣ. Алмазъ отлично понимаетъ настроеніе своей хозяйки. Каждымъ нервомъ, каждой своей жилкой благородный конь живетъ вмѣстѣ со мною. Мы несемся теперь, какъ бѣшеные, по откосу бездны... Моя кровь съ шумомъ ударяетъ въ виски. Всѣ мои пульсы бьются неровнымъ, страннымъ біеніемъ... Я хотѣла-бы теперь одного: чтобы навстрѣчу мнѣ попался сейчасъ сѣдой, какъ лунь, волшебникъ, который бы превратилъ меня однимъ взмахомъ волшебной палочки въ отчаяннѣйшаго абрека лезгинскихъ ауловъ. Мое пылкое воображеніе истой дочери Востока уже рисуетъ мнѣ сѣдого, какъ лунь, старца съ патріархальнымъ лицомъ, съ проницательными глазами... Онъ несется ко мнѣ навстрѣчу на своемъ, золотомъ отливающемъ, конѣ. Мы сталкиваемся на узкой тропинкѣ горнаго ущелья и онъ превращаетъ меня однимъ ударомъ своего волшебнаго жезла въ смѣлаго, сильнаго, статнаго и прекраснаго лезгина, какъ Керимъ! Да, да, какъ Керимъ!...

Прощай, Люда! Прощайте, французскіе глаголы, Франциск I и Карлъ V!..

Я даже глаза зажмуриваю отъ наслажденія и скачу во весь опоръ, ничего не видя передъ собою...

Когда я открываю глаза снова, то невольно испускаю крикъ изумленія и испуга. Ну да, и испуга. Нина бекъ-Израилъ испугалась чуть-ли не впервые въ своей жизни. Да и было чего испугаться. Прямо передъ моими глазами, навстрѣчу ко мнѣ ѣхалъ сѣдой волшебникъ на отливающемъ золотомъ гнѣдомъ аргамакѣ. Точь-въ-точь такой, какого за секунду до этого подсказывало мнѣ мое воображеніе...

Онъ одѣтъ въ темный бешметъ, поверхъ котораго накинута на плечи косматая бурка. Папаха изъ чернаго барана надвинута низко на лобъ. Изъ-подъ нея глядитъ сухое, подвижное старческое лицо съ сѣдыми бровями, нависшими на глаза. Длинная, широкая, бѣлая, какъ лунь, борода ложится поверхъ груди его запыленнаго бешмета. Черные, юношески-быстрые глаза юрко бѣгаютъ изъ стороны въ сторону и однимъ взоромъ, казалось, охватываютъ и небо, и бездны, и горы за-разъ.

Я дала шпоры коню и въ одну минуту очутилась передъ старымъ абрекомъ.

— Дѣдушка Магометъ!—вскричала я и радостно и печально въ одно и то же время.

Ну да, я узнала его! Это былъ дѣдушка Магометъ, отецъ моей матери и близкій другъ моего отца.

Я его очень любила, всей моей душой любила дѣдушку Магомета, но...

Но теперь мнѣ было жаль разстаться съ моими грезами, жаль было признать въ немъ простого смертнаго, а не того добраго волшебника, котораго мнѣ создало мое воображеніе—пылкое воображеніе татарки.

— Дѣдушка Магометъ, ты къ намъ?

— Къ вамъ, моя звѣздочка, къ вамъ, ласковая птичка садовъ пророка, къ вамъ въ Гори.

Онъ остановилъ коня и протягивалъ ко мнѣ руки. Его черные глаза остановились на мнѣ любующимся, восторженнымъ взглядомъ.

— Совсѣмъ лезгинка! Совсѣмъ джигитъ! — произнесъ онъ съ восхищеніемъ.

Потомъ обнялъ меня и притянулъ къ себѣ.

— Что у васъ въ Гори?

Я начала сбивчиво и неумѣло разсказывать, что́ случилось у насъ за время его отсутствія: и про Керима, и про отца, и про его недовольство мною. Онъ слушалъ меня съ величайшимъ вниманіемъ, изрѣдка только прерывая короткими замѣчаніями мою нескладную рѣчь.

Когда я кончила и съ пылающими щеками и горящими глазами стала доказывать дѣду, что я не виновата, родившись такою, что я не виновата, если судьбѣ угодно было меня, татарскую лезгинку-дѣвочку, сдѣлать уруской, дѣдушка положилъ свою сухую, бронзовую отъ загара руку мнѣ на плечо и произнесъ съ неизъяснимо трогательнымъ выраженіемъ, устремляя свой сверкающій взоръ въ небо:

— Аллахъ, ты великъ и могущественъ! Да будетъ воля Великаго! Ты отнялъ отъ меня, Могучій духъ, двухъ дочерей моихъ, чтобы сдѣлать ихъ урусками на униженіе и горе покорнаго слуги твоего. Но вмѣсто нихъ ты далъ мнѣ утѣшеніе, ты, повелитель всѣхъ живущихъ на землѣ и на небѣ!.. Я узнаю кровь свою въ этомъ ребенкѣ, — кровь прирожденныхъ чистокровныхъ лезгинъ изъ аула Бестуди... Нина, дитя сердца моего, ясная лазурь дагестанскихъ небесъ, алая роза садовъ Магомета, ты—гордость моя!

И онъ еще разъ обнялъ меня дрожащими отъ волненія руками. Потомъ, спутавъ поводья обоихъ нашихъ коней, поѣхалъ рядомъ со мною, бросая на меня взоры, исполненные любви, гордости и восхищенія.

О, какъ я гордилась ими, этими взорами моего стараго дѣда! Какъ я была счастлива въ эти минуты!..

— Дѣдушка! Милый, добрый, хорошій дѣдушка!— шептала я, вся задыхаясь отъ волненія.—Поговори съ папой, оправдай меня! Мнѣ тяжело все это! Мнѣ тяжело, когда мнѣ не вѣрятъ.

Я ластилась къ нему, какъ ребенокъ, заглядывая ему въ глаза молящими, взволнованными глазами.

Странное дѣло! Ни съ отцомъ, ни съ Людой, ни съ кѣмъ въ мірѣ я не чувствовала себя такъ свободно, какъ съ дѣдушкой Магометомъ.

Незамѣтно мы доѣхали до Гори.

Отецъ встрѣтилъ насъ у воротъ сада, оповѣщенный

прислугой о пріѣздѣ Хаджи-Магомета. Онъ почтительно поддерживалъ стремя старика, пока тотъ сходилъ со своего коня. Потомъ подставилъ свое плечо, и дѣдушка, опираясь на него, пошелъ къ дому. Я на нѣкоторомъ разстояніи слѣдовала за ними; потомъ, по восточному обычаю, прислуживала за столомъ дѣдушкѣ, пока онъ ѣлъ дымящійся шашлыкъ, мастерски изготовленный Маро.

Послѣ обѣда отецъ выслалъ меня и о чемъ-то долго совѣщался съ дѣдомъ. Не знаю почему, но сердце мнѣ подсказывало, что они говорили обо мнѣ. Я не ошиблась. Послѣ обѣда отецъ позвалъ меня и, глядя мнѣ прямо въ глаза по своему обыкновенію, сказалъ:

— Собирайся, Нина. Завтра на зарѣ ты ѣдешь въ гости, въ аулъ къ дѣдушкѣ!

Въ другой разъ я-бы задохнулась отъ радости со свойственной моему сердцу необузданностью, но теперь я поняла, что отецъ не желаетъ видѣть меня, и поѣздка въ аулъ Бестуди является своего рода наказаніемъ. Мнѣ стало и больно, и совѣстно въ одно и то же время. Но это длилось недолго. Соблазнительная, полная прелести поѣздка въ родной моему сердцу аулъ, знавшій мою мать ребенкомъ,—аулъ, въ которомъ каждый горянинъ помнилъ юнаго красавца бекъ-Израила, моего отца,—аулъ, гдѣ отъ зари до зари звучали веселыя пѣсни моей молодой тетки Гуль-Гуль,—это приводило меня въ восторгъ.

И, забывъ весь міръ при одной мысли снова очутиться въ Бестуди, я закричала моимъ сильнымъ, раскатистымъ голосомъ:

— Торопись, Маро, уложить мои вещи. Я уѣзжаю на зарѣ съ дѣдушкой Магометомъ!

ГЛАВА VI.

Дорога.—Въ саклѣ аула.—Тайна Гуль-Гуль.

ГОРЫ и небо... небо и горы... И не видно границъ, гдѣ кончаются горы и гдѣ начинается небо. Куда ни кинешь взоръ, все купается въ розовомъ маревѣ восхода. Золотомъ и пурпуромъ все залито кругомъ, и только надъ самыми нашими головами, сквозь щель двухъ свѣсившихся надъ бездной утесовъ, синѣетъ клочокъ голубого неба, яснаго и чистаго, какъ бирюза.

Мы ѣдемъ уже двое сутокъ и завтра ночью надѣемся быть въ аулѣ Бестуди. Несмотря на желаніе отца, чтобы я ѣхала въ коляскѣ, дѣдушка Магометъ испросилъ мнѣ разрѣшеніе слѣдовать всю дорогу верхомъ, по его примѣру. Отецъ долго не соглашался, наконецъ уступилъ настойчивымъ просьбамъ тестя и только приказалъ кучеру изъ казаковъ ѣхать слѣдомъ за нами съ коляской, чтобы я могла пересѣсть въ экипажъ, когда устану. Но я не чувствовала усталости. Мы останавливались на ночлегъ въ духанахъ и съ зарею снова

пускались въ путь. Всѣ мои недавнія огорченія и печали—все было разомъ позабыто. Я восхищалась рѣшительно всѣмъ—и горами, и небомъ, и окружающей дикой природой.

Правда, холодное прощаніе со мною папы значительно отравляло мнѣ радость поѣздки, но, съ другой стороны, вѣчныя замѣчанія Люды, какъ надо держаться барышнѣ изъ хорошей семьи, ежедневные уроки и ненавистный мнѣ французскій языкъ, — все это откладывалось на неопредѣленное время или до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, когда я, вдоволь нагостившись у дѣдушки, не вернусь домой.

Французскіе глаголы, прощайте! Францискъ I и Карлъ V и строго корректная Люда съ ея ровнымъ, какъ ниточка, пробором, до пріятнаго свиданья! Да! А ты, моя милая, хотя и кратковременная свобода среди горныхъ скалъ дикаго Дагестана, здравствуй! Здравствуй, желанная моя свобода!

— Не устала, ласточка, не устала, розовый свѣтъ зари восхода? — слышится мнѣ ласковый вопросъ дѣдушки, и онъ поворачивается ко мнѣ въ сѣдлѣ.

— Нѣтъ, ни чуточки, ни капли! — отвѣчаю я бодрымъ голосомъ, хотя на самомъ дѣлѣ чувствую теперь, что члены мои какъ будто разбиты и какая-то сонливость туманитъ голову и сковываетъ вѣки.

Это было на третій день нашего путешествія, за нѣсколько десятковъ верстъ отъ аула Бестуди. Теперь

природа уже круто измѣнилась. Развѣсистые чинары и каштаны не попадались больше намъ на пути. Все чаще и чаще наши лошади спотыкались о цѣпкіе кусты карагача и архани; горы мало-по-малу перестали быть живописными высотами, покрытыми сплошною зеленью орѣшника и виноградника; это были просто голыя скалы безъ признака растеній и цвѣтовъ.

Ночь застала насъ въ темномъ ущельѣ, неподалеку отъ Бестуди. Все погрузилось во мракъ: и горы, и бездны, все заволокло темной, непроницаемой мглою. Дѣдушка отослалъ казака съ тройкой обратно въ Грузію, приказавъ ему кланяться князю и сказать, что мы доѣхали благополучно. Такъ у нихъ было условлено заранѣе съ отцомъ.

И вотъ мы дома. Со всѣхъ сторонъ, какъ грозныя привидѣнія, обступаютъ насъ горы. Еще, еще немного, кажется, и онѣ, соединившись въ одно сплошное, узкое кольцо, раздавятъ, погребутъ насъ подъ своими каменными тѣлами. Вотъ послышался впереди шумъ горнаго потока. Подъ эти однотонные звуки голова у меня еще болѣе туманится и тяжелѣетъ. Я едва сознаю дѣйствительность. Какія-то точки загораются въ темнотѣ. Я знаю, это свѣтъ въ саклѣ дѣдушки Магомета. Старый нукеръ Хаджи ждетъ своего господина. А шумъ потока все ближе и ближе. Теперь къ нему присоединяются мѣрные удары подковъ о каменистую почву узенькой и темной, какъ высохшее русло, улицы аула. Наши ло-

шади осторожно ступаютъ въ темнотѣ. Моя голова клонится на грудь, я выпускаю поводья и, упавъ головой на взмыленную шею моего Алмаза, тутъ-же засыпаю на крупѣ коня. Сквозь сонъ я слышу, какъ мы остановились, слышу чей-то радостный возгласъ, и двѣ сильныя руки поднимаютъ меня съ сѣдла и несутъ куда-то. Потомъ, на мигъ яркій свѣтъ чирака попадаетъ мнѣ въ глаза, прикосновеніе чего-то мягкаго оживляетъ меня на минуту. Но только на минуту. Снова голова моя валится на мягкую бурку, предупредительно подсунутую подъ меня старымъ слугою Селимомъ, и я засыпаю мгновенно и крѣпко сладкимъ сномъ золотой юности...

Шумъ горнаго потока преслѣдуетъ меня и во снѣ. Но странно: по мѣрѣ протяженія времени онъ теряетъ свою однотонность. Это уже не глухая, однообразная мелодія падающей на камни тяжелой струи. Къ ней точно присоединились серебряные колокольчики, и ихъ нѣжный перезвонъ гулко и звучно дрожитъ въ воздухѣ.

Я открываю глаза и разомъ зажмуриваю ихъ снова, ослѣпленная яркимъ свѣтомъ солнца. Горный день во всемъ своемъ блескѣ всталъ надъ ауломъ.

А колокольчики звенятъ, не умолкая. Да и не колокольчики вовсе, а пѣсня, заразительно-веселая и звонкая пѣсня, распѣваемая серебристымъ, какъ колокольчикъ, голоскомъ.

— Гуль-Гуль, ты?

— Дитя! дитя! какъ ты насъ испугала!...

— Нѣтъ, не Гуль-Гуль, а буль-буль [1])! — звенитъ мнѣ юный голосокъ, такой-же серебристо-раскатистый, какъ и пѣснь.

— Да ты и впрямь соловушка, милая моя дикарочка!

Я быстро вскакиваю съ тахты и бросаюсь на шею обладательницѣ серебрянаго голоса и смѣха.

— Здравствуй, душечка! Здравствуй, красавица!— слышится полутатарскій, полурусскій лепетъ, и моя пятнадцатилѣтняя сверстница-тетка, гремя всѣми своими монистами, буквально виснетъ у меня на шеѣ.

Странное это существо—моя тетка Гуль-Гуль. У нея очаровательное личико съ огромными глазами, въ которыхъ выражается цѣлое море затаенной грусти. Глаза исполнены печали, а смѣхъ звонокъ и чистъ, какъ струя потока. Мнѣ говорили, что она вылитый портретъ моего отца, и за это я люблю Гуль-Гуль всей душою. Она не помнитъ своего покойнаго брата, потому что Гуль-Гуль было всего годъ, когда погибъ мой бѣдный папа, но она часто говорила о немъ втихомолку со мною (громко она не смѣла о немъ вспоминать, чтобы не разсердить родителей, гнѣвавшихся на сына за принятіе христіанства) и очень любила его.

— Ахъ, сердце мое, какъ я счастлива, что вижу тебя снова!—съ веселымъ смѣхомъ и печальными глазами говорила Гуль-Гуль, поглаживая мои щеки своими

[1]) Буль-буль значитъ соловей.

тоненькими пальчиками съ окрашенными хиной ногтями.—Ахъ, сердце мое, ненаглядная джанымъ!

— Душечка моя! Гуль-Гуль, красавица!—отвѣчаю я ей лаской на ея ласку, и мы цѣлуемся безъ конца и смотримъ другъ другу въ глаза счастливыми, радостными глазами.

— Душечка моя! Бирюзовая! Алмазная! Изумрудная!—лепечетъ счастливая Гуль-Гуль.

— Солнышко весеннее! Звѣздочка серебряная! Мѣсяцъ золотой!—отвѣчаю я.

И мы снова цѣлуемся и хохочемъ. Хохочемъ, сами не зная чему. Все намъ смѣшно и весело въ это ясное утро.

Въ открытую дверь видно, какъ Селимъ взнуздываетъ лошадь дѣдушки и грозитъ ей кулакомъ за то, что она не стоитъ смирно. Мы смотримъ на эту картину и заливаемся хохотомъ. Вонъ мальчикъ-пастухъ изъ рваныхъ байгушей выгоняетъ стадо изъ аула, щелкая арканомъ и поминутно протирая сонные глаза; мы смотримъ на его потѣшную фигуру и давимся отъ смѣха.

Мы молоды, веселы, жизнерадостны... Не плакать-же намъ, право...

А горница сакли буквально вся залита солнцемъ... Малиновыя тахты, присланныя моимъ названнымъ отцомъ въ подарокъ дѣду, пурпуромъ отливаютъ въ его лучахъ. По мягкимъ коврамъ скользятъ быстрые сол-

нечные зайчики, проникнувшіе сюда черезъ маленькое оконце. Дѣдушка устроился болѣе или менѣе на европейскій ладъ, благодаря своей близости къ русскимъ. У него въ окнахъ вставлены стекла, а не слюда и не пузырь, какъ въ прочихъ сакляхъ лезгинъ. У него есть и желѣзныя кастрюли, и самоваръ, и даже лампа. Комнаты сплошь затянуты дорогими, восточными, съ причудливыми узорами коврами. Драгоцѣнное оружіе всюду развѣшано по стѣнамъ. Но какъ ни хорошо у дѣдушки въ саклѣ, а все-таки намъ хочется на волю — мнѣ и хорошенькой Гуль-Гуль.

— Побѣжимъ въ горы! Побѣжимъ, джанымъ, душечка!—лепечетъ Гуль-Гуль своимъ ломанымъ русскимъ нарѣчіемъ.

— Бѣжимъ! Я готова, Гуль-Гуль!

И, позабывъ о чашкѣ дымящагося кофе, заботливо приготовленнаго мнѣ нукеромъ Селимомъ, я хватаюсь за руку Гуль-Гуль, и мы стрѣлою вылетаемъ изъ дѣдушкиной сакли.

Въ одну минуту мы проносимся по узкой улицѣ, упирающейся въ мечеть и кишащей утреннимъ оживленіемъ, и выбѣгаемъ за селеніе, на крутой обрывъ, повисшій надъ самой бездной. Гуль-Гуль останавливается, тяжело переводя духъ. Она очень хорошенькая теперь— Гуль-Гуль, съ ея разгорѣвшимся отъ бѣга дѣтскимъ личикомъ, съ высоко вздымающейся грудью. Ея голубой, изъ тончайшаго сукна бешметъ плотно охватываетъ со

всѣхъ сторонъ гибкую дѣвичью фигурку. Густые, черные, какъ вороново крыло, волосы десятками косичекъ струятся вдоль груди и спины. Гуль-Гуль смѣется, въ то время какъ прежняя печаль застыла въ ея красивыхъ глазахъ.

— Милая Гуль-Гуль, что съ тобою?

Мнѣ невыразимо жаль бываетъ порою прелестную дѣвочку.

Я знаю, что дома ей нелегко живется, знаю, что старшая сестра не любитъ ее за красоту, отецъ и мать недовольны ею за ея чрезмѣрную живость и проказы.

Оттого печальны глаза красавицы Гуль-Гуль. Оттого она и задумывается такъ часто.

Я познакомилась съ ней въ одно изъ моихъ посѣщеній аула... Она просто прибѣжала въ саклю дѣдушки Магомета, куда ей строго-настрого было запрещено ходить, такъ какъ оба мои дѣдушки были въ ссорѣ со дня побѣга изъ аула моихъ родителей.

Пришла, бросилась ко мнѣ на шею со своимъ звонкимъ смѣхомъ, лепеча мнѣ въ уши:

— Ты уруска, я лезгинка... Ты христіанка... Гуль-Гуль правовѣрная, такъ что-же! Ты дочка брата Гуль-Гуль, а Аллахъ одинъ у урусовъ и правовѣрныхъ. Гуль-Гуль любитъ тебя, потому что Гуль-Гуль — тетка тебѣ. Полюби Гуль-Гуль, если можешь.

Я, конечно, полюбила ее сразу, тотчасъ-же, потому что она была прелестна и не полюбить ее было нельзя.

На этотъ разъ Гуль-Гуль особенно мила и торжественна.

— Слушай, джанымъ, — говоритъ она, таинственно приложивъ къ губамъ свой смуглый пальчикъ,—у Гуль-Гуль есть тайна, большая тайна!

— Но ты подѣлишься твоей тайной со мною, неправда-ли, Гуль-Гуль?—спрашиваю я, и въ моихъ словахъ слышится просьба, а глаза мои съ самой краснорѣчивой мольбой устремлены на Гуль-Гуль.

— У Гуль-Гуль есть тайна, и никто, ни мать, ни отецъ, ни Леила-Фатьма, ни замужнія сестры, никто, никто не знаетъ ея. Ласточка въ небесахъ не знаетъ, змѣя подъ камнемъ не знаетъ, ни цвѣтокъ, ни былинка, никто, никто...

Гуль-Гуль засмѣялась своимъ серебристымъ смѣхомъ, отъ котораго звенѣлъ, казалось, и самый воздухъ Дагестана. Глаза ея сузились и, потерявъ свое печальное выраженіе, стали лукавыми и шаловливыми на мигъ.

— Скажи мнѣ твою тайну, голубушка Гуль-Гуль!— взмолилась я снова.

— А ты не выдашь, нѣтъ? Отецъ узнаетъ—убьетъ. Леила-Фатьма узнаетъ — нашлетъ всѣ бѣды на голову бѣдняжечки Гуль-Гуль. Она злая — Леила-Фатьма, ты не знаешь. Она можетъ принести несчастье всему дому, да, да! Она колдунья. Накличетъ злыхъ джиновъ на голову Гуль-Гуль и кончена жизнь для Гуль-Гуль. Почернѣетъ и изсохнетъ Гуль-Гуль, какъ самая старая старуха!

И она разсмѣялась звонкимъ смѣхомъ, въ которомъ на этотъ разъ звучали слезы.

— Клянусь тебѣ Богомъ, Гуль-Гуль, я никому не скажу твоей тайны!—увѣряла я ее и для большей убѣдительности перекрестилась, глядя на небо.

— Нѣтъ, нѣтъ, не такъ!—вскричала Гуль-Гуль порывисто. — Гуль-Гуль не христіанка и не признаетъ такой клятвы, ты скажи лучше такъ, Нина-джанымъ, звѣздочка моя, краса урускихъ селеній, скажи такъ: „Пусть бездна, надъ которой мы стоимъ, поглотитъ меня, если я выдамъ Гуль-Гуль".

— Изволь, глупенькая, скажу, — согласилась я и исполнила ея желаніе.

Тогда Гуль-Гуль приблизилась ко мнѣ почти вплотную, гремя всѣми своими монистами, и прошептала мнѣ на ухо, хотя шептать на ухо являлось излишнимъ, такъ какъ ни души не было подлѣ насъ и никто кромѣ меня, слѣдовательно, не могъ слышать тайну Гуль-Гуль:

— Гуль-Гуль похитятъ... Понимаешь?.. Похитятъ... выкрадутъ безъ калыма, безъ выкупа... Понимаешь? Придутъ и выкрадутъ изъ аула. Да, да!

— Зачѣмъ?—вырвалось у меня невольно.

— Какъ зачѣмъ? Вотъ глупенькая джанымъ,—расхохоталась Гуль-Гуль, — въ жены меня беретъ... онъ... Гуль-Гуль въ жены. Развѣ не стоитъ? — блеснула она на меня внезапно своими черными глазками.

— Ахъ, не то, не то, Гуль-Гуль!—произнесла я съ досадой. — Вотъ странная дѣвочка! Ты красавица и составишь гордость каждой семьи. Да не въ томъ дѣло. Кто онъ, твой женихъ, душечка?

Она какъ-то растерянно обѣжала взглядомъ высокія горы, каменнымъ кольцомъ окружавшія насъ, и вмигъ лицо ея приняло испуганное выраженіе.

— Ахъ, джанымъ-ласточка, что я знаю! — прошептала она чуть слышно и опустила свои длинныя рѣсницы.

— Какъ, Гуль-Гуль, ты даже не знаешь, кто тебя беретъ въ жены?

— Ахъ, что я знаю, бѣленькая джанымъ, что я знаю, черноглазая гурія Магометовыхъ кущъ... Гуль-Гуль несчастна, очень несчастна. Мать и сестра заставляютъ работать, отецъ грозится отдать замужъ за кадія [1]) въ сосѣдній аулъ, а онъ встрѣтилъ Гуль-Гуль у источника... похвалилъ очи Гуль-Гуль, похвалилъ косы, сказалъ, что не видывалъ еще такой красавицы ни у урусовъ, ни у грузинъ, ни въ другихъ аулахъ. А когда мы опять встрѣтились, онъ сказалъ: „красавица, будь моей женою; будешь ходить въ атласномъ бешметѣ и жемчужной чадрѣ, будешь пить душистый душобъ и кушать шербетъ изъ золотого блюда...“ И самъ онъ такой красивый, статный, чернооκій. Люблю его, джанымъ, люблю.

[1]) Судья у магометанъ.

И, упавъ мнѣ на грудь, она залилась слезами.

— Гуль-Гуль, голубушка, родная моя, опомнись!— ласкала я дѣвочку, гладя ея черную головку, прильнувшую къ моей груди. — Зачѣмъ-же плакать, Гуль-Гуль, если ты счастлива? Зачѣмъ-же плакать, дитя! Не плакать, а радоваться надо.

Но она и не плакала уже больше... Она смѣялась. Оторвавъ отъ моей груди все залитое слезами личико, Гуль-Гуль вся сіяла теперь радостной, счастливой улыбкой.

— Да, да, я счастлива, джанымъ! — шептала она, глядя въ мои глаза счастливыми, сіяющими глазами, въ то время какъ на длинныхъ рѣсницахъ еще дрожали крупныя, сверкающія алмазами слезинки. — Гуль-Гуль будетъ скоро большою, совсѣмъ большою, Гуль-Гуль выбрала себѣ мужа по душѣ... Гуль-Гуль ускачетъ въ горы за черноокимъ горцемъ, а Леила-Фатьма лопнетъ со злости, потому что она вѣдьма и знается съ шайтаномъ и горными духами.

И она неожиданно разразилась смѣхомъ, веселымъ, счастливымъ смѣхомъ.

— А твоя сестра погадаетъ мнѣ, Гуль-Гуль?—спросила я мою черноглазую подругу.

Я давно мечтала узнать будущее отъ моей старшей тетки, которая слыла прекрасной предсказательницей, и теперь рѣшила высказать мое желаніе Гуль-Гуль.

— Ай нѣтъ! Ай нельзя! Отецъ узнаетъ — бѣда будетъ. Отецъ не позволитъ тебѣ войти въ свою саклю,

хорошенькая джанымъ. Отецъ никогда не проститъ брата Израила, даже мертваго не проститъ... А ты его дочь, Нина-красоточка, дочь крещенаго горца, ставшаго урусомъ!

— Да я и не собираюсь войти въ его домъ въ моемъ видѣ! — произнесла я со смѣхомъ.—У меня есть шальвары, бешметъ и папаха. Такъ наряжусь, одѣнусь, что ты сама меня не узнаешь!

— Правда? — расхохоталась она и всѣ ея монисты снова запрыгали и загремѣли.

— Сіятельная княжна Мешедзе, клянусь вамъ!

И я сдѣлала ей низкій, почтительный реверансъ, чуть не касаясь колѣнями до земли.

Она захлопала въ ладоши и вихремъ закружилась на мѣстѣ.

— Ай славно! Ай да душечка джанымъ!—и Гуль-Гуль звонко расцѣловала меня въ обѣ щеки.

Въ тотъ-же вечеръ, когда она убѣжала къ себѣ въ долину, гдѣ стояла богатая сакля ея отца, наиба селенія, стараго бека-Мешедзе, я сказала дѣдушкѣ Магомету о моемъ рѣшеніи.

— Храни тебя Аллахъ попасть въ домъ наиба, моя легкокрылая горленка, — произнесъ дѣдушка съ волненіемъ.—Бекъ-Мешедзе не можетъ простить своему сыну и твоему отцу его поступка. Аллахъ вѣдаетъ, какимъ оскорбленіямъ ты можешь подвергнуться въ ихъ домѣ, дитя!

— Полно, дѣдушка Магометъ! — вскричала я весело,—развѣ есть что-либо, чего̀ можетъ бояться Нина бекъ-Израилъ, твоя любимая внучка!

ГЛАВА VII.

У наиба. — Леила-Фатьма — прорицательница.

БЫЛЪ вечеръ темнаго предгрозового горнаго дня. Дѣдушка ушелъ куда-то, а я, отославъ Селима осѣдлать мнѣ Алмаза для верховой прогулки, стала дѣятельно приготовляться къ моей затѣѣ. Вмигъ было сброшено съ плечъ женское платье, и мой любимый бешметъ замѣнилъ его. Но сегодня я не ограничилась моимъ обычнымъ костюмомъ. Накинувъ на плечи косматую чоху дѣда, а на голову его баранью папаху, которая доходила мнѣ до самыхъ ушей, я взяла уголь съ жаровни и тщательно провела имъ двѣ тонкія полоски надъ верхней губой. Конечно, это не были усы, и каждый могъ-бы разглядѣть это, кто присмотрѣлся-бы поближе къ моему лицу, но при скудномъ освѣщеніи, въ моей запыленной старой чохѣ и мѣшковатой папахѣ я могла сойти за очень молодого горца-путника. Заткнувъ за кушакъ подаренный мнѣ Керимомъ кинжалъ, я еще присоединила къ нему снятое со стѣны дѣдушкино оружіе и поспѣшно вышла на улицу, гдѣ у порога сакли Селимъ держалъ подъ-узды моего коня.

— Ахъ, госпожа—настоящій джигитъ, и такой красивый, какого еще въ жизни не видѣли очи стараго Селима!—говорилъ дѣдушкинъ слуга.

Я дала ему рукою знакъ молчать и въ одну минуту взлетѣла въ сѣдло и понеслась по улицѣ аула.

То, что я собиралась дѣлать,—была отчаянная смѣлость съ моей стороны. Мой второй дѣдъ, бекъ-Мешедзе, выразилъ окончательное нежеланіе видѣть когда-либо потомство своего сына, а слѣдовательно и свою внучку—меня. Правда, съ тѣхъ поръ минуло болѣе пятнадцати лѣтъ, но слово горца священно, какъ законъ корана, и онъ не измѣнитъ ему никогда. И все-же я рѣшилась ѣхать въ домъ наиба, чтобы повидать мою старшую тетку Леилу-Фатьму и погадать у нея, рискуя навлечь на себя оскорбленія и униженія со стороны ея семьи. Быстро спускалась я съ кручи, поминутно погоняя и горяча моего Алмаза. Вотъ и помѣстье наиба, и большая сакля, выложенная изъ камня, съ плоской кровлей и галлерейкой вокругъ нея, одиноко стоитъ въ горной котловинѣ среди обширнаго пастбища, гдѣ гуляютъ стреноженныя на ночь лошади табуна и блеютъ овцы, также выпущенныя къ ночи на свободу.

Я дала шпоры коню и вмигъ очутилась подлѣ наибовой сакли.

— Во имя Аллаха, могу я войти?... — послышался мой несмѣлый окликъ.

Моего отчаяннаго безстрашія, оказывалось, хватило

не надолго. Ноги сами по себѣ подгибались, когда я соскочила съ коня, голосъ дрогнулъ противъ воли.

Два нукера выбѣжали изъ сакли и приняли моего коня.

— Селямъ-алекюмъ! — произнесла я насколько возможно твердо и смѣло.

И въ ту-же минуту бѣлая фигурка, укутанная въ чадру, появилась предо мною.

— Алекюмъ-селямъ! — произнесъ хорошо знакомый мнѣ голосокъ Гуль-Гуль. — Господина нѣтъ дома, онъ уѣхалъ съ матерью въ сосѣдній аулъ и не вернется до ночи. Мы однѣ съ сестрою... Обычай гостепріимства велитъ намъ принять тебя, путникъ. Съ именемъ Аллаха и съ помыслами чистыми, входи въ нашу саклю.

И Гуль-Гуль низко опустила свою хорошенькую головку, полускрытую прозрачной чадрой. Я успѣла замѣтить только, какъ лукаво блеснули при лунномъ свѣтѣ ея черные глазки.

Мнѣ оставалось только принять приглашеніе и войти.

— Нина-джанъ,—произнесла чуть слышнымъ шопотомъ плутовка, въ то время когда переступала порогъ,— тебя узнала Гуль-Гуль!

— Молчи, Гуль-Гуль, или ты погубишь все дѣло!— тѣмъ-же шопотомъ отвѣчала я.

Она замолкла, испуганная моимъ замѣчаніемъ, и я вошла въ саклю.

Въ первой горницѣ была такая темнота, что на близкомъ разстояніи нельзя было различить предметовъ. Небольшое окошко съ разноцвѣтными стеклами было завѣшено ковромъ, и лунные лучи не могли пробраться въ саклю. За то изъ сосѣдней съ кунацкой комнаты (первая горница носила названіе кунацкой) виднѣлся свѣтъ, проникающій сюда изъ-подъ толстаго персидскаго ковра, служившаго вмѣсто двери.

— Сестра тамъ. Гуль-Гуль проведетъ тебя къ ней. Не бойся,—успѣла шепнуть мнѣ моя спутница и быстро отогнула полу ковра.

Я очутилась въ небольшой комнатѣ, устланной циновками и коврами съ разбросанными на нихъ мутаками и выдолбленными шкурами дикихъ козъ. Въ углу стоялъ очагъ съ дымящеюся жаровней. На стѣнахъ были развѣшаны оловянныя блюда, тарелки, желѣзные таганцы и кастрюли—словомъ, полная коллекція домашней утвари горнаго обихода, а еще выше, подъ самымъ потолкомъ, на желѣзныхъ крючьяхъ, перетянутые веревками, висѣли вяленые окорока баранины.

Леила-Фатьма сидѣла укутанная съ головою въ чадру и мѣрно покачивалась изъ стороны въ сторону всѣмъ тѣломъ.

— Не испугай ее... На нее нашло... Тише!—съ благоговѣйнымъ трепетомъ произнесла мнѣ на ухо моя спутница Гуль-Гуль.

Я только кивнула головою и молча остановилась у порога.

Дочь наиба Мешедзе, Леила-Фатьма, была очень странная, необыкновенная дѣвушка; она, такъ-же, какъ и сестра ея, умѣла пѣть и была большая искусница разсказывать сказки и горныя преданія, но порой все это исчезало въ ней куда-то, и тогда Леила-Фатьма точно преображалась. Взоръ тускнѣлъ и мутился, и съ нею дѣлался припадокъ безумія, послѣ котораго она могла видѣть прошлое, настоящее и будущее каждаго человѣка, по мнѣнію окружающихъ ее. И тогда Леила-Фатьма предсказывала удивительныя вещи. Въ аулѣ говорили, что она знается съ шайтаномъ, и сторонились ея. Никто изъ молодыхъ джигитовъ не рѣшался внести за нее условный калымъ, чтобы взять ее себѣ въ жены. За то Леила-Фатьма ненавидѣла молодежь и призывала на голову жениховъ-горцевъ тысячу несчастій. Многіе ходили къ ней гадать о будущемъ, возя ей богатые подарки, разумѣется втихомолку, за спиною отца-наиба, который не допустилъ-бы, конечно, чтобы въ его гордой, родовитой семьѣ завелась прорицательница.

Я не разъ видѣла ее идущей по улицѣ аула, всегда укутанную чадрою, изъ-подъ которой на меня сверкали два горящіе черные глаза горянки. Леила-Фатьма ненавидѣла меня, совсѣмъ не зная, какъ ненавидѣла и моего погибшаго отца съ той минуты, какъ онъ сталъ христіаниномъ.

И я недолюбливала эту злую, начинающую преждевременно стариться, лезгинку.

Теперь, съ легкимъ замираніемъ передъ чѣмъ-то таинственнымъ и непонятнымъ, я смотрѣла на тихо, мѣрно покачивающуюся закутанную фигуру, изо всѣхъ силъ стараясь вникнуть въ смыслъ ея пѣсни.

Но вотъ Леила-Фатьма быстро выпрямилась и сбросила съ себя чадру. Передо мною мелькнуло изжелта-блѣдное, худое лицо съ мрачно горящими глазами, съ сухими, безпокойно движущимися губами. Я знала, что моей старшей теткѣ было не болѣе 30 лѣтъ, но она казалась старухой.

— Леила-Фатьма, джанымъ,— насколько можно ласковѣе произнесла, робко выступая впередъ, Гуль-Гуль на своемъ лезгинскомъ нарѣчіи, которое я успѣла выучить въ совершенствѣ въ разговорахъ съ дѣдушкой.— Леила-Фатьма, вотъ гость желаетъ узнать отъ тебя будущее... Не разскажешь-ли ты ему?

— Будущее извѣстно одному Аллаху! — произнесла дочь наиба торжественно. — Но если Аллахъ Предвѣчный пожелаетъ открыть моимъ мыслямъ истину, ты узнаешь ее, джигитъ, — своимъ глухимъ, непріятнымъ голосомъ добавила она, обращаясь ко мнѣ, и на мигъ ея горящіе глаза остановились на моемъ лицѣ.

Я невольно вздрогнула подъ этимъ взглядомъ. Что, если эта полусумасшедшая татарка узнаетъ меня? Хотя она видѣла меня всего лишь два раза издали, мелькомъ, но лицо мое могло врѣзаться въ ея памяти.

Но ничего подобнаго не случилось. Она протянула только смуглую руку ко мнѣ.

— Пешкешъ! Пешкешъ! Леила хочетъ пешкеша!— тихо залепетала мнѣ Гуль-Гуль.

Я вспомнила, что отецъ при разставаніи со мною подарилъ мнѣ два червонца. Быстро извлекла я ихъ изъ кармана бешмета и положила на худую и сморщенную ладонь Леилы. Она равнодушно зажала ихъ въ кулакъ, потомъ зажмурила глаза и, подойдя къ жаровнѣ, стала что-то быстро-быстро говорить надъ тихо догорающими угольями. Изрѣдка только бормотанье ея нарушалось тихими вскрикиваніями, точно она отгоняла кого-то или уговаривала кого-то невидимаго намъ.

Мнѣ стало жутко,—мнѣ, никогда еще ничего не боявшейся въ мірѣ! Къ тому-же здѣсь, рядомъ со мною тряслась, какъ въ лихорадкѣ, на смерть перепуганная Гуль-Гуль.

Невольно у меня явилась мысль уйти отсюда. Но я тотчасъ-же упрекнула себя въ малодушіи и рѣшительно тряхнула головою, какъ-бы сбрасывая непривычное мнѣ ощущеніе страха.

Вдругъ до сихъ поръ спокойное лицо Леилы-Фатьмы исказилось до неузнаваемости. Точно одна сплошная судорога свела ея лобъ, носъ и губы. Глаза разомъ расширились во всю ихъ величину и запылали такимъ огнемъ, какого я еще не видѣла въ глазахъ людей. Она быстро схватила меня за руку и подвела къ темному

маленькому окошку, помѣщенному въ углу горницы, котораго я не замѣтила прежде.

— Смотри туда, смотри! — глухо выкрикнула она, хватая мою руку.

Я взглянула и... замерла отъ неожиданности. То, что я разглядѣла въ окнѣ, заставило меня затрепетать всѣми членами.

Я увидѣла нашу комнату, а на тахтѣ неподвижно лежащаго моего отца... Ну, да, это былъ онъ!.. Я узнала этотъ высокій гордый лобъ, это блѣдное лицо, эти сѣдые кудри... Но почему онъ такъ смертельно блѣденъ?.. Почему? Что это? Не мертвъ-ли онъ, Богъ милосердный? Но нѣтъ, онъ движетъ рукою, онъ зоветъ меня! Милый папа! Онъ спалъ, а я испугалась... И вдругъ все смѣшалось, все перепуталось за окномъ. И снова просвѣтлѣло. Теперь я вижу какія-то странныя строенія, не то замокъ, не то башня... и горы кругомъ. Какая-то старая, непріятнаго вида женщина въ темномъ платьѣ говоритъ мнѣ что-то и грозитъ сухимъ, смуглымъ пальцемъ. Кто она—я не знаю. И этотъ замокъ не знаю, и эту башню. И вдругъ подлѣ старой женщины я вижу Доурова—ужаснаго, противнаго Доурова, котораго я такъ ненавижу, такъ глубоко ненавижу. Онъ грозитъ кому-то, но не пальцемъ, нѣтъ... У него въ рукахъ обнаженная сабля. А передъ нимъ Керимъ, связанный, блѣдный, съ окровавленнымъ лицомъ... Доуровъ замахивается на него саблей... и...

Я дико вскрикнула и отпрянула отъ окна. И въ ту-же минуту послышался громкій хохотъ Леилы-Фатьмы надъ моимъ ухомъ. Въ три прыжка она очутилась подлѣ меня... Быстрымъ движеніемъ рукава она стерла нарисованные надъ моей губою усы и сорвала съ головы дѣдушкину папаху.

Я предстала теперь передъ нею въ моемъ настоящемъ видѣ.

— Нина бекъ-Израилъ-Оглы-Мешедзе, — выкрикивала она, дико блестя и сверкая глазами, — Нина бекъ-Израилъ! Зачѣмъ налгала Леилѣ Фатьмѣ? Ничто не укроется отъ мыслей Фатьмы, нельзя обмануть Фатьму. Фатьма видитъ, что дѣлается за горами, за безднами, въ самой Карталиніи, гдѣ домъ твой. Все видитъ Фатьма, все знаетъ, великіе джины открыли ей все!

Мнѣ былъ непріятенъ ея безумный лепетъ, ея бѣшено сверкающіе глаза, ея искривленныя улыбкой губы. Я задыхалась въ этой атмосферѣ.

— Гдѣ Гуль-Гуль? Гдѣ Гуль-Гуль?—спрашивала я тоскливо, обводя глазами комнату, не видя нигдѣ моей сверстницы-тетки.—Пусти меня, Леила-Фатьма, мнѣ некогда,—сказала я по-лезгински, съ трудомъ отрывая ея руки, вцѣпившіяся въ мое платье.

— Ты лжешь!.. Ты просто боишься меня, крещеная уруска!—завопила, мигомъ озвѣрѣвшая, татарка и взмахнула передъ моимъ лицомъ своей смуглой рукой.

Минута—и она-бы ударила меня, еслибъ я не увернулась изъ-подъ ея руки. Ловкимъ движеніемъ я отскочила къ порогу, отбросила полу ковра и... отступила, смущенная неожиданностью. Передо мною стоялъ второй мой дѣдушка, старшина, наибъ, по горски, — аула Бестуди,—старый бекъ-Мешедзе.

ГЛАВА VIII.

Дѣдушка наибъ.—Примиреніе.

ОНЪ былъ высокъ, строенъ, съ худымъ, породистымъ важнымъ лицомъ и гордой осанкой. На немъ былъ праздничный бешметъ, обшитый золотымъ позументомъ. Лицо его хранило на себѣ печать величія и ума. Дѣдушка Мешедзе наибствовалъ болѣе двадцати лѣтъ въ своемъ аулѣ, и всѣ жители слушались его, какъ дѣти любимаго отца.

Я видѣла его издалека съ кровли сакли дѣдушки Магомета, когда онъ, преисполненный достоинства, ѣхалъ верхомъ по улицѣ аула. У дѣдушки Магомета онъ никогда не бывалъ, такъ какъ подозрѣвалъ его участіе въ дѣлѣ принятія христіанства моими родителями. Но это была неправда, такъ какъ дѣдушка Магометъ, будучи самъ ярымъ фанатикомъ, былъ далекъ отъ подобнаго поступка.

Увидя меня, дѣдушка Мешедзе съ минуту разглядывалъ меня проницательнымъ, острымъ, изъ-подъ на-

висшихъ бровей, взоромъ. Лицо его было непроницаемо и спокойно, какъ у мраморной статуи. Онъ тщательно разсматривалъ, казалось, каждую черточку, каждую жилку на моемъ лицѣ. Такъ длилось съ минуту, показавшуюся мнѣ, однако, цѣлой вѣчностью. Я не вынесла этого напряженія и заговорила первая, нарушая обычай страны [1]):

— Дѣдушка Мешедзе, ты не узнаешь меня? Я твоя внучка, Нина бекъ-Израилъ-Оглы Мешедзе! Здравствуй, дѣдушка-наибъ!

Я сказала это все преувеличенно-спокойнымъ голосомъ, безстрашно глядя въ самые глаза стараго бека.

Онъ сурово отвелъ ихъ отъ моего лица и произнесъ, нахмурясь:

— У стараго бека нѣтъ внучекъ между дѣтьми урусовъ. Я не знаю никакой внучки, ступай своей дорогой, дѣвочка. Бекъ-Мешедзе не знаетъ тебя.

— Но развѣ бекъ-Мешедзе не знаетъ адата (обычая) кавказскихъ племенъ, не знаетъ, что самъ Магометъ заповѣдалъ гостепріимство правовѣрнымъ?—смѣло возразила я.

Онъ нахмурился еще суровѣе, еще строже.

— Не было случая на вѣку бека-Мешедзе, а старый бекъ живетъ долго, очень долго, чтобы дѣти учили взрослыхъ, какъ поступать. Если ты пришла, какъ гостья, войди; женщины угостятъ тебя бараниной и

---

[1]) Младшіе у горцевъ никогда не начинаютъ разговора прежде старшихъ.

хинкаломъ... Тогда будь тиха и не напоминай о томъ, что непріятно ушамъ стараго бека-Мешедзе.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Я не хочу твоего хинкала и шашлыка, дѣдушка! Я ничего не хочу! Я прошу одного только: взгляни на меня пристально, пристально, дѣдушка... Говорятъ, я вылитый отецъ... У тебя былъ одинъ сынъ, дѣдушка... единственный... Ты любилъ его... и...

— И онъ обманулъ своего стараго отца, измѣнивъ нашей вѣрѣ, и скрылся навсегда изъ аула родной страны!— произнесъ сурово старикъ.

— Слушай, дѣдушка! — отвѣчала я взволнованно, взявъ въ мои обѣ руки сильную, большую руку бека-Мешедзе.—Я пришла сюда узнать будущее отъ Леилы-Фатьмы; я не ожидала, что встрѣчусь съ тобою. Но, видно, Богъ лезгинъ и русскихъ рѣшилъ иначе. Видно, Онъ желалъ этой встрѣчи. И вотъ, что я скажу тебѣ, дѣдушка. Слушай: все во власти Бога — и жизнь, и судьба, и смерть. Отчего мои отецъ съ матерью приняли христіанство и ушли отъ васъ? Ваши законы, ваша вѣра чужды милосердію. Ты и прочіе старѣйшины ауловъ хотѣли разлучить ихъ за то только, что мой отецъ отказывался имѣть другую жену помимо моей матери. Не хотѣлъ разлучаться съ ней и обижать ее. Слушай: они стали христіанами, но мой отецъ попрежнему любилъ тебя. Дядя Георгій говорилъ мнѣ это часто. Не было дня, чтобы мой бѣдный папа не вспоминалъ о тебѣ. А передъ своей неожиданной смертью,

онъ, точно отягощенный какимъ-то тяжелымъ предчувствіемъ, цѣлый день говорилъ о тебѣ, дѣдушка. Онъ любилъ и аулъ, и горы, и тебя любилъ безконечно. И я люблю и аулъ, и горы, и тебя, отецъ моего бѣднаго папы, добрый, милый дѣдушка-наибъ. Я—христіанская дѣвушка—говорю тебѣ это. У дѣдушки Магомета были двѣ дочери, обѣ стали христіанками, и дѣдушка Магометъ простилъ обѣимъ. Онъ принимаетъ меня и любитъ, потому что знаетъ, что въ моемъ тѣлѣ живетъ душа горянки, сердце лезгинки бьется въ немъ. Дѣдушка-наибъ, почему-же ты не хочешь знать меня, когда я думаю о тебѣ такъ часто и много? Если-бы я могла распоряжаться собою, я осталась-бы у васъ въ аулѣ, ѣла-бы хинкалъ вмѣстѣ съ вами и работала на тебя... Но я не могу сдѣлать этого. Я могу только чувствовать такъ и..

— Развѣ въ домѣ русскаго князя не возстановляли внучку противъ ея дѣда-наиба? Не говорили, что бекъ-Мешедзе — злодѣй, притѣснявшій своего собственнаго сына?—и дѣдъ заглянулъ въ мои глаза, бросивъ мнѣ этотъ вопросъ.

— Дѣдушка Мешедзе! какъ можешь ты говорить это!—съ искреннимъ негодованіемъ вырвалось у меня.

Должно быть мой возгласъ былъ слишкомъ краснорѣчивъ, слишкомъ искренень, и глаза мои, въ упоръ устремленные въ глаза моего дѣда, дышали тою-же истиной, потому что по лицу стараго горца скользнула

чуть примѣтная, неуловимая, какъ змѣйка, улыбка. Въ свою очередь онъ обратилъ ко мнѣ проницательный взоръ.

— И ты пріѣхала мнѣ сказать все это?—произнесли чуть слышно его губы.

— Нѣтъ! Тысячу разъ нѣтъ! Я не хочу лгать тебѣ, дѣдушка... Я пріѣхала погадать у тетки Леилы... а тебя встрѣтила ненарокомъ. Но разъ встрѣтила, я не могу уже скрыть того, что волнуетъ мнѣ душу. Ты понимаешь меня, дѣдушка-наибъ?

Я говорила правду. Мысль о примиреніи съ дѣдомъ не приходила мнѣ въ голову, когда я ѣхала сюда. Просто, жадная до всего таинственнаго, я стремилась повидать мою тетку-прорицательницу и узнать у нея мою судьбу. Но когда я увидѣла его, этого сѣдого, какъ лунь, величественнаго и гордаго старика, въ моей душѣ разомъ заговорила, таившаяся до сихъ поръ, молчаливая привязанность къ угрюмому и глубоко несчастному дѣду.

Голосъ крови заговорилъ во мнѣ сильнѣе, чѣмъ когда-либо.

Я не лгала наибу. Я часто, часто думала о немъ у себя въ Гори и любила его, любила и жалѣла, да!

— Самъ Аллахъ говоритъ твоими устами, дитя!— прошепталъ въ большомъ волненіи старикъ.

И прежде чѣмъ я могла понять, что онъ хочетъ дѣлать со мною, дѣдушка-наибъ быстро подошелъ ко

мнѣ, обхватилъ одною рукою за плечи, другою откинулъ назадъ мою голову и, приблизивъ къ самому моему лицу свои пылающіе глаза, произнесъ голосомъ, дрожащимъ отъ внутренняго волненія:

— Мой Израилъ... Мой единственный, дарованный и отнятый отъ меня Аллахомъ! Тебя я вижу въ этомъ ребенкѣ!..

И прижалъ мою голову къ своей груди.

Когда я снова увидѣла его лицо, то почти не узнала моего дѣдушку-наиба. Въ его мрачныхъ, обычно суровыхъ глазахъ теперь ласково теплился огонь любви и участія. Его губы, сложенныя въ улыбку, шептали мнѣ такія нѣжныя, такія ласковыя слова, на которыя до сихъ поръ не былъ способенъ этотъ суровый старикъ.

— Аминатъ! Аминатъ! — вдругъ закричалъ онъ неожиданно, обращаясь лицомъ къ двери, завѣшенной ковромъ, и все еще не выпуская меня изъ своихъ объятій.

Въ ту-же минуту изъ-за ковровой завѣсы вышла сморщенная маленькая старушка, опираясь на плечо Гуль-Гуль.

— Аминатъ! Моя бѣдная! — произнесъ, подходя къ ней со мною, дѣдушка. — Твои слѣпые глаза не могутъ порадоваться на новую розу Дагестана... Но голосъ сердца подскажетъ тебѣ, кто предъ тобою.—И съ этими словами онъ легонько толкнулъ меня навстрѣчу къ бабушкѣ (это была моя бабушка, ослѣпшая отъ слезъ послѣ побѣга моего отца изъ аула).

Бабушка протянула ко мнѣ свои старческія дрожащія руки и водила ими по моему лицу, ощупывая каждую черту на немъ. Лицо ея, вначалѣ безстрастное и спокойно-внимательное, какими бываютъ лица слѣпыхъ, вдругъ озарилось свѣтомъ, блаженной улыбкой. Изъ незрячихъ глазъ полились обильныя слезы. Она охватила мою голову руками и, прижавъ ее къ своей изсохшей груди, вскричала, устремляя потухшій взоръ къ небу:

— Аллахъ Великій! ты сжалился надъ старой Аминатъ и далъ ей видѣть дитя ея Израила. Нина! Сердце сердца моего! Сладкая боль моей израненной души! Нина бекъ-Израилъ-Оглы-Мешедзе, я узнаю тебя!

— Бабушка!—могла я только крикнуть въ отвѣтъ и сама прижалась къ этой измученной страданіями старческой груди.

А Гуль-Гуль плакала и смѣялась въ одно и то же время, хлопая своими крошечными ладонями и кружась, какъ волчокъ, на одномъ мѣстѣ. Даже Леила-Фатьма перестала смотрѣть на меня тѣми грозными глазами, какими смотрѣла нѣсколько минутъ до этого. Всѣ молчали и въ этомъ молчаніи скрывалась тихая, торжественная радость, на какую способны только умѣющія скрывать всякое движеніе души восточныя натуры. Не знаю, долго-ли бы еще продлилось такое состояніе, если-бы на дворѣ не послышался лязгъ лошадиныхъ подковъ, смутные голоса и говоръ.

Не успѣлъ дѣдушка-наибъ крикнуть нукера, чтобы узнать въ чемъ дѣло, какъ дверь сакли широко распахнулась и къ намъ не вошелъ, а скорѣе вбѣжалъ легкой, юношески-быстрой походкой дѣдушка Хаджи-Магометъ.

Счастливое выраженіе разомъ сбѣжало съ лица бека-Мешедзе и это лицо снова стало суровымъ и хмурымъ, какъ грозовая ночь. Рука его невольно схватилась за рукоятку дамасскаго кинжала, съ которымъ онъ не разлучался никогда. При видѣ этого движенія, дѣдушка Магометъ выхватилъ въ свою очередь кинжалъ изъ-за пояса и, грозно потрясая имъ въ воздухѣ, вскричалъ:

— Клянусь, кто-либо изъ насъ останется мертвымъ въ этой саклѣ, наибъ, если ты не отдашь мнѣ ребенка!

— Ты забылся, старикъ!—грозно сверкая глазами, вскричалъ въ свою очередь бекъ-Мешедзе и краснорѣчиво взмахнулъ кинжаломъ.

Вся кровь заклокотала во мнѣ. Въ два прыжка я вырвалась изъ рукъ бабушки Аминатъ, которая меня все еще держала въ своихъ объятіяхъ, и очутилась между ними.

— Дѣдушка! Дѣдушка, успокойся! — вскричала я, насильно опуская руку наиба, вооруженную кинжаломъ.—Онъ гость твой! Опомнись, дѣдушка-наибъ!

— Онъ явился не какъ гость, а какъ барантачъ-разбойникъ. Не со свѣтлыми помыслами переступилъ онъ порогъ моей сакли, — тѣмъ-же грознымъ голосомъ

Мнѣ стало жутко...

произнесъ бекъ-Мешедзе, сверкая взорами на нежданнаго пришельца.

— Ты правъ, наибъ! — бѣшено сверкая въ свою очередь глазами, кричалъ мой второй дѣдъ, — я зналъ, что ты могъ причинить зло ребенку, и спѣшилъ выручить ее... — кивнулъ на меня своей сѣдой головою дѣдушка Магометъ.

— Зло... мнѣ?—вскричала я, исполненная недоумѣнія.—Дѣдушка, опомнись!..

— Дѣдушка Магометъ!—взявъ за руку старика, обратилась я къ нему самымъ ласковымъ тономъ, на который была только способна,—самъ Богъ посылаетъ тебя сюда, дѣдушка. Ты пришелъ въ хорошую минуту... Недаромъ по адату извѣстно, что гость, посланный Аллахомъ, вѣстникъ мира. Ты вѣстникъ мира, дѣдушка Магометъ. Не вражду и горе внесъ ты съ собою. Смотри! Дѣдушка-наибъ простилъ моего отца, простилъ мою мать, твою покойную дочь Бэллу... Вѣдь ты простилъ имъ, дѣдушка-наибъ, во имя любви моей къ тебѣ простилъ имъ, да?—И я смѣло и ласково заглянула въ самые глаза стараго бека.

Онъ молча и угрюмо мотнулъ головою.

— А если простилъ и примирился съ покойными, то долженъ примириться и съ живымъ. Гляди: дѣдушка Магометъ такъ-же несчастливъ, какъ и ты — и у него вѣдь погибли любимыя дѣти... Но нѣтъ, онъ вдвое несчастнѣе тебя: у тебя есть Гуль-Гуль, услада и ра-

дость твоей старости, бабушка съ тобою, Леила-Фатьма, а дѣдушка Магометъ одинъ, какъ перстъ, на свѣтѣ и сакля его пуста, какъ свѣжевырытая могила. О, онъ несчастливъ, дѣдушка Магометъ! Много несчастливѣе тебя. А ты могъ-бы сдѣлать его счастливымъ! Могъ-бы пригрѣть его, одинокаго, въ твоей саклѣ, могъ-бы поговорить съ нимъ о томъ времени, когда вы оба были счастливы породниться другъ съ другомъ, когда твой сынъ бралъ въ жены дочь его. И теперь въ доброй бесѣдѣ и общей молитвѣ вы могли-бы поминать усопшихъ. Раздѣленное на двоихъ горе есть полгоря, такъ учили меня старшіе. Протяни-же руку твоему гостю, дѣдушка-наибъ. А ты, дѣдушка Магометъ, взгляни поласковѣе на своего стараго друга!

Я замолкла, глядя то на одного, то на другого. Оба старика стояли въ глубокомъ молчаніи, тяжело дыша, съ потупленными глазами. Такъ длилось нѣсколько минутъ, тянувшихся, казалось мнѣ, безконечно. И вдругъ среди гробовой тишины послышался голосъ дѣдушки-наиба:

— Ты слышалъ, Хаджи, какъ щебетала ласточка, залетѣвшая къ намъ изъ райскихъ кущъ Аллаха? Предвѣчный послалъ намъ одного изъ своихъ ангеловъ мира. Не намъ, вѣрнымъ мусульманамъ, противиться волѣ Его... Дитя право. Миръ да почіетъ надъ кровлями саклей нашихъ. Дай твою руку, ага!

Что это? Во снѣ или наяву я вижу все это? Сильная, смуглая рука бека протягивается навстрѣчу дѣ-

душкѣ Магомету. И тотъ отъ души пожимаетъ ее. Потомъ точно какая-то высшая сила толкаетъ ихъ другъ къ другу, и оба мои дѣдушки обнимаются у меня на глазахъ... Нина бекъ-Израилъ, ликуй! Нина бекъ-Израиль, если въ душѣ твоей бываетъ порой темно и печально, то сегодня эта душа загорѣлась яркимъ солнечнымъ свѣтомъ!..

ГЛАВА IX.

Праздникъ въ Бестуди.—Джигитовка.—Гуль-Гуль похищена.—Печальная вѣсть.

ДѢДУШКА-НИБЪ рѣшилъ хорошенько отпраздновать день своего примиренія со сватомъ.

У дѣдушки-наиба хранилось много золотыхъ тумановъ въ кованыхъ желѣзомъ сундукахъ; онъ славился своимъ богатствомъ и своими табунами далеко въ окрестностяхъ аула.

Въ джуму [1]) вечеромъ на наибовомъ дворѣ собралось столько народу, что его едва можно было умѣстить въ обширной саклѣ бека-Мешедзе. Не надо и говорить, что самыми почетными гостями являлись мы съ дѣдушкой Магометомъ. Старики были связаны съ дѣтства самою трогательною дружбой, и обоимъ была тяжела ихъ долгая вражда; теперь бекъ-Мешедзе всячески старался услужить Хаджи-Магомету; онъ посадилъ его на почет-

[1]) Въ пятницу, которая считается праздникомъ у мусульманъ, какъ у насъ воскресенье.

номъ мѣстѣ на грудѣ подушекъ, крытыхъ коврами, самъ подавалъ ему бузу, самъ приготовлялъ кальянъ съ ароматичнымъ куреньемъ и всячески выражалъ ему уваженіе и почетъ передъ остальными посѣтителями сакли.

Когда я вошла въ эту саклю объ руку съ моей неизмѣнной спутницей Гуль-Гуль, тамъ было такъ накурено какимъ-то ароматичнымъ, крѣпкимъ куреніемъ, что съ добрую минуту я ничего не могла разсмотрѣть въ клубахъ дыма.

Но когда глаза мои привыкли мало-по-малу къ окружающему меня сѣрому облаку, я увидѣла нѣсколько старыхъ, бородатыхъ горцевъ въ праздничныхъ бешметахъ, съ неподвижно-суровыми лицами, сидящихъ на подушкахъ и курящихъ кальянъ.

— Моя внучка, дочь покойнаго бека-Израила, русская княжна!—произнесъ дѣдушка-наибъ, выдвигая меня впередъ.

И мнѣ показалось, что въ сильныхъ звукахъ его могучаго голоса зазвучали нотки какой-то нѣжности и гордости.

И по лицамъ всѣхъ этихъ бековъ и алимовъ медленно проползли одобрительныя улыбки при видѣ меня. Они, очевидно, желая доставить удовольствіе дѣдушкѣ, хвалили мою наружность, мой умъ, хотя ума моего никто изъ нихъ и не могъ успѣть замѣтить. Но какъ ни нелѣпы были всѣ эти льстивыя похвалы, онѣ радовали меня, какъ ребенка. Я была тщеславна.

Послѣ обильнаго ужина, во время котораго пѣлъ сказочникъ-пѣвецъ, щипля струны чіанури [1]), дѣдушка пригласилъ всѣхъ своихъ гостей выйти на просторный дворъ, окружающій саклю. Здѣсь странствующій фокусникъ, разысканный и нанятый на этотъ вечеръ нукерами [2]) наиба, долженъ былъ давать свое представленіе. Нукеры вынесли изъ сакли подушки и ковры, выставили ковшы съ бузою [3]). Важнѣйшіе изъ дѣдушкиныхъ гостей усѣлись на подушкахъ, скрестивъ, по восточному обычаю, ноги, а молодежь помѣстилась въ сторонѣ, почтительно стоя въ присутствіи старшихъ. Дѣвушки, прикрытыя чадрами, пугливо жались другъ къ другу. Женщинъ не было видно: женщины у лезгинъ не имѣютъ права показываться въ мужскомъ обществѣ. За то онѣ облѣпили кровлю сакли и, плотно укутанныя въ чадры, казались намъ оттуда неподвижными изваяніями или пестрыми привидѣніями. Гуль-Гуль, широко пользуясь своими правами подростка-дѣвушки, не надѣла тяжелаго покрывала и только опустила на лицо легкую, прозрачную бѣлую кисею, сквозь которую двумя огненными точками сверкали ея черные живые глазки.

Фокусы начались. Красивый, гибкій и подвижной персіянинъ-мальчикъ на виду у толпы опускалъ себѣ въ горло поочередно горящія головни и шпаги и, про-

---

[1]) Особый кавказскій музыкальный инструментъ.
[2]) Слуги.
[3]) Напитокъ.

державъ ихъ съ минуту, извергалъ обратно. Другой персіянинъ, какъ двѣ капли воды похожій на перваго юношу, очевидно старшій братъ его, наносилъ себѣ кинжаломъ раны такъ, что ни одна капля крови не показывалась на смугло-бронзовомъ тѣлѣ, и пѣлъ въ это время какую-то дикую, исполненную воинственнаго задора пѣсню. Потомъ они оба начали плясать, ударяя смуглыми руками въ жалобно и мелодично звенящій саазъ. Что это была за странная пляска! Я никогда не видѣла ничего подобнаго. Оба перса кружились такъ быстро, что нельзя было различать ни лицъ ихъ, ни рукъ, ни ногъ, и только желтыя ленты, прикрѣпленныя къ ихъ одеждамъ, огненными змѣями обвивали эти живые волчки.

Когда оба юноши почти бездыханные упали въ корчахъ на землю, толпа неистово заревѣла отъ восторга.

Мнѣ было непріятно это зрѣлище.

— Пойдемъ!—дернула я за рукавъ Гуль-Гуль.

Но ей, очевидно, было очень по душѣ подобное представленіе. Дикое дитя лезгинскаго аула, привыкшая ко всякаго рода случайностямъ и обожавшая сильныя ощущенія, Гуль-Гуль не раздѣляла моего впечатлѣнія. Ей не хотѣлось уйти. Глаза ея ярче разгорѣлись подъ кисейной чадрой.

— Постой, постой, джанымъ, — лепетала она, задыхаясь,—сейчасъ джигитовка будетъ. Наши молодцы джигитовать будутъ. Постой.

— И я хочу джигитовать, Гуль-Гуль!—помимо меня самой вырвалось изъ моихъ устъ.

— Ты, маленькая джанымъ?

И, безцеремонно ткнувъ въ меня своимъ тоненькимъ пальчикомъ съ крашенымъ хиною ногтемъ, она засмѣялась заразительно-звонко.

— Ну, да, я хочу джигитовать! Что-жъ тутъ смѣшного?—задѣтая за живое ея смѣхомъ, проговорила я обиженно.

Въ самомъ дѣлѣ: что тутъ было смѣшного? Или не знала Гуль-Гуль, что мой названный отецъ и дядя джигитовалъ, какъ настоящій горецъ-джигитъ, и съ дѣтства научилъ меня этой трудной премудрости. Я въ совершенствѣ ѣздила верхомъ и знала всѣ пріемы, необходимые для джигитовки. Въ пятнадцать лѣтъ я была смѣла и ловка, какъ мальчикъ. Поэтому, когда молодые лезгины Беетуди выѣхали на горную плоскость изъ воротъ дома наиба, чтобы состязаться въ верховой ѣздѣ, я, не отдавая себѣ отчета, вскочила на моего Алмаза, привязаннаго у наибовой сакли, и помчалась за ними.

— Нина-джанымъ, опомнись, что ты!—шептала мнѣ, смущенная до-нельзя моимъ поступкомъ и вся закраснѣвшаяся, Гуль-Гуль.

Но я уже ничего не слышала. Не помня себя, вылетѣла я за ворота слѣдомъ за остальными и, быстро подскочивъ къ молодому лезгину, выбранному руководи-

телемъ джигитовки, попросила дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Позволь мнѣ, ага, джигитовать вмѣстѣ съ вами.

Онъ съ минуту въ недоумѣніи разглядывалъ меня, окидывая чуть насмѣшливымъ взоромъ мою полудѣтскую фигуру. Потомъ передалъ мою просьбу своимъ товарищамъ.

На мнѣ были надѣты въ этотъ вечеръ узорчатыя канаусовыя шальвары и праздничный бешметъ моей матери, въ которые я всегда наряжалась во время моихъ пребываній у дѣдушки Магомета. Бѣлая папаха была лихо заломлена на затылокъ. И все-таки, несмотря на мой полумужской костюмъ, я была въ ихъ глазахъ не болѣе, какъ слабая женщина-подростокъ, дѣвочка, почти ребенокъ.

Однако, изъ желанія угодить внучкѣ своего наиба, молодые лезгины согласились на мою просьбу, и только по лукавымъ усмѣшкамъ да насмѣшливымъ взглядамъ я могла догадаться о томъ, какъ мало довѣрія къ моей смѣлости и ловкости внушаетъ имъ моя тщедушная, юная фигурка.

Эти взгляды и усмѣшки рѣшили все. Если я колебалась за минуту до этого, войти-ли въ кругъ джигитующихъ, или скромно удалиться къ Гуль-Гуль и прочимъ дѣвушкамъ-горянкамъ, то теперь эти усмѣшки и взгляды разомъ точно приковали меня къ мѣсту.

„Я буду джигитовать во что-бы то ни стало, —

мысленно рѣшила я,—и докажу всѣмъ этимъ удальцамъ-абрекамъ, что Нина бекъ-Израилъ не какая-нибудь слабая, ничтожная дѣвчонка, а не менѣе ихъ отважное и смѣлое существо!“

Быстро въѣхала я въ кругъ джигитующихъ.

Ловкія, сильныя, выносливыя, какъ молнія проворныя лезгинскія лошадки стѣснились вмѣстѣ со своими всадниками въ кругъ, ожидая условнаго знака.

Мамедъ-Рагимъ, распорядитель джигитовки, придумалъ славную штуку. Онъ вонзилъ въ землю по самую рукоятку короткій дамасскій кинжалъ такъ, что изъ земли торчалъ только крошечный конецъ рукоятки, украшенный чернью, и приказалъ всадникамъ на всемъ скаку схватить кинжалъ зубами.

Это была нелегкая, почти невыполнимая задача не только для меня, но и для самыхъ ловкихъ джигитовъ аула. Чтобы схватить кинжалъ зубами, надо было склониться лицомъ почти до самой земли, оставаясь въ тоже время на лошади, быстро, вихремъ несущейся лошади.

Моя душа затрепетала, какъ пойманная птица.

„Неужели, неужели я не достану кинжала?“ — стонало что-то назойливо внутри меня.

И другой голосъ вторилъ тутъ-же, словно успокаивая и урезонивая мою взбаломученную душу:

— „Полно тебѣ, Нина! Дитя! Ребенокъ, успокойся. Тебѣ-ли сравняться съ ними,—испытанными ловкачами,—

наѣздниками-джигитами, всю свою жизнь проведшими въ сѣдлѣ!“

Но, несмотря на поднявшійся во мнѣ голосъ разсудка, я вся закипала отъ зависти при одной мысли о томъ, что кто-либо превзойдетъ меня въ ловкости и отвагѣ.

— Не выдай, Алмазъ, не выдай, сердце мое!—прошептала я въ ухо моего смѣльчака-гнѣдого.

Онъ только фыркнулъ въ отвѣтъ и такъ краснорѣчиво повелъ глазами, что я разомъ поняла: опасаться нечего; мой вѣрный другъ поможетъ своей юной всадницѣ.

Вотъ распорядитель джигитовки, бронзовый отъ загара Мамедъ-Рагимъ, предварительно разгоряча свою лошадь нагайкой, пустилъ ее во всю прыть сразмаху впередъ... Вотъ онъ приближается къ торчащей изъ земли рукояткѣ, все замѣтнѣе и замѣтнѣе наклоняясь на бокъ... Вотъ онъ почти сползъ съ сѣдла и, плотно охвативъ гриву лошади лѣвой рукой, правой наносилъ ударъ за ударомъ нагайкой и безъ того возбужденному коню. Его лицо, все налитое кровью, съ неестественно горящими глазами, почти касалось земли. Вотъ онъ почти у цѣли... Вотъ рукоятка кинжала только на протяженіи двухъ аршинъ отъ него... Вотъ она ближе, ближе...

Разъ! Лошадь пронеслась быстрѣе вихря мимо цѣли и налитое кровью багровое лицо Мамеда снова появилось у шеи коня.

Веселый хохотъ дѣвушекъ былъ отвѣтомъ на этотъ неудавшійся маневръ. Всѣхъ громче хохотала хорошенькая Еме, невѣста Рагима.

Неудачная попытка распорядителя не остановила прочихъ джигитовъ. Напротивъ, каждый промахъ еще болѣе подбавлялъ имъ жару, еще болѣе придавалъ отчаянной отваги смѣльчакамъ.

Послѣ Абдула Оглы-Радома, одного изъ знатнѣйшихъ молодыхъ бековъ аула, вышелъ юноша Селимъ, большой весельчакъ и отчаяннѣйшій сорви-голова во всемъ Бестуди, насмѣшникъ и задира, котораго не любили за не въ мѣру острый языкъ. Онъ окинулъ гордымъ взглядомъ толпу: и кругъ стариковъ, спокойно наблюдающихъ издали за состязаніемъ молодежи, и дѣвушекъ, весело пересмѣивающихся въ сторонѣ. Потомъ выѣхалъ нѣсколько впередъ, взмахнулъ нагайкой, гикнулъ и во всю прыть разогналъ своего коня. У него былъ видъ настоящаго побѣдителя, у Селима, и мое сердце невольно задрожало отъ одной мысли, что молодой лезгинъ можетъ опередить меня и вырветъ кинжалъ изъ земли. Моя очередь была за нимъ слѣдомъ. Какъ самая младшая, я должна была уступить первенство взрослымъ людямъ. Съ тоскою и замираніемъ сердца слѣдила я за каждымъ движеніемъ Селима. Вотъ онъ почти у цѣли, вотъ голова его, спущенная на четверть отъ земли, сейчасъ поровняется съ рукояткой кинжала, воткнутою въ грунтъ. Вотъ... Дружный хохотъ разомъ прервалъ мою мысль. Гордый Селимъ

фыркалъ и отплевывался во всѣ стороны, уже прямо сидя въ сѣдлѣ. Вмѣсто кинжала онъ захватилъ ртомъ порядочную порцію песку и глины. Слава Богу! Рукоятка кинжала по прежнему невозмутимо торчала изъ земли.

Я не думала нисколько о неудачѣ Селима, не слышала насмѣшливыхъ возгласовъ, направленныхъ по его адресу изъ толпы, я видѣла только одну рукоятку кинжала, одну маленькую рукоятку, отъ которой зависѣло, казалось, все мое благополучіе. Если-бы всѣ мои мысли, все мое вниманіе не было сосредоточено на этой черной неподвижной точкѣ, приковавшей меня, я-бы замѣтила троихъ всадниковъ въ богатыхъ кабардинскихъ одеждахъ, на красивыхъ коняхъ, медленно въѣзжающихъ во дворъ наиба; я увидѣла-бы сѣдого, какъ лунь, старика въ бѣлой чалмѣ на головѣ, въ праздничной одеждѣ, ѣхавшаго впереди двухъ остальныхъ. Но я замѣтила ихъ только тогда, когда дѣдушка-наибъ почтительно вышелъ къ нимъ навстрѣчу и, приблизившись къ старшему всаднику, произнесъ, прикладывая руку, по горскому обычаю, ко лбу, губамъ и сердцу:

— Селямъ-Аллекюмъ! Будь благословенъ твой приходъ въ мою саклю, знатный бекъ!

— Благодарю, наибъ!—произнесъ старикъ въ чалмѣ,—благодарю. Мы ѣдемъ изъ Кабарды—я и мои друзья—къ ученому алиму аула Раймани. Но по пути заѣхали передохнуть въ ваше селеніе.—И онъ отдалъ установленный обычаемъ селямъ.

Рослая фигура старика болтается у ногъ коня...

Я видѣла потомъ, какъ дѣдушка пригласилъ гостя войти въ ихъ кругъ, чтобы отвѣдать бузы и жареной баранины, поставленной передъ гостями на огромныхъ блюдахъ, и какъ гость отклонилъ приглашеніе, говоря, что хочетъ посмотрѣть конецъ джигитовки, и остался верхомъ на своемъ конѣ неподвижнымъ и величественнымъ, какъ бронзовое изваяніе. Какъ сквозь сонъ видѣла я это неожиданное появленіе всадниковъ-кабардинцевъ и почти не обратила на нихъ вниманія.

Быстро пригнувшись въ стременахъ, я слегка ударила рукою лоснящіеся бока моего Алмаза и, крикнувъ свое неизбѣжное „айда!“, метнулась впередъ. Словно во снѣ мелькали передо мною встревоженныя лица обоихъ моихъ дѣдушекъ, которые были далеки отъ мысли, что ихъ внучка Нина будетъ джигитовать наравнѣ съ прочими горцами, видѣла поблѣднѣвшее отъ испуга личико Гуль-Гуль. Она въ забывчивости отвела чадру отъ лица и стояла теперь, взволнованная, съ помертвѣвшимъ отъ страха лицомъ, глядя на меня во всѣ глаза расширеннымъ, нестерпимо горящимъ взоромъ.

Моя молоденькая тетка испытывала отчаянный страхъ за свою удалую племянницу.

Встревоженныя лица моихъ близкихъ не остановили меня; напротивъ, они придали мнѣ новую отчаянную смѣлость. Отличиться, во что-бы то ни стало отличиться передъ всѣми этими почтенными старцами, передъ удалой молодежью и хорошенькими дѣвушками, моими

сверстницами—вотъ единственное желаніе, которое жгло и сверлило въ эту минуту мою необузданную душу.

И я пустила быстрымъ галопомъ моего коня. Медленно, по примѣру старшихъ наѣздниковъ, стала я сползать съ его спины за нѣсколько саженей до завѣтной цѣли. Все ближе и ближе подвигался ко мнѣ черный клинокъ кинжала... или, вѣрнѣе, я сама все замѣтнѣе и замѣтнѣе приближалась къ нему. Вотъ голова моя, страшно затекшая и отяжелѣвшая, повисла по сосѣдству съ передними ногами Алмаза... Одна рука судорожно сжала гриву моего коня, въ то время какъ другая дѣлала непроизвольныя движенія въ воздухѣ, стараясь во что-бы то ни стало придать равновѣсіе моей повисшей ногами на однихъ стременахъ фигурѣ... Вотъ и кинжалъ, завѣтный кинжалъ въ двухъ шагахъ разстоянія отъ меня... Всего въ двухъ шагахъ, не больше. Если я протяну руку, то захвачу его... Но по уговору я обязана вырвать его изъ земли зубами, а не руками. И я приготовилась къ трудному маневру.

Но въ ту-же минуту дикое, характерное гиканье разомъ заставляетъ остановиться, какъ вкопаннаго, моего коня. Алмазъ теперь не дѣлалъ ни шага, дрожа всѣми своими четырьмя ногами и тяжело вздымая крутые бока.

Что это? Сонъ или дѣйствительность? Прямо на меня во всю прыть несется лошадь передового кабардинца съ его сѣдымъ бородатымъ всадникомъ, по-юношески ловко

изогнувшимся въ сѣдлѣ. Вдругъ рослая фигура старика еще ниже приклонилась къ лукѣ въ стременахъ, бѣлая чалма, скользнувъ вдоль крупа лошади, болтается теперь у ногъ коня, сѣдая борода мететъ узкую тропинку... Быстрое, ловкое, неожиданное движеніе—и гость-кабардинецъ, совсѣмъ почти припавъ къ землѣ, на всемъ скаку хватаетъ кинжалъ за торчащую изъ земли рукоятку зубами и снова стрѣлою взлетаетъ въ сѣдло, не выпуская изо рта добычу.

Сплошной, неистовый дикій крикъ восторга, одобренія и недоумѣнія въ одно и то-же время вырывается изъ устъ толпы и виснетъ надъ бездной побѣднымъ, торжествующимъ звукомъ.

И въ ту-же минуту гдѣ-то одиноко и жалобно проносится отчаянный женскій вопль. Въ то время какъ все вниманіе зрителей было направлено на лихую продѣлку стараго кабардинца, остальные двое изъ вновь прибывшихъ съ быстротою молніи ринулись въ толпу дѣвушекъ. Одинъ изъ нихъ бросился прямо въ середину толпы на своемъ быстромъ конѣ, производя въ ней переполохъ и сумятицу, въ то время какъ другой во весь опоръ подскочилъ къ обезумѣвшей отъ страха Гуль-Гуль, схватилъ въ сѣдло перепуганную дѣвушку,— и въ одно мгновеніе ока оба всадника скрылись со своей добычей.

Все это произошло на моихъ глазахъ въ одинъ мигъ, въ одну секунду.

— Гуль-Гуль! Гуль-Гуль!—вскричала я, исполненная страха за мою молоденькую тетку.

— Успокойся, княжна! Твоя Гуль-Гуль въ вѣрныхъ рукахъ того, кто ее любитъ, — послышался знакомый голосъ,—голосъ, который я-бы узнала изъ тысячи ему подобныхъ.

Предо мною верхомъ на конѣ, гордо приподнявшись на стременахъ, безстрашный какъ всегда, стоялъ Керимъ-ага, бекъ-Джамала. Сѣдой бороды, бѣлыхъ усовъ и тяжелой чалмы не было на лицѣ моего друга. Все это было сорвано имъ въ одну минуту.

— Керимъ!—прошептала я, исполненная страха и радости въ одно и то же время,—такъ это вы, Керимъ, вы ея похититель?

— Она моя невѣста... Ага-наибъ, не безпокойся за дочь!—вскричалъ онъ въ сторону моего дѣдушки,—Гуль-Гуль будетъ счастлива съ Керимомъ.—И, давъ шпоры коню, онъ понесся во всю прыть по узкой тропинкѣ, прочь отъ сакли наиба, рискуя ежеминутно свергнуться въ бездну или разбить голову о придорожные уступы и скалы.

Только сейчасъ проснулась, словно зачарованная всѣмъ происшедшимъ, толпа. Молодые джигиты быстро вскакивали на коней и полетѣли вдогонку за безстрашнымъ душманомъ и товарищами его. А изъ сакли дома выбѣжала слѣпая бабушка Аминатъ, услышавшая жалобный крикъ своей дочки.

Она рвала на себѣ волосы и одежду и стонала, какъ безумная, тѣмъ раздирающимъ душу стономъ, въ которомъ сказывалось все отчаянное горе осиротѣвшей матери.

Я взглянула на дѣдушку-наиба... Онъ былъ неузнаваемъ! Такого страшнаго лица я еще не видѣла у него. Глаза его были черны, какъ пропасть, и горѣли, какъ у волка... Губы судорожно кривились, силясь удержать вопль отчаянія и безсильной злобы, готовый вырваться изъ груди.

— Канлы! Канлы! [1]) —беззвучно шептали его пересохшія, разомъ потемнѣвшія, какъ у покойника, губы.— О, Измаилъ, зачѣмъ ты ушелъ, зачѣмъ погибъ безвременно, единственный! Кто отомститъ за похищеніе твоей сестры, кто вернетъ мнѣ мою красавицу-дочь?

— Дѣдушка! Опомнись! Опомнись, дѣдушка!—дергая его за рукавъ бешмета, лепетала я. — Она любитъ его, Гуль-Гуль! Она любитъ и будетъ счастлива!

Но онъ не слышалъ даже того, что я говорила, да я и сама плохо сознавала то, что срывалось съ моихъ устъ въ эту минуту. Все, только-что происшедшее, случилось такъ неожиданно, такъ странно!

Такъ вотъ кто любилъ Гуль-Гуль, кто нашептывалъ сладкія рѣчи у источника моей молоденькой теткѣ! Керимъ! Опять Керимъ! Что за странность судьбы посылать на моемъ пути этого необычайнаго человѣка!

[1]) Кровавая месть.

Мои минутныя размышленія были прерваны дѣдушкой Магометомъ.

— Идемъ съ миромъ въ нашу саклю, дитя! Тебѣ нечего дѣлать здѣсь, ласточка! — произнесъ онъ, кладя мнѣ на плечо свою сухую, но сильную руку.

— Но какъ-же мы оставимъ дѣдушку-наиба?—произнесла я, тревожно взглядывая на разомъ осунувшуюся и сгорбившуюся въ своемъ отчаяніи фигуру старика, и вдругъ взоръ мой замѣтилъ всадника, быстро приближающагося по горной тропинкѣ.

„Что это? неужели Керимъ возвращается въ аулъ, чтобы одинъ на одинъ встрѣтить опасность? Отъ этого удальца всего станется!“ — пришла мнѣ въ голову внезапная мысль.

Но при свѣтѣ молодого мѣсяца, выплывшаго изъ облаковъ, я узнала всадника, быстро приближающагося по тропинкѣ. Это былъ не Керимъ, нѣтъ. Но тотъ, кого я увидала, заставилъ еще болѣе сжаться и затрепетать мое взволнованное сердце.

Всадникъ летѣлъ съ быстротою зарницы, поминутно снабжая ударами нагайки своего коня. Вотъ онъ во весь опоръ влетѣлъ во дворъ наиба.

— Михако, ты? Зачѣмъ? — беззвучно сорвалось съ моихъ губъ, въ то время какъ вся душа моя заныла тяжелымъ предчувствіемъ чего-то страшнаго, неизбѣжнаго, рокового.

..Такъ, просто, не прислали-бы сюда нашего стараго

слугу, вѣрнаго друга Джаваховскаго дома. Значитъ, случилось что-то, что-то произошло безъ меня тамъ, въ далекомъ Гори..." — сообразила я, вся замирая новымъ приступомъ отчаянія.

Въ одну минуту Михако отыскалъ меня взоромъ въ толпѣ, окружившей обезумѣвшаго отъ горя наиба, и, подскакавъ ко мнѣ, произнесъ, задыхаясь:

— Княжна-голубушка... Домой собирайся, скорѣе! Скорѣе!.. Батоно-князь боленъ... Очень боленъ... Торопись, княжна!.. Торопись, родная!

— Боленъ! — воплемъ вырвалось изъ моей груди и вмигъ неудачная джигитовка, появленіе Керима, похищеніе Гуль-Гуль,—все было забыто.

Ужасный роковой призракъ заслонилъ предо мною весь огромный міръ.

— Отецъ боленъ! Мой папа боленъ! О, Михако! О, дѣдушка Магометъ! Везите меня, везите меня къ нему скорѣе!

И, исполненная невыразимаго отчаянія, я закрыла лицо руками и глухо застонала.

ГЛАВА X.

Ужасная дѣйствительность.

СНОВА потянулась безконечная дорога, горы и небо, небо и горы и молчаливыя, какъ тайны, бездны со всѣхъ сторонъ... Но это уже было не прежнее, исполненное невыразимой прелести путешествіе, которое я совершила недѣлю тому назадъ съ дѣдушкой Магометомъ. Тяжелая свинцовая туча повисла надъ моей головой, все разрастаясь и разрастаясь, ежеминутно наваливаясь мнѣ на душу всей своей тяжестью. Предчувствіе чего-то страшнаго, неизбѣжнаго тяготило меня, заставляя забывать и прелесть пути, и красоту природы.

Дѣдушка Магометъ раздѣлялъ, казалось, мое печальное настроеніе. Съ головою, плотно окутанной буркой, ѣхалъ онъ впереди насъ на своемъ крѣпкомъ, выносливомъ, точно изъ бронзы отлитомъ, конѣ. Михако былъ не разговорчивѣе дѣдушки. Я только успѣла узнать отъ него, что положеніе папы внушаетъ серьезныя опасенія. Мой отецъ, любившій до безумія объѣзжать дикихъ табунныхъ лошадей, былъ сброшенъ одной изъ нихъ и получилъ серьезныя пораненія головы и поврежденіе спинного хребта. Я не разспрашивала Михако, какъ это могло случиться; всѣ мои мысли были направлены теперь къ одному: возможно скорѣе добраться до дому,

увидѣть папу, испросить у него прощенія,—да, именно, прощенія въ томъ, что я уѣхала въ аулъ, не объяснившись съ нимъ, не постаравшись даже разсѣять его недовольство мною. Теперь я уже винила себя во всемъ: и въ нечаянномъ знакомствѣ съ Керимомъ, и въ его появленіи на нашемъ балу, и въ случаѣ съ отцомъ. Голосъ взбудораженной совѣсти назойливо и ясно говорилъ мнѣ это. Я страдала, ужасно страдала. Мнѣ казалось, самъ Богъ наказываетъ меня болѣзнью папы за мою дикость, злобу, лѣнь и дурной характеръ. И тутъ-же давала себѣ тысячу обѣщаній исправиться, только-бы... только-бы отецъ выздоровѣлъ поскорѣе. Я обратилась въ ребенка, въ жалкаго маленькаго ребенка въ моемъ безысходномъ отчаяніи. Что это была за мука! Что за мука! Я никогда не забуду ея!

Въ такомъ состояніи доѣхали мы до Гори. Былъ вечеръ... Солнце заходило. Алое море заката купало окрестности въ своемъ нѣжномъ пурпурѣ. Усталая, измученная трехдневнымъ путемъ, я еле удержалась на ногахъ, когда при помощи Михако сошла съ лошади. Но я, однако, нашла въ себѣ достаточно силы, чтобы чуть не бѣгомъ пуститься къ крыльцу по чинаровой аллеѣ. Странная тишина въ саду и въ домѣ поразила меня. Работницы не пѣли въ виноградникѣ, подвязывая сучья, голосъ Сандро не слышался изъ конюшни, пѣсня Маро, обладающей чудеснымъ голосомъ, не звенѣла, какъ это было часто, въ свѣжемъ вечернемъ воздухѣ.

Тяжелое предчувствіе чего-то ужаснаго, свершившагося, неизбѣжнаго разомъ ударило мнѣ въ голову. Мое сердце трепетало, кровь съ шумомъ ударяла въ виски. Голова наполнилась гулкимъ, мучительнымъ звономъ. Навстрѣчу мнѣ мелькнуло полосатое, хорошо знакомое платье и бѣлый передникъ.

— Батоно-князь... батоно... бѣдная княжна!

И Маро, закрывъ лицо руками, залилась горькими, неудержимыми слезами.

Я отшатнулась отъ нея и бросилась впередъ къ дому.

На террасѣ я почти лицомъ къ лицу столкнулась съ Людой. До этой встрѣчи я могла еще надѣяться и ждать, но сейчасъ, сію минуту, при видѣ разомъ осунувшейся и постарѣвшей Люды, при видѣ ея изможденнаго нравственной мукой лица, этихъ, обычно гладкихъ, тщательно причесанныхъ, а теперь безпорядочно закрученныхъ волосъ, этихъ глазъ, вспухшихъ отъ слезъ и безсонницы, я поняла все.

— Онъ боленъ?.. Онъ боленъ?.. Онъ безнадеженъ, Люда?..—вскричала я не своимъ голосомъ, тряся ее изо всѣхъ силъ за ея худенькія, какъ у дѣвочки, плечи.

— Бѣдная Нина! Бѣдная Нина!—прошептала она чуть слышно и закрыла лицо руками.

„Къ нему! Скорѣе къ нему!—мысленнымъ крикомъ подбодрила я себя,—ухаживать за нимъ, облегчать его страданія, о Боже! Боже! Будь милостивъ къ злой, гадкой дѣвочкѣ! Будь милостивъ, великій Господь!“

И я со всѣхъ ногъ кинулась съ террасы въ комнаты. Въ одну секунду миновала столовую съ ея круглымъ столомъ, гостиную, гдѣ еще такъ недавно гремѣла музыка и кружились пары, и только у двери папиной спальни я замедлила на минуту, стараясь рукой утишить біеніе сердца и подавить все нарастающее и нарастающее съ каждой минутой волненіе. Потомъ тихонько, чуть слышно, пріоткрыла дверь и вошла.

Папа лежалъ противъ входа на своей широкой и низкой, какъ тахта, постели (онъ не признавалъ иного ложа съ тѣхъ поръ, какъ я помню его), съ закрытыми глазами, со сложенными на груди руками. Онъ, очевидно, спалъ.

„Слава Богу! — мысленно произнесла я, — сонъ подкрѣпитъ его... Больнымъ необходимо спать какъ можно больше“.

Но какъ онъ измѣнился, какъ измѣнился бѣдный отецъ! Это осунувшееся до неузнаваемости лицо, эти запекшіяся, посинѣвшія губы, этотъ восковой лобъ, эти спутанныя въ безпорядкѣ сѣдыя кудри — я едва узнавала ихъ.

Острая, мучительно-колючая, какъ игла, жалость вонзилась мнѣ въ сердце, наполняя собою всѣ его малѣйшіе уголки. Едва удерживая глухой стонъ непосильной муки раскаянія, я склонилась надъ неподвижно лежащимъ отцомъ, тихо шепча:

— Милый папа! Дорогой мой! Бѣдный! Ненаглядный! Я люблю тебя... Я люблю тебя безконечно, дорогой

отецъ! Даю тебѣ слово, честное слово, сдѣлать все возможное, исправиться, чтобы быть похожей на остальныхъ дѣвушекъ. Ты увидишь мои усилія, мои старанія, папа! Ты поймешь меня! Ради тебя, ради моей любви къ тебѣ, я постараюсь обуздать свою дикость, я пойду наперекоръ природѣ, создавшей меня горянкой. Я обѣщаю тебѣ это. Я обѣщаю тебѣ это, отецъ!

И осторожно, безъ малѣйшаго шума я склонилась надъ нимъ, чтобы запечатлѣть мои слова поцѣлуемъ, склонилась къ его губамъ, — синимъ и запекшимся отъ страданій, ужасныхъ физическихъ страданій, которыя долженъ былъ испытывать онъ, — склонилась къ этимъ самымъ губамъ, коснулась ихъ своими, и вдругъ дикій, нечеловѣческій вопль, вопль испуга и отчаянія вырвался изъ моей груди. Губы моего отца были холодны какъ ледъ.

Въ ту-же минуту чья-то нѣжная рука обвила мои плечи.

— Не тревожь его, бѣдная Нина,—прозвучалъ надъ моей головой голосъ Люды,—нашъ бѣдный отецъ скончался вчера.

Все закружилось въ моихъ глазахъ, все перепуталось. Черное, какъ сажа, непроницаемое облако вдругъ подплыло ко мнѣ въ упоръ, вплотную; холодъ, исходившій изъ устъ моего отца, разлился теперь по всѣмъ моимъ жиламъ.

Я дико вскрикнула и упала безъ чувствъ на руки Люды.

ГЛАВА XI.

На новую жизнь.—Догадка.

КОЛЯСКА, пріятно покачиваясь, какъ люлька, на своихъ мягкихъ рессорахъ, быстро катилась по хорошо вымощенному тракту-шоссе. Часъ тому назадъ мы вышли изъ вагона въ Тифлисѣ и теперь почти у цѣли. Мой спутникъ вынулъ папиросу и закурилъ. Потомъ, разсѣянно окинувъ взоромъ окрестности, уронилъ небрежно:

— Взгляните, что за ночь, княжна!

Дѣйствительно, эта ночь великолѣпна! Луна обливаетъ ласковымъ свѣтомъ горы, величавыя и гордыя, прекрасныя и таинственныя въ ихъ грандіозномъ величіи. Вблизи слышится шумъ Куры, похожій на стонъневидимаго чудовища. Кура то появляется, то пропадаетъ, вся облитая серебрянымъ сіяніемъ, вся пѣнистая, сказочная и сѣдая, какъ страшная волшебница кавказскихъ сказаній. Военно-грузинская дорога осталась позади. Мы свернули въ сторону и черезъ полчаса будемъ на мѣстѣ,— на новомъ мѣстѣ, среди новыхъ людей, къ которымъ заблагоразсудило, такъ неожиданно, забросить меня прихотливой капризницѣ-судьбѣ.

Доуровъ, сидя о-бокъ со мною въ коляскѣ, небрежно откинувшись головою на мягкія эластичныя подушки, смотритъ на мѣсяцъ и куритъ. Въ началѣ пути, всю до-

рогу отъ Гори до Тифлиса, длившуюся около двухъ часовъ, онъ, какъ любезный кавалеръ, старался занять меня: высказывалъ сочувствіе къ моей незамѣнимой утратѣ, всячески соболѣзновалъ мнѣ и угощалъ конфетами, купленными на вокзалѣ.

Но я не ѣла конфетъ, отвѣчала односложно на всѣ его вопросы и такъ недоброжелательно поглядывала на него изъ-подъ крепа траурной шляпы, что самоувѣренному адъютанту скоро пришлось спрятать въ карманъ всю свою самоувѣренность и замолкнуть.

А я, обрадованная его внезапнымъ молчаніемъ, стала смотрѣть на облитыя фантастическимъ сіяніемъ мѣсяца горы, прислушиваться къ грозному ропоту Куры и думать... думать безъ конца мою безпросвѣтную думу.

Съ тѣхъ поръ, какъ я упала безъ чувствъ у постели покойнаго отца, прошло около мѣсяца. Что это былъ за мѣсяцъ! Что это было за ужасное, мучительное время! Его хоронили черезъ два дня послѣ моего возвращенія изъ аула. Я не плакала, я не пролила ни одной слезы, когда офицеры-казаки изъ бригады отца вынесли изъ дома большой глазетовый гробъ и отнесли его на рукахъ, подъ звуки похороннаго марша, на горійское кладбище. Я не видѣла ни войскъ, разставленныхъ шпалерами отъ нашего дома до кладбища, ни блестящей толпы нашихъ горійскихъ и тифлисскихъ знакомыхъ. Не слышала возгласовъ сочувствія и участія, обильно расточаемыхъ мнѣ сердобольными друзьями. Я словно застыла. Какъ во снѣ

мелькало предо мною хорошенькое, залитое слезами, личико княгини Тамары, искренно оплакивающей всей душой своего дядю, и блѣдное, какъ мѣлъ, лицо Андро съ нахмуренными бровями и подергивающимися губами, и измученные горемъ большіе, кроткіе глаза Люды.

— Бѣдная Нина! Бѣдная сирота! — слышалось отовсюду.

Но я точно не понимала рокового смысла всѣхъ этихъ словъ. Я не сознавала даже всего ужаса моей потери. Я просто не чувствовала ничего. Я какъ-бы не существовала.

И когда, по окончаніи похороннаго обряда, блистающій своимъ парадным адъютантскимъ мундиромъ Доуровъ подошелъ ко мнѣ, предлагая мнѣ отвести меня домой, я дико взглянула сначала на него, потомъ на засыпанную землею и сплошь покрытую вѣнками могилу и сказала глухо:

— Зачѣмъ домой? Я хочу остаться здѣсь съ папой.

И я осталась.

Не одна, а съ Людой. Пѣли соловьи, благоухали розы умершія розы въ душистыхъ вѣнкахъ, сплошнымъ ковромъ покрывшія могильный холмикъ, а мы сидѣли съ ней вдвоемъ среди мертвой пустыни горійскаго кладбища, безъ словъ, безъ мыслей, тѣсно прижавшись другъ къ другу, думая неотступно о томъ, кто лежалъ теперь подъ бѣлымъ крестомъ и черною землею, подъ этими безчисленными вѣн-

ками подъ развѣсистой чинарой, стоявшей бдительнымъ стражемъ въ его изголовьѣ.

Потомъ, когда стемнѣло, и бѣлые кресты призраками забѣлѣлись во мракѣ, Люда взяла меня за руку.

— Пойдемъ, Нина!—произнесла она твердо и повела меня съ кладбища.

Машинально повинуясь, я позволила моей названной сестрѣ привести меня домой, раздѣть и уложить въ постель.

Люда сѣла въ ногахъ моей кровати и тутъ только впервые заговорила объ отцѣ. И каждое слово ея еще болѣе травило мою и безъ того раскрытую рану.

— Онъ любилъ тебя, Нина,—говорила Люда, — онъ всей душой любилъ тебя и думалъ о тебѣ всегда, ежеминутно. Когда ты уѣхала въ аулъ, онъ страдалъ мыслью, что ты ему солгала. А когда случилось это несчастье и его полуживого принесли домой пастухи, онъ не переставалъ говорить и думать о тебѣ, даже въ бреду, даже въ забытьѣ. Онъ благословлялъ тебя, онъ прощалъ тебѣ, онъ раскаивался... Пойми только—раскаивался, Нина, въ томъ, что отпустилъ тебя, не выяснивъ этого ужаснаго недоразумѣнія, происшедшаго между вами, онъ, этотъ святой!

— О! Люда, молчи! Молчи, во имя Бога! Ты рвешь мнѣ сердце!

Я не могла плакать, не могла плакать и теперь, когда что-то тяжелымъ камнемъ надавило мнѣ грудь, когда

слова Люды заставляли мое сердце обливаться кровью, когда...

Потомъ... что было потомъ? Я узнала, что я богата, очень богата. Узнала, что все состояніе моего отца перешло ко мнѣ, что даже часть, предназначенная Людѣ, отъ которой тутъ же отреклась моя названная сестра, стала моею.

Все это было ничѣмъ въ сравненіи съ тѣмъ ужаснымъ извѣстіемъ, которое ошеломило и поразило меня своей неожиданностью. У меня, оказывалось, была опекунша-бабушка, жившая гдѣ-то въ горахъ, въ часовой ѣздѣ отъ Тифлиса, и къ этой бабушкѣ я должна была переѣхать на жительство вплоть до моего совершеннолѣтія. Напрасно я молила Люду оставить меня у себя... Она ничего не могла сдѣлать. Законъ повелѣвалъ мнѣ быть на попеченіи того, кому завѣщалъ меня мой названный отецъ. Къ тому-же Люда, тотчасъ-же по его смерти, переходила въ домъ княгини Тамары—воспитывать ея малолѣтнихъ дѣтей.

Честная, милая, благородная Люда! Она не признавала возможнымъ пользоваться ни одной копѣйкой изъ того, что, говорила она, принадлежитъ мнѣ по праву, и рѣшила, какъ и въ дни молодости, трудомъ зарабатывать свой хлѣбъ.

Старый домъ въ Гори продавали. Слуги распускались. Насиженное вѣками гнѣздо Джаваховскаго дома разорялось и переходило въ руки другихъ. Люда не

могла даже проводить меня къ бабушкѣ. Она лежала больная вслѣдствіе пережитыхъ роковыхъ событій. Доставить меня къ чужой, незнакомой мнѣ княгинѣ Джавахѣ, въ виду болѣзни Люды, взялся Доуровъ.

Я такъ погрузилась въ мои печальныя мысли, что и не замѣтила даже, какъ коляска стала подвигаться все тише и тише, очевидно, поднимаясь по крутому склону. Ночь спустилась ниже. Мѣсяцъ зашелъ за облака, и картина природы стала оттого мрачнѣе и таинственнѣе.

Доуровъ, молча курившій до этого времени, неожиданно придвинулся ко мнѣ.

Я видѣла, какъ блеснули во тьмѣ его черные выпуклые глаза, къ которымъ я питала непреодолимую ненависть, какъ и вообще къ этому странному, антипатичному человѣку.

— Вотъ и все такъ-то на свѣтѣ, княжна! — произнесъ онъ, загадочно усмѣхаясь тонкими губами. — Думали-ли вы о томъ, что случилось такъ неожиданно, такъ внезапно?

Я молчала.

Тогда онъ заговорилъ снова:

— Конечно, жаль князя, какъ хорошаго, справедливаго человѣка и отличнаго начальника, но... онъ пожилъ довольно; старики должны умирать ранѣе молодыхъ. Въ этомъ законъ природы.

— Молчите!—разомъ вспыхивая гнѣвомъ, произнесла я,—молчите, или я выпрыгну сейчасъ-же изъ коляски...

— Полно, княжна, полно, Нина Арсеньевна, успокойтесь!—произнесъ онъ мягко, кладя свою пухлую руку на мои разомъ захолодѣвшіе отъ волненія пальцы, — я не хотѣлъ огорчить васъ. Я слишкомъ уважаю и чту память князя Георгія, чтобы позволить себѣ... — Онъ оборвалъ свою рѣчь на минуту и закрылъ глаза рукою.

Когда онъ снова взглянулъ на меня, мнѣ показалось при свѣтѣ мѣсяца, что въ глазахъ его блеснули слезы. Но я не была расположена къ Доурову и потому мало вѣрила его искренности. А между тѣмъ онъ заговорилъ снова.

— Не знаю, за что вы меня такъ ненавидите, княжна?—поставилъ онъ вопросъ, не отрывая отъ меня своего непріятнаго взгляда.

— За то, что вы насмѣхались надо мною, за то, что преслѣдовали человѣка, котораго я не могу не уважать за храбрость, за то, что вы горды, напыщены и самонадѣяны до-нельзя. За все! За все! — хотѣлось мнѣ крикнуть ему въ лицо, но вмѣсто всего этого я проговорила чуть слышно:

— Вы... я... мы никогда не понимали другъ друга и никогда не поймемъ!

— Разумѣется, что касается поимки дерзкаго разбойника, я никогда не соглашусь съ вами и приложу всѣ мои старанія схватить Керима, — произнесъ онъ, и лицо его разомъ потеряло ласковое выраженіе и снова стало непріятнымъ и жестокимъ.

— Слушайте, Доуровъ, помолчимъ объ этомъ, — произнесла я съ мольбою въ голосѣ.—Папа умеръ. Мнѣ тяжело. Невыносимо. Ни ссориться, ни спорить съ вами я не могу и не желаю.

— Ссориться? Спорить? — произнесъ съ преувеличеннымъ удивленіемъ мой спутникъ,—но кто вамъ говоритъ о спорахъ и ссорахъ, милая княжна. Я слишкомъ люблю и уважаю васъ, чтобы... Помните, Нина Арсеньевна, что-бы ни случилось съ вами, у васъ есть другъ,—другъ, который будетъ защищать васъ, только позвольте ему это.

Онъ, Доуровъ, другъ?

Что-то фальшивое, что-то неискренное зазвучало теперь въ нотахъ голоса блестящаго адъютанта. Не знаю почему, но я его ненавидѣла болѣе, чѣмъ когда-либо, въ эту минуту.

„Что за странность?—вихремъ проносилось въ моей головѣ, — еще такъ недавно онъ такъ зло подшутилъ надо мною на балу, въ Гори, а теперь вдругъ эти увѣренія въ дружбѣ и уваженіи, эти слезы на глазахъ, этотъ дрожащій голосъ? Что это значитъ?“

И вдругъ ясная, какъ день, догадка мелькнула въ моемъ умѣ:

„Я стала богата. Я самая богатая невѣста въ Гори въ самомъ недалекомъ будущемъ... И онъ... онъ...“

Точно ужаленная, съ глазами, полными ужаса, отскочила я въ самый отдаленный уголъ коляски.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Никогда! Никогда! — вслухъ проговорила я въ забывчивости.

— Что никогда?—произнесъ подлѣ меня ненавистный голосъ и два глаза остро блеснули подлѣ меня въ темнотѣ.

Онъ, казалось, прочелъ мои мысли, понялъ мой прерывающійся дѣтскій лепетъ и, весь выпрямившись, какъ подъ ударами хлыста, произнесъ снова, сопровождая свои слова тонкой, загадочной усмѣшкой:

— Нѣтъ ничего невозможнаго въ мірѣ, запомните это хорошенько, милая княжна.

Я бы наговорила ему кучу дерзостей, я бы закричала на него въ голосъ, со свойственной мнѣ дикой невоздержностью, если-бы коляска не завернула въ эту минуту за высокій утесъ и передъ моими изумленными глазами не выросли, какъ изъ-подъ земли, какія-то каменныя строенія въ видѣ старой грузинской усадьбы. За каменнымъ-же, въ ростъ человѣческій, заборомъ было темно и тихо, какъ въ могилѣ.

— Вотъ мы и пріѣхали, княжна Нина!—произнесъ Доуровъ, разомъ дѣлаясь спокойнымъ,—здѣсь домъ вашей бабушки. Не правда-ли, въ немъ есть что-то общее съ рыцарскимъ замкомъ? Однако, пріемъ, судя по наружному виду, не обѣщаетъ быть особенно гостепріимнымъ, могу вамъ только сказать.

Я ничего не отвѣчала, пуще всего боясь показаться не достаточно смѣлой въ глазахъ ненавистнаго адъю-

танта, но сердце мое екнуло при видѣ этихъ мрачныхъ, похожихъ на крѣпостное укрѣпленіе, стѣнъ.

„Какъ жаль, что папа назначилъ меня подъ опеку незнакомой и чужой мнѣ бабушки, его родной тетки, а не отдалъ въ руки милаго дѣдушки Магомета!“ — вихремъ пронеслось въ моихъ мысляхъ.

Нашъ пріѣздъ былъ, очевидно, замѣченъ въ усадьбѣ, потому что какъ разъ въ эту минуту во дворѣ появился неожиданный свѣтъ: кто-то шелъ съ ручнымъ фонаремъ къ воротамъ.

— Эй, кто тамъ! — крикнулъ Доуровъ. — Я привезъ княгинѣ Джавахѣ ея молоденькую внучку. Отворяйте скорѣе.

Загремѣли ключи, завизжалъ жалобнымъ звукомъ ржавый засовъ на двери и ворота распахнулись. Дряблый, сгорбленный старикъ предсталъ передъ нами.

Это былъ настоящій типъ стараго грузина. Длинный, книзу загнутый носъ, черные глаза, уже выцвѣченные временемъ, шапка сѣдыхъ волосъ подъ натянутой на нихъ по самую переносицу папахой и рваный, затасканный костюмъ, состоящій изъ ветхаго бешмета и не менѣе его ветхой чохи, вотъ и весь портретъ стараго Николая, слуги моей бабушки.

— Будь здорова, княжна, въ нашемъ домѣ. Госпожа ждетъ княжну. Съ утра ждетъ. Отчего съ утра не пріѣхала? — поднявъ фонарь въ уровень съ моимъ лицомъ и стараясь разглядѣть меня своими

подслѣповатыми глазами, произнесъ, шамкая губами, старикъ.

— Ну-ну, ганацвале [1]), помолчи немного,—прервалъ его рѣчь Доуровъ,—княжна устала съ дороги и нуждается въ отдыхѣ. Спитъ твоя госпожа—княгиня?

— Ара [2]), батоно, ара!—затрясъ головою старикъ.—Не спитъ, какъ можно, а только зачѣмъ такъ поздно пріѣхала княжна? Зачѣмъ привезъ такъ поздно княжну, батоно?—обратился онъ къ Доурову и, не дождавшись его отвѣта, скоро-скоро заговорилъ:—Нельзя ночью здѣсь ѣхать... Утромъ надо... Когда солнышко свѣтитъ, тогда ѣхать... А то не хорошо здѣсь... Народъ невѣрный бродитъ... Байгуши... душманы. Госпожа приказала старому Николаю ворота запирать на замокъ крѣпко, крѣпко...

— Ну, ладно, ладно, старикъ!—прервалъ его словоохотливыя рѣчи Доуровъ,—веди барышню къ твоей княгинѣ, а мнѣ пора въ Тифлисъ. А то на поѣздъ опоздаю.

— Какъ? развѣ вы уже уѣзжаете?—помимо воли сорвалось съ моихъ устъ.

Какъ ни ненавидѣла я Доурова, какъ ни презирала его въ душѣ, а все-таки онъ являлся теперь послѣднею связью моей съ нашимъ домомъ, съ роднымъ Гори, съ дорогими близкими, въ лицѣ Люды и князя Андро, которыхъ я горячо любила. Послѣдняя связь съ прош-

---

[1]) Милый мой.
[2]) Нѣтъ.

лымъ исчезла и предо мною оставались эти чернѣющія во мракѣ стѣны и невѣдомые люди въ этихъ стѣнахъ.

Какъ ни странно, но впервые въ жизни я пожалѣла лишиться общества Доурова.

Но блестящій адъютантъ, казалось, не понялъ этого движенія моей души и истолковалъ его въ свою пользу. По крайней мѣрѣ, по лицу его промелькнула самодовольная, сіяющая улыбка и онъ произнесъ особенно ласковымъ голосомъ:

— Я радъ, княжна Нина, что вы наконецъ оцѣнили меня. О, мы будемъ друзьями! Въ этомъ я теперь не сомнѣваюсь. Какъ только улучу свободную минутку, тотчасъ-же нанесу визитъ вашей бабушкѣ. А пока до свиданія, княжна, — подчеркнулъ онъ значительно и, пожавъ мою руку, сѣлъ въ коляску, бросивъ какую-то монету старому Николаю.

— Дай тебѣ Богъ счастья, щедрый батоно! — залепеталъ, захлебываясь отъ радости, старикъ.—Червонецъ далъ, цѣлый червонецъ, подумай, княжна, не абазъ какой-нибудь, а червонецъ! — шепталъ онъ, обращаясь ко мнѣ и прижимая къ груди, какъ сокровище, полученную монету.

Все лицо его сморщилось отъ счастливой гримасы, глаза разгорѣлись, какъ уголья, хищными, жадными огоньками.

„Скряга!“ — мелькнуло въ моей головѣ и, чтобы подавить въ себѣ разомъ наросшее непріятное настроеніе, я холодно проговорила, обращаясь къ старику:

— Ведите меня къ княгинѣ. Можно видѣть ее?

— Можно, можно, сіятельная госпожа, все можно,— залепеталъ и засуетился онъ снова.

Потомъ высоко поднялъ фонарь и, освѣщая мнѣ путь, быстрой, семенящей, старческой походкой двинулся отъ воротъ, закрывъ ихъ предварительно и дважды повернувъ ключъ въ ржавомъ замкѣ.

Теперь мы шли по большому сумрачному двору, застроенному полуразвалившимися постройками сараевъ, погребовъ и конюшенъ. Когда-то, очень давно должно быть, онъ процвѣталъ, этотъ дворъ, вмѣстѣ съ замкомъ моей бабушки, но теперь явная печать запустѣнія лежала на всемъ. Чѣмъ-то могильнымъ, нежилымъ и угрюмымъ вѣяло отъ этихъ сырыхъ, заплѣсневѣвшихъ стѣнъ, отъ мрачнаго главнаго зданія, смотрѣвшаго на меня единственнымъ, какъ у циклопа, глазомъ, или, вѣрнѣе, единственнымъ огонькомъ, мелькавшимъ въ крайнемъ окнѣ.

— Тамъ княгиня!—произнесъ старикъ и ткнулъ, по направленію освѣщеннаго окна, сухимъ, чернымъ пальцемъ.

Наконецъ, мы подошли къ дому. Это было большое одноэтажное зданіе съ мезониномъ, пристроеннымъ на плоской кровлѣ съ высокою башней, какъ-то нелѣпо торчащей у самой стѣны, примыкающей къ горамъ... И днемъ здѣсь должно было быть темно и мрачно, въ этомъ, оцѣпленномъ со всѣхъ сторонъ горами, камен-

номъ гнѣздѣ, а ночью оно производило удручающее, почти страшное впечатлѣніе.

И въ этомъ домѣ я должна была поселиться съ моей душой, жадной до впечатлѣній, съ моей любовью къ горамъ и свободѣ!

Хорошо еще, что я уступила просьбамъ Люды и передала на время моего Алмаза князю Андро, который обѣщалъ мнѣ заботиться о немъ, а то гдѣ-бы я помѣстила мою любимую лошадку, моего четвероногаго друга! Не въ полуразрушенной-же конюшнѣ бабушкинаго замка, съ обвалившейся кровлей, долженъ былъ стоять мой красавецъ Алмазъ! О, это было-бы слишкомъ!

Съ мрачными мыслями и угнетеннымъ сердцемъ дошла я до жилого помѣщенія, предшествуемая старымъ Николаемъ.

Онъ толкнулъ какую-то тяжелую дверь, и мы очутились въ сѣняхъ, сырыхъ и заплѣсневѣвшихъ.

— Сюда! Сюда пожалуйте! Здѣсь моя княгиня,— произнесъ, неожиданно хватая меня за руку, старикъ.

Это было какъ разъ во-время, потому что, не отклонись я въ сторону, мнѣ пришлось-бы въ кровь разбиться о выступившій уголъ сырой балки.

Потомъ мой спутникъ ощупалъ другую дверь въ темнотѣ, такъ какъ фонарь его потухъ отъ недостатка масла, и я зажмурилась отъ свѣта, блеснувшаго мнѣ въ глаза.

ГЛАВА XII.

Обитатели каменнаго гнѣзда и первая ссора.

ВѢРОЯТНО комната, въ которую старикъ ввелъ меня, служила столовой и гостиной вмѣстѣ, потому что посреди нея стоялъ столъ съ болѣе чѣмъ скуднымъ ужиномъ, а по стѣнамъ мягкія тахты, какъ и въ нашемъ горійскомъ домѣ, но гораздо менѣе красивыя и гораздо болѣе ветхія, нежели у насъ. Единственная свѣча-огарокъ, воткнутая въ старинный шандалъ, освѣщала эту большую, весьма неуютную комнату. Но ни комната, ни свѣча, ни ужинъ не привлекли моего вниманія, а нѣчто иное.

Прямо на встрѣчу ко мнѣ шла огромная, широкоплечая, смуглая женщина со страннымъ, какъ-бы пустымъ взглядомъ, съ черными, растрепанными косами, спускающимися почти до пятъ. На ней былъ красный бешметъ, а на головѣ кокетливая тасакрава [1]). И странно было видѣть эту крошечную шапочку на большой, словно раздутой, головѣ великанши. Но еще страннѣе былъ взглядъ ея черныхъ глазъ, пустыхъ и глубокихъ, не подернутыхъ ни тѣнью выраженія.

— Мммъ! — мычала странная фигура, приближаясь ко мнѣ и тяжело шлепая огромными ногами, обутыми въ войлочныя чевяки.

---

[1]) Грузинская шапочка.

И глаза ея, пустые, странные и непроницаемые, смотрѣли мнѣ прямо въ душу тѣмъ страшнымъ, ничего не выражающимъ взглядомъ, какимъ смотрятъ безумные.

Первымъ моимъ движеніемъ было отклониться въ сторону и вернуться къ двери. Но въ то время, какъ я намѣревалась уже привести мое желаніе въ исполненіе, сухой старческій смѣхъ заставилъ меня остановиться.

— Не храбра-же ты, внучка, если испугалась моей бѣдной великанши! Стыдись!

Я быстро оглянулась. У горящаго очага сидѣла старая дама въ черномъ платьѣ, съ чернымъ же мечакомъ [1]), наброшеннымъ на сѣдые, бѣлые, какъ снѣгъ, волосы. Я увидѣла худое, морщинистое, необычайно величественное лицо, орлиный крючковатый носъ и проницательные, живые, совсѣмъ не по лѣтамъ живые, черные глаза.

Это и была моя нареченная бабушка, княгиня Анна Борисовна Джаваха. Она дала мнѣ знакъ приблизиться къ себѣ и, когда я исполнила ея желаніе, положила мнѣ руку на плечо и проговорила своимъ сухимъ, гортаннымъ голосомъ:

— Нечего бояться тебѣ моей Маріамъ. Она тиха и безвредна, какъ ребенокъ,—гораздо болѣе безвредна, нежели всѣ остальные, потому что вредъ, причиняемый людьми, заключается въ языкѣ ихъ, а бѣдная Маріамъ нѣма отъ рожденія. — И потомъ, пристально взглянувъ

[1]) Покрывало.

Прямо навстрѣчу мнѣ шла огромная, широкоплечая, сму

мнѣ въ лицо, бабушка продолжала: — И такъ, съ тобой случилось несчастье, и ты вспомнила о старой княгинѣ Джавахѣ, которая можетъ пріютить тебя въ своемъ гнѣздѣ. Навѣрное-бы ты не вспомнила о ней въ дни благополучія, а теперь, когда тебя бросаетъ, какъ ласточку, бурей по грозному житейскому морю, ты рѣшила пристать къ тихой пристани. Такъ?

— Нѣтъ, не такъ! — произнесла я твердо, глубоко возмущенная рѣчью старой княгини. — Я пріѣхала къ вамъ вовсе не потому, что мнѣ некуда дѣться — любой изъ моихъ дѣдушекъ-лезгинъ охотно принялъ-бы меня къ себѣ, но... но мой названный отецъ пожелалъ сдѣлать васъ моей опекуншей, пожелалъ, чтобы вы занялись дѣломъ моего воспитанія, и я поневолѣ подчинилась ему, пріѣхавъ сюда.

— Поневолѣ?—нахмурила брови бабушка.

— Да, поневолѣ! — твердо, выдерживая ея взглядъ, проговорила я,—конечно, поневолѣ, потому что, если-бы спросили моего желанія, я бы выбрала своимъ пребываніемъ аулъ Бестуди. Да!

Какая-то злость разомъ вселилась въ меня и я уже не владѣла собой.

— Вотъ какъ!—произнесла княгиня, и брови ея нахмурились еще грознѣе прежняго.—Ты смѣла, дѣвочка, но смѣлость не всегда бываетъ умѣстна... Говорю тебѣ: я не люблю, когда дѣти разсуждаютъ слишкомъ много. У меня не смѣетъ разсуждать по крайней мѣрѣ никто.

Князь Георгій недаромъ вспомнилъ обо мнѣ. Онъ зналъ, что только мнѣ, послѣдней представительницѣ славнаго вымирающаго рода, онъ можетъ поручить свое пріемное дитя. Къ сожалѣнію, онъ вспомнилъ объ этомъ слишкомъ поздно. Корни нездороваго воспитанія уже глубоко зарылись въ тебя. И работа предстоитъ мнѣ не малая... Князя Георгія обошли эти татары-попрошайки изъ рода Хаджи-Магомета...

— Прошу не говорить этого! — окончательно теряя всякое самообладаніе, въ бѣшенствѣ вскричала я.—Моя мать, тетя Марія и дѣдушка Магометъ не были попрошайками, какъ вы говорите! Не были! Не смѣйте-же говорить мнѣ это, бабушка! Да! Да!

— Что?—тихо и спокойно спросила княгиня и вдругъ неожиданно вытянулась предо мною во весь свой стройный ростъ. — Молчать! — слѣдомъ за этимъ произнесла она вѣско и внушительно.—Я тебѣ приказываю молчать.

Несмотря на разомъ заговорившую въ моемъ сердцѣ непріязнь къ бабушкѣ, я не могла не подивиться той печати величія и гордости, которая лежала на всей ея фигурѣ.

— Слушай, дѣвочка,—произнесла она,—я не люблю непослушанія и противорѣчій. Ни того, ни другого не было до сихъ поръ въ моемъ маленькомъ царствѣ. Миръ и тишина царили въ немъ до сей поры, и если ты попробуешь ихъ нарушить, то я накажу тебя и отобью всякую охоту быть непокорной въ отношеніи меня —

твоей бабушки, княгини Джаваха. А теперь поѣшь, если ты голодна, и ступай спать. Дѣти должны ложиться рано.

Дѣти? Не думаетъ-ли бабушка, что я считаю себя ребенкомъ въ мои пятнадцать лѣтъ?

Однако, противорѣчить ей я не стала и, наскоро проглотивъ кусокъ холодной баранины, оставившій непріятный вкусъ застывшаго сала во рту, я подошла пожелать покойной ночи княгинѣ. Она холодно кивнула мнѣ головою и сдѣлала какой-то знакъ великаншѣ. Маріамъ (ужасно странно было называть эту огромную фигуру поэтичнымъ именемъ Маріамъ) схватила своей огромной лапищей бронзовый шандалъ съ воткнутымъ въ него огаркомъ сальной свѣчи и, сдѣлавъ мнѣ знакъ слѣдовать за собою, пошла впередъ, тяжело шлепая своими войлочными чевяками.

Мы прошли рядъ холодныхъ, неуютныхъ комнатъ, почти лишенныхъ мебели, и вступили, наконецъ, въ темный маленькій проходецъ, заставленный всякаго рода ящиками и сундуками. Наконецъ, моя спутница толкнула какую-то дверь, и я очутилась въ маленькой комнаткѣ съ большимъ окномъ, выходящимъ въ сторону горъ.

Я увидѣла ихъ, эти милыя горы, облитыя теперь мягкимъ сіяніемъ мѣсяца,—горы, куда улетала моя восторженная мысль, горы, гдѣ дышалось такъ легко и свободно!

Комната была обставлена очень скромно, почти бѣдно.

Узенькая деревянная постель съ тощимъ тюфякомъ, ночной столикъ у кровати, небольшой шкапъ для платья и глиняный рукомойникъ,—вотъ все, что въ ней находилось.

— Мнѣ мало этого шкапа для тѣхъ вещей, которыя придутъ сюда изъ Гори,—проговорила я, обращаясь къ Маріамъ, совершенно забывая, что она глухонѣмая и, слѣдовательно, ничего не услышитъ изъ того, что я ей скажу.

Великанша только широко раскрыла ротъ и разсмѣялась тѣми ужасными мычащими звуками, которые похожи на крикъ дикихъ животныхъ.

Я досадливо махнула рукой, давая этимъ понять, что не нуждаюсь въ услугахъ странной служанки, но вмѣсто того, чтобы уйти, Маріамъ преспокойно усѣлась на полу, скрестивъ по-турецки ноги, мыча на всю комнату и дѣлая странные жесты руками. Ея пустые, безсмысленные глаза смотрѣли на меня тупымъ, мертвымъ взглядомъ. Отъ этого неживого взгляда мнѣ дѣлалось тяжело и холодно на душѣ.

— Уйди!—закричала я идіоткѣ, указывая на дверь рукою и, потерявъ всякое терпѣніе, затопала ногами.

Она опять улыбнулась странной, безсмысленной улыбкой и, не переставая уже улыбаться, медленно подошла ко мнѣ, усадила меня на постель и схватила обѣ мои ноги своими сильными руками. Я думала, что она намѣрена сломать мои ступни, съ такимъ ужаснымъ видомъ

держала она ихъ въ своихъ рукахъ, но тутъ-же успокоилась въ моихъ предположеніяхъ. Великанша хотѣла только разуть меня.

Сопротивляться было немыслимо. Огромная идіотка была вдесятеро сильнѣе меня и притомъ, когда я начала оказывать сопротивленіе, она подняла такой вой, что я поневолѣ заткнула уши и позволила ей разстегнуть мое платье, раздѣть и уложить меня въ постель.

Я смутно догадывалась, въ чемъ дѣло.

Несчастное созданье, лишенное разума и въ то же время беззавѣтно преданное своей госпожѣ, получивъ приказаніе уложить меня въ постель, буквально исполнила возложенное на нее порученіе.

Потомъ, когда, наконецъ, ея миссія была выполнена ею сполна, Маріамъ улыбнулась мнѣ своей безсмысленной улыбкой и, издавъ далеко уже не прежнее дикое, отчаянное завываніе, а болѣе тихое и непродолжительное, вышла изъ моей комнаты, заперевъ дверь за собою на задвижку.

„Что это такое? Куда я попала? Почему меня думаютъ держать здѣсь какъ ребенка, да еще вдобавокъ какъ плѣнницу?“ — вихремъ пронеслось въ моихъ мысляхъ, и сердце мое усиленно забилось.

Все здѣсь стало для меня разомъ гадкимъ и непріятнымъ: и убогая обстановка замка, и суровая, деспотичная бабушка, и великанша-служанка, и это пустынное горное гнѣздо, куда, казалось, не залеталъ ни одинъ

звукъ человѣческой рѣчи, куда не попадало ни одно живое существо.

Мнѣ стало жутко, тяжело и мучительно-тоскливо. Жизнь здѣсь, въ кругу этихъ странныхъ, несимпатичныхъ людей, казалась мнѣ немыслимой, невозможной.

„Надо во что-бы то ни стало дать знать въ Мцхетъ, князю Андро или въ Гори, Людѣ, чтобы они взяли меня отсюда,—съ быстротою молніи промелькнуло въ моей головѣ, — вѣдь папа не зналъ, должно быть, той жизни, которую вела его тетка, иначе ни за что не отдалъ-бы сюда къ бабушкѣ свою любимицу Нину, ни за что! Никогда!"

Дикое, уже знакомое мнѣ завываніе раздалось гдѣ-то надъ самой моей головою. Въ одну минуту я выскочила изъ постели и бросилась къ окну: примостившись на кровлѣ одной изъ пристроекъ, сидѣла великанша и выла въ голосъ, раскачиваясь изъ стороны въ сторону. Теперь на ней не было ея прежняго костюма грузинки; какая-то бѣлая простыня закрывала ея огромную фигуру, а распущенные волосы струились черным каскадомъ вдоль груди и спины.

Нѣмая выла однотонно и протяжно, грозя своими сильными кулаками кому-то вдаль, по направленію горъ.

Впослѣдствіи я узнала, что вѣрная служанка охраняла такимъ образомъ, находясь на стражѣ, замокъ своей госпожи, отъ горныхъ душмановъ, которыми кишѣли окрестныя горы, но пока я не добралась до истины, этотъ

ужасный вой помимо воли наполнялъ мою душу какимъ-то безотчетнымъ страхомъ.

Съ трудомъ забылась я съ первыми лучами солнца, твердо рѣшивъ на утро переговорить съ бабушкой и просить ее отправить меня въ Гори.

ГЛАВА XIII.

Бабушкины мемуары.—Безсильный гнѣвъ.—Наказаніе.

НАСТУПИЛО утро, а съ нимъ разсѣялось и то тревожное настроеніе, которое охватило меня ночью. Къ тому-же утромъ, при яркомъ блескѣ солнца, мрачный замокъ моей бабушки какъ-то разомъ потерялъ всю свою таинственность. Теперь онъ просто казался полуразрушенной грузинской усадьбой стараго типа, и дневное освѣщеніе сорвало съ него ту плѣнительно-жуткую маску чего-то необычайно-загадочнаго, которая и очаровывала, и пугала въ одно и то же время.

Стѣнные часы прохрипѣли гдѣ-то поблизости, за стѣною, восемь ударовъ. Въ ту-же минуту щелкнула задвижка моей двери, и великанша предстала предо мною со своей безсмысленной улыбкой и тихимъ мычаньемъ, означающимъ привѣтствіе. Въ ней не было и помину той странной, возбужденной бѣлой женщины, которая, раскачиваясь на кровлѣ полуразрушеннаго амбара, дикимъ мычаніемъ оглашала горы. Лицо ея было

спокойно и, казалось, ни одна черточка не жила въ немъ, въ этомъ землисто-сѣромъ, тускломъ лицѣ съ отвислыми губами и черными мертвыми глазами.

Я, на этотъ разъ, безъ всякаго сопротивленія позволила ей одѣть и причесать меня; потомъ, помолившись на востокъ (привычка, заимствованная мною отъ дѣдушки Магомета), пошла отыскивать бабушку.

Она сидѣла въ той-же комнатѣ, гдѣ я нашла ее вчера, и тщательно разсматривала какой-то рисунокъ на большомъ листѣ, разложенномъ передъ нею на столѣ.

— Вотъ, Нина, я нашла тебѣ работу, — произнесла бабушка своимъ сухимъ, суровымъ голосомъ.—Это дерево изображаетъ славный родъ князей Джаваха. Они ведутъ свое начало отъ грузинскаго царя Богдана IV, но это не доказано, къ сожалѣнію, на бумагѣ. Я же недавно нашла источникъ, изъ котораго можно почерпнуть эти доказательства. Это будетъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе для исторіи нашего рода. Надо порыться въ мемуарахъ одного изъ нашихъ предковъ и тогда... Выпей молока и присаживайся къ столу. Я дамъ тебѣ выписать имена по женской линіи на сегодняшнее утро.

Этого еще не доставало!

Мнѣ—рыться въ какихъ-то мемуарахъ! Мнѣ—Нинѣ бекъ-Израилъ, не имѣющей ничего общаго съ родомъ Джаваха?.. Разбираться во всемъ этомъ хаосѣ именъ и событій тогда, когда я не осмотрѣла какъ слѣдуетъ замка, не влѣзала еще на башню, не обѣгала построекъ

и не открыла ихъ назначенія! Но, зная по опыту, что открытое сопротивленіе не поведетъ ни къ чему, я подошла къ бабушкѣ и, насколько умѣла почтительно, попросила ее:

— Я охотно проработаю весь день, только... только позвольте мнѣ осмотрѣть замокъ.

Она окинула меня проницательнымъ взглядомъ, какъ-бы желая пронзить меня имъ насквозь и, очевидно, не заподозривъ никакой хитрости съ моей стороны, произнесла благосклонно:

— Можешь осмотрѣть замокъ. Но помни, что черезъ часъ я тебя жду. Торопись.

Черезъ часъ! Ура! Значитъ, цѣлый часъ оставался въ моемъ распоряженіи. Что только можно было сдѣлать въ продолженіе часа! И, не теряя ни минуты, я выскочила въ сѣни, оттуда на крыльцо, оттуда прямо побѣжала къ колодцу, изъ котораго черпалъ воду ведромъ старый Николай.

— Николай,— крикнула я,—добраго утра!

— Добраго утра!—отвѣчалъ онъ привѣтливо,—какъ поживаетъ на новомъ мѣстѣ княжна?

— Ахъ, ужасно! — вырвалось изъ моей груди,— ужасно у васъ тутъ, Николай! Маріамъ выла всю ночь до разсвѣта и не давала спать. Бабушка заставляетъ разбираться въ старыхъ бумагахъ и искать какого-то таинственнаго царскаго происхожденія рода Джаваха. Словомъ, ужасная у васъ здѣсь тоска.

— Княжна права,—произнесъ старикъ участливо,— не веселой щебетуньѣ-птичкѣ гнѣздиться въ этихъ старыхъ развалинахъ, а слѣпымъ кротамъ, не желающимъ видѣть солнечнаго свѣта. Еще теперь не такъ жутко, въ лѣтнее время, а вотъ осенью пойдутъ дожди, завоютъ голодныя чекалки... Засвиститъ вѣтеръ. У-у! Плохо, совсѣмъ плохо тогда будетъ у насъ...

Потомъ онъ помолчалъ съ минуту, разглядывая меня испытующимъ взоромъ слезящихся старческихъ глазъ, и, вдругъ приблизивъ свои губы къ самому моему уху, произнесъ таинственно:

— Да и теперь не все спокойно въ замкѣ, княжна.

— Ну?

Мое „ну“ было радостно и восторженно помимо воли. Если было не спокойно, значитъ было нѣчто таинственное, нѣчто необъяснимое, а все таинственное и необъяснимое казалось мнѣ верхомъ совершенства.

— Что такое? Что такое? Да говорите-же ради Бога, Николай!—тормошила я старика.

— Пусть не боится княжна!—произнесъ онъ успокаивающимъ тономъ, очевидно превратно истолковавъ охватившее меня радостное волненіе,—пусть не боится. Не горные душманы грозятъ замку. Нѣтъ. Если бродятъ они кругомъ да около, такъ дикое завываніе Маріамъ не подпуститъ ихъ близко къ замку. Нѣтъ, здѣсь другое. Совсѣмъ другое, княжна. Видишь ту башню, что на стѣнѣ?—неожиданно обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ.

Я взглянула въ указанномъ имъ направленіи.

— Да, вижу!—произнесла я, не отрывая глазъ отъ сѣрой башенки, рѣзко выдѣлявшейся на фонѣ голубого неба.

— Такъ тамъ, въ этой башнѣ, была комната покойной княгини Джаваха, сестры нашей госпожи,—началъ старикъ,—она жила въ Гори и умерла тамъ-же, въ домѣ своего сына, пораженная припадкомъ безумія.—Голосъ стараго Николая, по мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, дѣлался все глуше и глуше и наконецъ упалъ, понизился до шопота, когда онъ, почти вплотную приблизивъ губы къ моему уху, произнесъ: — Вчера ночью я видѣлъ въ окнѣ башни старую княгиню, да хранитъ Господь отъ этого призрака всякаго христіанина!

Я не боюсь ни разбойниковъ, ни грабителей. Я смѣло пойду туда, гдѣ мѣстность кишитъ ими, но передъ привидѣніями и мертвецами, передъ таинственными загробными жителями я испытываю неясный трепетъ. Это не страхъ, нѣтъ. Это просто сознаніе своего ничтожества въ сравненіи съ тѣми, кто отрѣшился отъ земной оболочки—и только. Потому слова стараго Николая произвели на меня не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Я невольно скосила глаза въ сторону башни; но тамъ все попрежнему было тихо и спокойно, только чернѣла амбразура окна, того самаго окна, въ которомъ Николай видѣлъ призракъ старой княгини.

И въ то-же время точно что подталкивало меня

бѣжать на башню, узнать, что тамъ, убѣдиться въ чемъ-то, что я даже не вполнѣ ясно сознавала.

Не раздумывая слишкомъ много объ этомъ вопросѣ, я наскоро попрощалась съ Николаемъ и со всѣхъ ногъ кинулась по направленію башни. Ужасная, скользкая, обросшая мхомъ лѣсенка, съ покосившимися каменными ступенями, вела къ ней. Въ одну минуту перешагнула я ступени и, очутившись на небольшой площадкѣ, взглянула внизъ черезъ зубчатый выступъ стѣны...

То, что я увидѣла внизу, заставило сильно забиться мое, и безъ того взволнованное, сердце. По узкой дорогѣ, между рядами утесовъ, по берегу кипящаго пѣной и усѣяннаго жемчужными брызгами Терека, ѣхала коляска въ сопровожденіи арбы, до верха нагруженной вещами, моими вещами, состоящими изъ сундуковъ, бауловъ и чемодановъ. Въ колескѣ сидѣла дама въ траурѣ, со спущеннымъ на лицо вуалемъ.

Я узнала-бы изъ тысячи эту тоненькую, не по лѣтамъ молодую фигурку, это измученное лицо, полускрытое прозрачной кисеею. Никогда еще я не любила такъ моей названной сестры, моей Люды, какъ въ эту минуту.

— Люда! Милая Люда! — вскричала я, — скорѣе, скорѣе! Мнѣ необходимо видѣть тебя. Люда! Люда!

Она сначала не поняла, откуда слышится зовъ. Потомъ откинула вуаль отъ лица, подняла голову, и взоры наши скрестились.

— Нина! Нина! — послышался ея милый, нѣжный голосокъ изъ коляски.

Бѣдная, дорогая Люда! Больная, измученная, слабая, она рѣшила пріѣхать навѣстить меня, посмотрѣть, какъ я устроилась у бабушки. Вѣроятно, предчувствіе шепнуло ей, какъ плохо ея Нинѣ въ эти минуты, и она, пренебрегая болѣзнью, поспѣшила сюда, въ горы, въ это мрачное, уединенное гнѣздо.

— Сейчасъ! Сейчасъ бѣгу къ тебѣ, Люда! — крикнула я въ голосъ и, кубаремъ скатившись съ лѣстницы, помчалась по двору, прямо къ воротамъ, во весь голосъ крича Николая, приказывая ему отодвинуть засовъ и впустить дорогую гостью.

Но каково-же было мое изумленіе, когда передо мной, словно изъ-подъ земли, выросла великанша Маріамъ и, широко разставивъ руки, преградила мнѣ дорогу.

— Пусти! Пусти меня къ сестрѣ, негодная! — кричала я возбужденно, отталкивая отъ себя нѣмую.

— Мммм! — мычала она, хватая меня за руки и продолжая преграждать мнѣ путь всей своей большой, тучной фигурой.

— Сію минуту оставь меня! — топала я ногами, бѣшено сверкая глазами и въ то-же время чутко прислушиваясь къ тому, что дѣлалось за воротами.

Я слышала, какъ остановилась коляска, какъ знакомый, дорогой голосъ Люды спросилъ:

— Можно видѣть княгиню?

И какъ старый Николай отвѣтилъ:

— Нельзя, госпожа. Княгиня никого не принимаетъ со дня смерти ея покойной сестры.

— Ну, а барышню, княжну Джаваха, можно видѣть? — съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ уже произнесъ голосъ Люды.

— И барышни видѣть нельзя. Нездорова барышня! — отвѣчалъ тѣмъ же невозмутимымъ голосомъ старый грузинъ.

— Но какъ-же я видѣла сейчасъ только княжну на башнѣ! — уже далеко не такъ спокойно, какъ прежде, произнесла Люда.

— Ну, да! Ну, да, я здорова! Я здѣсь! Люда! Люда! — крикнула я, вся дрожа отъ негодованія и гнѣва, и въ ту-же минуту тяжелая рука закрыла мнѣ ротъ, мѣшая говорить.

Другая рука легко, какъ перышко, подняла меня на воздухъ, и Маріамъ, тѣсно прижавъ меня къ своей могучей груди, повлекла меня въ домъ, мыча что-то вполголоса надъ моимъ ухомъ.

Я точно обезумѣла. Я брыкалась руками и ногами, стараясь вырваться изъ рукъ великанши, я отталкивала ее отъ себя, я кусала руку, закрывавшую мнѣ ротъ, и все-таки ничего не могла подѣлать. Врагъ былъ сильнѣе меня, — приходилось покориться.

Не помню хорошенько, что было потомъ, сколько времени длилась эта неравная борьба; я очнулась только

въ столовой замка, передъ грозными очами моей бабушки.

— Что это значитъ, Нина? — гнѣвно спросила она, впиваясь въ меня нестерпимо горящимъ взоромъ.

— Нѣтъ, это я должна спросить, что все это значитъ? — вскричала я внѣ себя отъ бѣшенства. — Какъ смѣете вы притѣснять меня? Какъ смѣете не пускать ко мнѣ мою названную сестру Люду, которая привезла мои вещи и пріѣхала повидаться со мною?

— Замолчи сію минуту, ничтожная дѣвчонка, сію минуту замолчи! — загремѣлъ мощный окрикъ княгини, — окрикъ, отъ котораго, казалось, дрогнули самыя стѣны стараго замка. — Или ты не знаешь моего рѣшенія? Беря тебя подъ свою опеку, я являюсь единственнымъ отвѣтственнымъ лицомъ въ дѣлѣ твоего воспитанія. Я не допущу ни контроля постороннихъ лицъ въ этомъ дѣлѣ, ни вмѣшательства прежнихъ твоихъ воспитателей. Ты не должна ихъ видѣть больше. И эту Людмилу... какъ ее?.. Влассовскую, что-ли, ты тоже не должна больше видѣть. Ты принадлежишь мнѣ, твой отецъ поручилъ тебя моему надзору. Простись со всѣмъ твоимъ прошлымъ разъ навсегда. Въ этомъ мое желаніе, я приказываю тебѣ это!

— Никогда! — вскричала я пылко, — слышите-ли вы? никогда! Никогда я не соглашусь не видѣться съ Людой, съ Андро, со всѣми, кого я люблю и уважаю. Слышите-ли, княгиня, никогда я не перестану любить ихъ,

что бы вы мнѣ ни говорили, никогда не перестану искать съ ними встрѣчи и, если вы помѣшаете мнѣ въ этомъ, я найду возможность убѣжать изъ замка и убѣгу... да, убѣгу, убѣгу! —И, говоря это прерывающимся отъ волненія голосомъ, я топала ногами, сверкала глазами и вполнѣ олицетворяла собою ту дикую, необузданную лезгинку-дѣвочку, какою была на самомъ дѣлѣ, несмотря на лоскъ и воспитаніе людей культурной страны.

Но странное дѣло: чѣмъ больше волновалась и кипятилась я, тѣмъ все спокойнѣе и спокойнѣе становилась бабушка. Наконецъ, когда я остановилась, чтобы передохнуть и перевести духъ, она положила мнѣ руку на плечо и произнесла сурово:

— Довольно юродствовать. Опомнись. Дѣло не поправимо, и твоей гостьи я не впущу въ замокъ. Лучше приди въ себя и примирись съ неизбѣжнымъ. Садись-ка за мемуары и займись ими хорошенько. Работа поможетъ тебѣ выкинуть всякую блажь изъ головы.

А, мемуары? Опять мемуары? Такъ хорошо-же! Такъ вотъ-же имъ!

И прежде, чѣмъ бабушка могла догадаться, что я намѣрена сдѣлать, и предупредить меня, я въ одну минуту подскочила къ толстой книгѣ, лежащей на столѣ, и, захвативъ рукою нѣсколько страницъ, съ остервенѣніемъ вырвала ихъ изъ книги. Потомъ, смявъ и разрывая ихъ на клочки, я кричала, давясь слезами и бѣшенствомъ:

— Мемуары! Вотъ они, ваши мемуары! Вотъ, какъ я буду заниматься ими, если вы не разрѣшите мнѣ повидать Люду!..

Бабушка помертвѣла, схватилась за голову, крикнула что-то. Потомъ стала скоро, скоро дѣлать знаки руками, обращаясь къ Маріамъ. Нѣмая съ глубокимъ вниманіемъ слушала, казалось, свою госпожу. Когда-же бабушка кончила свое безмолвное объясненіе, она въ два прыжка подскочила ко мнѣ и прежде, чѣмъ я могла опомниться, протестовать и защищаться, великанша снова, какъ малаго ребенка, подхватила меня на руки и потащила вонъ изъ комнаты. Исполненная невыразимаго бѣшенства, я почти не сознавала, куда она влечетъ меня, и опомнилась только тогда, когда очутилась на площадкѣ башни, той самой башни, откуда я увидѣла подъѣзжающую Люду.

„Ужъ не думаетъ-ли она сбросить меня внизъ съ уступа въ бездну? Отъ этой идіотки всего можно ожидать!“—мелькнула въ моей головѣ тревожная мысль.

Но тотчасъ-же я поняла ошибочность подобнаго предположенія. Великанша втащила меня въ небольшую круглую комнату съ огромнымъ окномъ и опустила меня на широкую постель, застланную ветхимъ, но дорогимъ одѣяломъ съ княжескимъ гербомъ посерединѣ, съ грудой подушекъ и съ малиновымъ балдахиномъ подъ княжеской короной, спускавшимся со всѣхъ сторонъ этого огромнаго ложа. Потомъ она повернула ко мнѣ блѣдное,

какъ мѣлъ, лицо со сверкающими дикимъ огнемъ глазами и, погрозивъ мнѣ своимъ большимъ пальцемъ съ нечистоплотнымъ ногтемъ, быстро удалилась, плотно прикрывъ дверь за собою. Вслѣдъ затѣмъ щелкнула задвижка, повернулся ключъ въ ржавомъ замкѣ, и я осталась одна, болѣе одинокая и несчастная, чѣмъ когда-либо.

ГЛАВА XIV.

Узница. — Бѣлое видѣніе. — Другъ.

БОЛЬШАЯ круглая комната съ ея высоко-взбитой постелью подъ балдахиномъ, безъ признака остальной мебели, необходимой для жилья, наводила меня на печальныя мысли. Очевидно, эта комната въ башнѣ являлась самымъ отдаленнымъ помѣщеніемъ замка, и вслѣдствіе этого бабушка выбрала ее для моего ареста.

Ареста!.. Не было сомнѣнія, что я находилась подъ арестомъ, и это несказанно угнетало меня. Я поняла теперь окончательно и безповоротно, что мнѣ не вырваться на свободу, — больше того, что меня обособили совершенно отъ всего свободнаго міра, что я не увижу никого изъ близкихъ въ продолженіе долгихъ лѣтъ, остающихся мнѣ до моего совершеннолѣтія, и буду видѣть только однѣ и тѣ же непріятныя мнѣ лица деспотки-

бабушки и великанши. О, Господи! Какое тяжелое будущее готовила мнѣ судьба!

Съ такими печальными размышленіями я подошла къ окну, распахнула его и высунулась до половины изъ башни...

О, радость! Я увидѣла коляску, ѣхавшую отъ замка во всю прыть по направленію къ Тифлису, а въ ней — знакомую уже темную фигуру Люды...

— Люда! Люда!—закричала я, напрягая всѣ усилія моего голоса. — Люда, вернись! Возьми меня отсюда! Я не могу больше, я задыхаюсь!

Но, увы! Темная фигура не оборачивалась въ мою сторону. Очевидно, близость разстоянія была обманчива, и Люда не могла услышать моего крика. Тогда я закричала еще громче, еще отчаяннѣе. Но и это оказалось однимъ тщетнымъ, безполезнымъ усиліемъ. Коляска завернула за уголъ и скрылась за большимъ, темнымъ великаномъ-утесомъ.

Тогда, исполненная отчаянія, тоски и горя, я съ дикими криками повалилась на полъ, колотя по немъ ногами и кулаками изо всѣхъ силъ. Мнѣ казалось, что если я буду кричать и безчинствовать, и мои крики достигнутъ до ушей бабушки, наказаніе будетъ немедленно снято и меня освободятъ. Но увы! — ничего подобнаго не случилось. Никто не приходилъ, ничьи шаги не раздавались на лѣстницѣ, только эхо горъ повторяло дикіе вопли изступленной дѣвочки, окончательно забывшей

свои пятнадцать лѣтъ и казавшейся теперь маленькимъ, капризнымъ ребенкомъ. Наконецъ, окончательно выбившись изъ силъ, накричавшись и настонавшись въ волю, я затихла, опустила голову на руки и тотчасъ-же забылась тяжелымъ, мучительнымъ, какъ кошмаръ, сномъ.

. . . . . .

. . . . . .

Было совсѣмъ темно за окномъ въ ту минуту, когда я проснулась. Чья-то заботливая рука прикрыла обѣ половинки окна. Та-же рука, очевидно, доставила сюда, во время моего продолжительнаго сна, ручной фонарикъ и ужинъ, которые были поставлены подлѣ меня на полу. Несомнѣнно, великанша, по приказанію бабушки, принесла то и другое, пока я спала.

Но ѣсть мнѣ не хотѣлось; къ тому-же обычная, должно быть, въ этомъ домѣ жареная баранина въ застывшемъ видѣ и прѣсные ловаши не возбуждали во мнѣ аппетита: я привыкла къ болѣе изысканной и пріятной пищѣ въ домѣ моего пріемнаго отца. По крайней мѣрѣ, я не дотронулась ни до того, ни до другого и, презрительно оттолкнувъ отъ себя ногою подносъ, подошла къ окну. Была темная ночь. Небо и горы подернулись непроницаемою мглою. Гдѣ-то далеко-далеко слышался крикъ джайрона, заглушенный неумолкаемымъ ревомъ Терека, кипящаго, ревущаго и мечущагося подъ самыми стѣнами замка.

— Нѣтъ, ужъ тебя я не боюсь ни капли... ...ней.

Этотъ странный гулъ, эта черная тьма за окномъ, эта круглая, сводчатая холодная комната съ высокой постелью, похожей на катафалкъ — все это не могло способствовать успокоенію моихъ расшалившихся нервовъ. Продолжительный сонъ не укрѣпилъ, а еще болѣе взвинтилъ ихъ. Я чувствовала ужасную слабость и волей-неволей должна была улечься на огромную, неуютную постель подъ пологомъ съ княжеской короной. Но, несмотря на то, что я чувствовала странную непріязнь къ этой постели, мнѣ было удобно и хорошо лежать на ея мягкихъ, пышно взбитыхъ пуховикахъ. Спать мнѣ не хотѣлось, но полежать спокойно, вытянувшись всѣмъ тѣломъ, послѣ всѣхъ этихъ пережитыхъ сегодня треволненій—было пріятно.

По мѣрѣ того, какъ успокаивались измученные нервы, какъ утихала постепенно душевная боль, голова моя начинала работать сознательнѣе и здоровѣе.

Положеніе мое въ качествѣ узницы не представлялось уже такимъ безысходно трагическимъ; было даже что-то смѣшное въ немъ.

Конечно, смѣшно и непростительно было со стороны бабушки наказывать меня подобнымъ образомъ, и не ребенокъ-же я, въ самомъ дѣлѣ, чтобы позволить поступать со мною, почти взрослой дѣвушкой, подобнымъ безцеремоннымъ образомъ.

Нѣтъ, завтра-же я добьюсь, чтобы меня выпустили изъ этого глупаго заточенія, и переговорю съ княгиней.

Поговорю непремѣнно и о томъ, что я не хочу больше подвергаться подобнымъ наказаніемъ и во что бы то ни стало желаю бывать въ Гори.

И, покончивъ на этомъ мудромъ, какъ мнѣ казалось, рѣшеніи, я подложила себѣ подъ голову подушку, всѣми силами желая забыться, какъ вдругъ легкій шорохъ привлекъ мое вниманіе. Точно едва уловимая струйка холоднаго воздуха потянула откуда-то, и въ то-же время я услышала мягкое шарканье туфель объ полъ.

Вся кровь бросилась мнѣ въ голову. Услужливая мысль разомъ возстановила въ памяти утренній разсказъ Николая о появленіи призрака въ окнѣ башни.

Раньше мнѣ, за всѣми моими личными волненіями, не пришло въ голову мысли о томъ, что меня заперли какъ разъ въ томъ помѣщеніи, гдѣ Николай видѣлъ призракъ. Теперь съ поражающей ясностью припомнились мнѣ малѣйшія подробности нашей бесѣды со старымъ слугою, и холодный потъ выступилъ крупными каплями у меня на лбу.

Шаги шлепающихъ, очевидно обутыхъ въ войлочныя туфли или чевяки, ногъ становились все яснѣе и яснѣе. Я уже ясно различала ихъ у моего изголовья. Теперь я уже не сомнѣвалась, что они, эти шаги, принадлежали призраку старой княгини. По крайней мѣрѣ, великанша не могла ступать такъ легко и чуть слышно. Я успѣла за короткое время моего пребыванія въ замкѣ узнать ея тяжелую, грузную походку. Сомнѣній не оста-

валось. Николай былъ правъ. Въ комнатѣ замка водилось привидѣніе, призракъ княгини показывался въ окнѣ.

Я глубоко зарылась головою въ подушки, заткнула уши руками и, обливаясь холоднымъ потомъ, съ сильно бьющимся сердцемъ, приготовилась къ чему-то страшному, неминуемому, что должно было тотчасъ же случиться. И, несмотря на заткнутыя пальцами уши, несмотря на зарывшуюся въ подушки голову, я съ поразительной ясностью слышала приближающіеся ко мнѣ шаги...

Вотъ они ближе... еще ближе... вотъ уже у самой постели... Мнѣ казалось, что сейчасъ изъ-за атласнаго полога выглянетъ сухое, строгое лицо призрака съ ввалившимися щеками, съ горящими фосфорическимъ свѣтомъ глазами. Мнѣ казалось, что пологъ откинетъ сію минуту сухая, костлявая рука скелета, которая потомъ ляжетъ на мое горло и задушитъ меня. Не могу выразить словами того необъяснимаго, леденящаго душу ужаса, который сковалъ меня. И все-таки, точно подъ чьимъ-то постороннимъ вліяніемъ, я силой оторвала голову отъ подушки, открыла уши и глаза и смотрѣла теперь, исполненнымъ отчаянія и ужаса взоромъ, прямо передъ собою. У меня еще съ дѣтства была одна особенность: смотрѣть опасности прямо въ глаза. И я смотрѣла теперь во-всю нестерпимо напряженнымъ взоромъ.

Теперь уже таинственные шаги раздавались около самой постели по ту сторону атласнаго полога... Вотъ

какая-то неясная тѣнь вырисовалась на пурпуровой ткани балдахина... Вотъ зашевелилась занавѣска... и чья-то быстрая рука откинула пологъ...

Предо мной предстала небольшая фигура во всемъ бѣломъ, плотно укутанная бѣлою-же чадрою, изъ-подъ которой двумя огненными точками сверкали, искрясь и мерцая, два огромные черные глаза...

Я дико вскрикнула и закрыла лицо руками.

Въ ту-же минуту чьи-то сильныя руки обвили мои плечи, и знакомый голосъ зазвучалъ надъ моимъ ухомъ:

— Красоточка-джанымъ, ты?

Что такое? Во снѣ-ли происходитъ все это?

Вмигъ была сорвана бѣлая чадра, окутывавшая фигуру страшнаго привидѣнія, и моя тетка Гуль-Гуль упала, съ тихимъ смѣхомъ, въ мои раскрытыя объятія.

— Гуль-Гуль! Родная, голубушка! Здѣсь? Ты здѣсь? Какъ могло все это случиться? — не вѣря своимъ глазамъ, спрашивала я.

— А ты здѣсь какъ? Какъ ты здѣсь, красоточка-джанымъ?—въ свою очередь задавала она мнѣ вопросы, смѣясь, плача и цѣлуя меня въ одно и то же время.

Объясненіе вышло гораздо проще, чѣмъ я того ожидала. Послѣ похищенія Гуль-Гуль, ага-Керимъ со своей шайкой и съ молодой женою удалился на Терекъ. Здѣсь власти прослышали о немъ, и молодой душманъ долженъ былъ скрываться въ горахъ и пещерахъ. Не желая подвергать свою жену случайностямъ, опасаясь еже-

минутно попасться въ руки тифлисской полиціи, онъ помѣстилъ Гуль-Гуль въ башнѣ замка, которая ему была хорошо знакома и въ стѣнѣ которой онъ пробилъ брешь Гуль-Гуль ничѣмъ не рисковала, имѣя ежеминутно свободный доступъ отсюда въ горы, въ то же время, укрытая здѣсь отъ непогоды и полиціи, могла спокойно жить въ башнѣ до тѣхъ поръ, пока Керимъ не нашелъ-бы нужнымъ взять ее оттуда. Ее-то, неосторожно высунувшуюся изъ окна башни, старый Николай и принялъ за призракъ покойной княгини.

Разсказавъ все это, Гуль-Гуль показала мнѣ потайную дверцу, которая вела изъ моей тюрьмы въ ея временное убѣжище, оказавшееся крошечной комнаткой, игравшей, должно быть, роль кладовой когда-то и теперь окончательно заброшенной обитателями замка. Керимъ доставлялъ ей сюда съѣстные припасы. За водой же Гуль-Гуль спускалась прямо къ Тереку по уступамъ полуразрушенной стѣны.

— Ну, а ты какъ попала сюда, радость очей моихъ?— обратилась ко мнѣ хорошенькая татарка, когда закончила свой разсказъ о себѣ.

Я въ свою очередь повѣдала ей всѣ мои горести и неудачи.

— О-о! — произнесла въ гнѣвномъ возбужденіи моя молоденькая тетка, — такъ нельзя! Такъ нельзя! Что она безумная, что-ли, старая княгиня? Мучить такъ хорошенькую джанымъ! О-о! Стыдъ ей, старой княгинѣ, стыдъ!

Погоди, придетъ на-дняхъ къ Гуль-Гуль повелитель, все разскажетъ Кериму Гуль-Гуль, и освободитъ Керимъ Нину изъ замка. „Иди на свободу изъ замка, Нина, — скажетъ онъ,—иди куда хочешь".

— Нѣтъ, Гуль-Гуль, не пойду я никуда, мнѣ некуда идти!—произнесла я печально.

— Какъ некуда? Какъ не надо идти?—такъ и всполошилась она.—Да развѣ можетъ джанымъ здѣсь остаться? развѣ можетъ остаться тамъ, гдѣ мучаютъ бѣдненькую джанымъ злые люди?

Но я объяснила ей, что никто не мучаетъ меня, и что самъ покойный отецъ назначилъ мнѣ въ опекунши бабушку, — слѣдовательно, я не смѣю ослушаться его предсмертнаго желанія. И если буду просить чего у Керима, такъ только препроводить въ Гори мою записку къ Людѣ, въ домъ князя Соврадзе.

— Все сдѣлаетъ Керимъ, что надо, все сдѣлаетъ,— успокаивала меня Гуль-Гуль,—для этого надо только показаться Гуль-Гуль на зубьяхъ стѣны, выходящей въ горы; въ горахъ уже увидятъ, что надо что-то Гуль-Гуль, и придутъ узнать къ ночи. Какъ завоетъ бѣлая женщина свою пѣсню на кровлѣ, такъ и придутъ въ башню.

— А они не боятся воя великанши? — удивилась я.

— Развѣ горный орелъ устрашится крика сѣрой кукушки? — тихо разсмѣялась Гуль-Гуль. — Чего бояться храбрымъ джигитамъ? Одной безумной бояться, что-ли?

Нѣтъ, не было еще такой опасности, передъ которой-бы не устоялъ Керимъ! — съ гордостью заключила молодая женщина, и лицо ея засіяло необычайной нѣжностью и лаской.

— Ты его очень любишь, бѣдняжка Гуль-Гуль? — спросила я ее.

Она вся выпрямилась, поблѣднѣла, черные глаза ея вдохновенно блеснули.

— Спроси цвѣтокъ розы—любитъ-ли онъ солнечный лучъ? Спроси пѣну Терека—любитъ-ли она берегъ? Спроси голосистую пташку—дорога-ли ей зеленая вѣтка чинары и голубой просторъ? Всѣхъ спроси и тогда отвѣтишь, любитъ-ли Гуль-Гуль своего Керима!

И, говоря это, малютка съ такой гордостью смотрѣла мнѣ въ глаза, и такимъ блескомъ сверкали эти черные прекрасные глаза, что я не могла не залюбоваться ею.

— Гуль-Гуль, ты прелестна! — произнесла я, цѣлуя ея поблѣднѣвшія въ волненіи щеки.

Но она не поняла моего комплимента, хотя охотно отозвалась на мой поцѣлуй.

Мы обѣ лежали теперь на пышно взбитыхъ пуховикахъ старой княжеской постели, не боясь призраковъ— ни живыхъ, ни мертвыхъ. Гуль-Гуль съ увлеченіемъ разсказывала мнѣ о Керимѣ, и я съ жадностью ловила каждое слово моей красавицы-тетки.

— Керимъ не простой душманъ-барантачъ, — говорила Гуль-Гуль, вся такъ и пылая воодушевленіемъ, —

Керимъ великій вождь, смѣлый и мудрый. Керимъ не только бѣдняка не тронетъ, но и богача не тронетъ того, который дѣлится съ бѣднякомъ. И того, кто упорнымъ трудомъ и честнымъ путемъ пріобрѣлъ богатства, тоже пальцемъ не задѣнетъ Керимъ. Но того, кто притѣсняетъ бѣдныхъ, заставляетъ, какъ мула, за грошъ работать на себя, а самъ только кальянъ куритъ да подсчитываетъ туманы, только того настигнетъ въ горахъ шашка Керима, да! Простой народъ знаетъ, что Керимъ за него: простой народъ за то и любитъ Керима и укроетъ его. И осетинъ, и грузинъ, и чеченецъ... За то богатые готовы зубами изорвать Керима, какъ чекалки, у-у!

Долго еще говорила Гуль-Гуль о своемъ мужѣ, гордая и счастливая, съ полнымъ сознаніемъ его правоты. Огненными каплями падало каждое ея слово въ мое сердце. Если до сихъ поръ я восторгалась безстрашіемъ и смѣлостью бека-Джамала, то теперь я невольно преклонялась предъ благородствомъ и величіемъ его души.

— Дай Богъ тебѣ счастья, дорогая Гуль-Гуль, тебѣ и твоему Кериму!—произнесла я, обнимая и крѣпко цѣлуя молодую женщину.

Она колебалась съ минуту, какъ принять это не вполнѣ понятное ей движеніе моей души. Сначала тихо заплакала, потомъ засмѣялась и кончила тѣмъ, что крѣпко расцѣловала меня въ обѣ щеки.

Я поздно уснула въ эту ночь.

ГЛАВА XV.

Снова Доуровъ.—Бабушкино рѣшеніе.—Женихъ.

ОСЛѢПИТЕЛЬНО яркій лучъ солнца ударилъ мнѣ въ глаза, какъ только я подняла отяжелѣвшія отъ сна вѣки.

— Наконецъ-то проснулась, бирюзовая!—прозвенѣлъ надо мной хорошо знакомый голосокъ, и Гуль-Гуль съ разбѣга вспрыгнула ко мнѣ на постель.

Все, что казалось мнѣ вчера ночью сномъ или сказкой, являлось теперь полной дѣйствительностью. И какой чудной, какой яркой дѣйствительностью! Со мной былъ мой другъ! Со мной была Гуль-Гуль!

— Джанымъ голубушка! Нина яхонтовая!—лепетала она, спѣша и волнуясь, — вставай, солнышко! Вставай, бирюзовая! Новость! Большая новость! По берегу Терека всадникъ скачетъ! Саибъ!.. Начальникъ!.. Прямо сюда!.. Прямо къ замку! Спѣши къ окну, хорошенькая джанымъ!

Я не заставила повторять приглашеніе. Въ одну минуту очутилась у окна и увидѣла въ дѣйствительности скакавшаго по направленію замка всадника. Защитивъ глаза ладонью отъ солнца, я всѣми силами старалась разглядѣть, кто это былъ.

Что это былъ офицеръ, казачій офицеръ—въ этомъ я не сомнѣвалась.

А вдругъ Андро? Милый, дорогой князь Андро, которому Люда успѣла сообщить о нежеланіи бабушки принять ее, который спѣшилъ ко мнѣ на выручку.

„Ахъ, какъ это было-бы хорошо! Какъ необъяснимо хорошо и прекрасно!“—вихремъ пронеслась въ моей головѣ радостная мысль.

Но по мѣрѣ приближенія всадника, скакавшаго во весь опоръ, я должна была разувѣриться въ моемъ предположеніи. Когда путникъ поровнялся съ башней, я невольно испустила легкій крикъ.

Это былъ Доуровъ... Опять Доуровъ!

— Его не впустятъ. Вотъ увидишь, не впустятъ,— проговорила я съ убѣжденіемъ, обращаясь къ Гуль-Гуль въ то время, какъ всадникъ подскакалъ къ воротамъ замка.

Но каково-же было мое изумленіе, когда, послѣ продолжительныхъ со старымъ Николаемъ переговоровъ, ворота замка распахнулись настежь и Доуровъ въѣхалъ во дворъ.

Но еще болѣе пришлось мнѣ удивиться, когда ровно черезъ часъ времени по лѣстницѣ раздались тяжелые шаги великанши, и едва-едва успѣла скрыться въ свою каморку Гуль-Гуль, какъ нѣмая появилась на порогѣ.

— Ммм!—неистово мычала она, хватая меня за руки и указывая куда-то внизъ своимъ огромнымъ пальцемъ.

Я рѣшила на этотъ разъ быть покорной и послѣдовала за ней. Она провела меня сначала въ мою ком-

нату, помогла мнѣ умыться и одѣться въ одно изъ доставленныхъ мнѣ сюда съ арбою платьевъ, послѣ чего съ тѣмъ-же мычаніемъ повела меня къ бабушкѣ.

Старая княгиня Джаваха сидѣла, держась прямо и сухо, въ креслѣ и, какъ видно, поджидала меня. Она была, казалось, болѣе чѣмъ когда-либо торжественна въ эту минуту.

— А гдѣ-же Доуровъ?—обратилась я къ ней съ вопросомъ. — Мнѣ казалось, что я видѣла его изъ окна башни.

— Ты не ошиблась. Сергѣй Владиміровичъ Доуровъ здѣсь, и ты его увидишь черезъ нѣсколько минутъ. А пока выслушай то, что я скажу тебѣ. Будь внимательна.

— Я охотно слушаю васъ, бабушка,—поторопилась отвѣтить я, рѣшивъ покоряться до времени всѣмъ причудамъ этой странной старухи.

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ,—сухо уронила она,—потому что самый маленькій ребенокъ долженъ понимать тѣхъ, кто желаетъ ему добра. А ты далеко не ребенокъ, Нина, тебѣ скоро 16 лѣтъ, ты уже взрослая барышня. Другія въ твои годы здѣсь на Кавказѣ уже давно замужемъ.

— Я никогда не выйду замужъ, бабушка,—прервавъ ея рѣчь, воскликнула я пылко.

Она посмотрѣла на меня очень пристально, потомъ губы ея сжались въ непріятную гримасу.

— Тебя не спрашиваютъ объ этомъ, — сухо произнесла она. — Какъ ты думаешь,—внезапно перемѣнила нить разговора бабушка,—пріятно мнѣ было убѣдиться въ томъ, что въ мой тихій замокъ, вмѣсто ожидаемой почтительной и благонравной барышни, ворвался дикій, непослушный, отчаянный мальчишка-джигитъ, и что, несмотря ни на доброе слово, ни на наказаніе, этотъ мальчишка остается тѣмъ-же разбойникомъ, тѣмъ-же дикаремъ и нарушаетъ спокойствіе моего мирнаго жилья? Нечего сказать, пріятную услугу сдѣлалъ мнѣ покойный племянникъ, поручивъ тебя моей опекѣ!

— А вы отказались-бы отъ опеки, бабушка!—дерзко и весело взглянувъ въ глаза старухи, проговорила я,— вы-бы отдали меня князю Андро. Право, онъ охотно пріютилъ-бы меня у себя.

— Глупая дѣвчонка!—произнесла сердито княгини, — ты не понимаешь, что молоденькой барышнѣ неприлично жить въ квартирѣ чужого холостого офицера.

— Князь Андро братъ мой! — горячо воскликнула я, — а не чужой. Я люблю его больше всѣхъ въ мірѣ, послѣ Люды, и считаю себя сестрой его.

— Мало-ли что ты считаешь, глупая! — прервала мою рѣчь бабушка,—надо, чтобы люди думали такъ. А люди такъ думать не будутъ. Значитъ, надо выбрать нѣчто иное для тебя. И я выбрала. У Сергѣя Владиміровича Доурова есть прелестное помѣстье въ Гуріи, гдѣ живетъ его мать, бывшая фрейлина покойной русской

— Вы ранены, Керимъ?...

царицы. Тамъ же живутъ и его взрослыя сестры, чудесно воспитанныя барышни, и тамъ поселишься ты до тѣхъ поръ... ну, до тѣхъ поръ, словомъ, пока не станешь его женой.

— Женою? Чьей женою? Доурова? Вы шутите вѣрно, бабушка? Это никогда...

— Молчать!—сурово прикрикнула на меня старуха.— Молчать! Не смѣть такъ непочтительно говорить со мною! Вздоръ! Разъ я говорю, что это будетъ такъ, то такъ оно и будетъ. Глупое дитя, ты не понимаешь своей пользы. Сергѣй Владиміровичъ Доуровъ дѣлаетъ честь тебѣ,— дикой, невоспитанной провинціалкѣ, предлагая себя въ мужья. Онъ служилъ прежде въ блестящемъ полку въ столицѣ, онъ уважаемъ въ своемъ кругу, онъ самый блестящій офицеръ изъ всего Гори и Мцхета и даже Тифлиса, и нечего тебѣ раздумывать даже. Ты будешь его женою! Да, будешь, я уже дала ему слово.

— Ну, вотъ и отлично!—расхохоталась я не совсѣмъ, впрочемъ, естественнымъ смѣхомъ, — вотъ и отлично: выходите за него сами, бабушка, если онъ вамъ такъ нравится.

— Дерзкая!—закричала княгиня внѣ себя,—какъ ты смѣешь! — И тутъ же прервала себя, точно спохватившись, — ну, довольно словъ и пререканій, какъ я сказала — такъ и будетъ. Завтра на зарѣ ты поѣдешь съ Сергѣемъ Владиміровичемъ Доуровымъ въ его помѣстье, гдѣ ты получишь свѣтское воспитаніе въ его семьѣ; а

пока ты можешь сама сказать ему, что согласна на его предложеніе.

Съ этими словами бабушка встала со своего кресла и величественно поплыла къ двери.

Я осталась одна. Я была ошеломлена, уничтожена, убита. Ничего подобнаго я и представить себѣ не могла. Дѣло выходило гораздо серьезнѣе, нежели я ожидала.

Завтра на зарѣ меня отвезутъ въ Гурію, въ помѣстье ненавистнаго Доурова, къ его чопорной матери и верченымъ сестрамъ и... и я никогда не увижу ни милой Люды, ни дорогого Андро, ни чудныхъ горъ и безднъ Бестуди и обоихъ старыхъ дѣдушекъ... Никогда! Никогда!

Охваченная отчаяніемъ, вся задыхаясь, я упала головой на столъ, сжала ее руками и тихо застонала сквозь крѣпко стиснутые зубы.

— Что съ вами? Вы плачете, милая княжна?—послышался надо мною вкрадчивый голосъ.

Я быстро вскочила, подняла голову и отступила шагъ назадъ, вся дрожа отъ ненависти и злобы.

Передо мною стоялъ Доуровъ, спокойный, выхоленный Доуровъ, человѣкъ, на котораго я перенесла весь свой гнѣвъ, все мое дикое, безсильное бѣшенство до конца.

— А-а, это вы!—скорѣе прошипѣла, нежели произнесла я, задыхаясь отъ волненія,—такъ вотъ вы какой! Вотъ вы...

Я захлебывалась. Я не находила подходящихъ словъ для выраженія моего негодованія. Только глаза мои двумя колючими искрами впились въ его глаза. И вдругъ злая улыбка искривила мои губы.

— Слушайте, Доуровъ!—крикнула я неестественно звонкимъ голосомъ,—сколько вы возьмете отступного изъ тѣхъ суммъ, которыя завѣщаны мнѣ покойнымъ княземъ,—сколько денегъ должна я назначить вамъ въ пешкешъ, чтобы вы оставили меня въ покоѣ?

Онъ вздрогнулъ, какъ подъ ударомъ хлыста. Выпрямился во весь ростъ и поблѣднѣлъ, какъ полотно. Оскорбленіе, брошенное мною, казалось, было ему не подъ силу. Но въ мгновеніе ока Доуровъ поборолъ свой гнѣвъ. Его выхоленные пухлые пальцы съ отполированными розовыми ногтями легли на мою руку.

— Напрасно вы такого дурного мнѣнія обо мнѣ, княжна Нина,—произнесъ онъ дѣланно-печальнымъ голосомъ,—я искренно люблю васъ!

Теперь я вся затрепетала въ свою очередь отъ гнѣва, безсильнаго бѣшенства и чувства гадливости къ этому человѣку.

— Уйдите!—закричала я не своимъ голосомъ,—не смѣйте трогать моей руки, не смѣйте говорить мнѣ явную ложь. Вы не говорили-бы мнѣ такъ, если-бы я не была самая богатая невѣста въ Гори!

— Нина! Нина!—произнесъ онъ, разсчитанно-красивымъ жестомъ хватая себя за голову.

Потомъ онъ снова взялъ мою руку. Точно прикосновеніе какого-то гадкаго пресмыкающагося напомнило мнѣ прикосновеніе руки Доурова къ моей. Я ненавидѣла въ немъ все, рѣшительно все: и эти выхоленные ногти, и самодовольное лицо, и разсчитанныя на эффектъ рѣчи. Съ ненавистью вырвала я свою руку изъ его руки и крикнула ему, приблизивъ почти въ упоръ свое пылающее лицо къ его противному, довольному, упитанному лицу:

— Слушайте вы, какъ васъ... Не смѣйте такъ говорить со мною, не смѣйте касаться моей руки... или... или... я выцарапаю вамъ глаза, клянусь Богомъ!

И стрѣлой кинулась вонъ изъ комнаты.

ГЛАВА XVI.

Снова узница.—Изъ мрака къ свѣту и снова мракъ.—Избавленіе.

ПЕРВЫМЪ моимъ побужденіемъ было бѣжать къ Гуль-Гуль на башню, разсказать ей все и просить помощи. Но въ то время, какъ я намѣревалась исполнить это, кто-то невидимый и сильный сжалъ мои локти, поднялъ на плечи и понесъ. Я поняла, что это была Маріамъ.

Великанша втащила меня въ мою комнату и тотчасъ вышла, закрывъ дверь за собой на задвижку.

Я снова очутилась въ заточеніи. Но на этотъ разъ я уже не билась, не кричала и не выходила изъ себя въ дикомъ неистовствѣ. Я хорошо понимала все безразсудство подобной выходки. Меня охватило отчаяніе, тихое, молчаливое отчаяніе, которое доводитъ человѣка до состоянія оцѣпенѣнія, небытія. Что бабушка сказала правду, и что меня ждетъ на завтра отъѣздъ съ гадкимъ, болѣе того—отвратительнымъ человѣкомъ въ его Гурійское помѣстье, въ этомъ я уже не сомнѣвалась больше, такъ какъ видѣла изъ моего окна, какъ старый Николай открылъ дверь, покосившагося отъ времени, сарая, какъ вывелъ оттуда пару вороныхъ лошадей съ поджарыми ногами и огромный старомодный фаэтонъ. Экипажъ онъ старательно вымылъ, а лошадей сталъ тщательно чистить скребницей. По двору пронеслась, тяжело шлепая ногами, великанша съ моимъ чемоданомъ на плечахъ. Очевидно, все готовилось въ путь. Сомнѣній не было: меня увезутъ съ зарею.

Я стиснула зубы и въ безсильномъ бѣшенствѣ заскрипѣла ими.

Меня по́ведутъ во дворъ, лишь только зарумянится небо раннимъ восходомъ, поведутъ и посадятъ въ фаэтонъ, можетъ быть одну, можетъ быть съ Николаемъ или великаншей. Доуровъ поѣдетъ подлѣ верхомъ и... и...

Дальше я не могла думать. Мнѣ казалось ужаснымъ это насиліе надъ моей судьбой, моей волей.. Я готова

была кататься по полу, рвать на себѣ волосы въ безсильномъ отчаяніи и гнѣвѣ. Жить въ чужой семьѣ, учиться манерамъ и получить воспитаніе у чужихъ людей, чтобы стать въ концѣ-концовъ женою ненавистнаго Доурова,—о, это было уже слишкомъ! Уже слишкомъ несправедливо, слишкомъ безжалостно по отношенію меня поступала судьба...

И тутъ-же въ душѣ моей поднималось раскаяніе. Если-бы я послушалась Гуль-Гуль и согласилась позволить Кериму выручить меня изъ неволи! Но въ отвѣтъ на ея предложеніе я гордо отклонила его. Я сказала, что меня никто не притѣсняетъ. Но развѣ я знала? Развѣ зналъ покойный папа о той участи, которая постигнетъ меня здѣсь, когда рѣшился отдать меня подъ опеку бабушки? О, еслибъ только людямъ былъ данъ даръ предвидѣнія,—я-бы никогда не очутилась въ этихъ старыхъ развалинахъ съ этими странными безсердечными людьми. Нѣтъ! Разумѣется, нѣтъ! Или я сама виновата во всемъ этомъ? Виновата, что была слишкомъ шумлива, непочтительна и непокорна и этимъ вселила желаніе въ душу моей бабушки какъ можно скорѣй отдѣлаться отъ меня? Можетъ быть, она права по-своему, можетъ быть... Но какое мнѣ дѣло—права она или нѣтъ, я хочу избавиться отъ нея, отъ Доурова, отъ поѣздки въ Гурію, избавиться во что-бы то ни стало! Хочу и не могу! Да, не могу! Не могу! Богъ всесильный, Ты видишь мою беззащитность!..

Я упала головой на окно, около котораго стояла, сжала руками голову, эту побѣдную измученную голову, и точно забылась, точно оцѣпенѣла на нѣкоторое время...

Долго-ли, коротко-ли пролежала я такъ на холодномъ полу у окна,—не знаю, но когда я подняла голову и взглянула въ окошко, полный блѣдный мѣсяцъ улыбался мнѣ съ неба довѣрчивой улыбкой. Была уже ночь, чудно-прекрасная, дивно-таинственная кавказская ночь. Облака, принимая причудливыя формы гигантовъ-людей и странныхъ волшебныхъ предметовъ и животныхъ, медленно плыли по небу. Ревъ Терека казался еще воинственнѣе и глуше въ ночномъ воздухѣ спящей природы. Я стала вслушиваться въ этотъ однотонный, похожій на бѣшеный смѣхъ и скорбное рыданье, голосъ потока, и вдругъ мое чуткое, напряженное ухо уловило какой-то неясный шумъ, теряющійся, почти задавленный ревущими звуками рѣки.

Вотъ онъ яснѣе, яснѣе, этотъ звукъ, этотъ почти неуловимый для слуха шелестъ. Я различаю его. Я слышу, какъ кто-то осторожной, крадущейся походкой пробирается къ моей комнатѣ въ тишинѣ ночи.

Мое сердце тревожно забилось, мои глаза съ жадностью вперились глазами въ темноту. Неужели Гуль-Гуль! Неужели эта милая, отважная малютка, тщетно прождавъ меня въ башнѣ и не дождавшись, почувствовала грозящую мнѣ опасность и спѣшитъ на выручку ко мнѣ?

Милая, смѣлая красавица Гуль-Гуль! Спаси ее, Боже, отъ встрѣчи съ Доуровымъ или жителями замка. Спаси ее, милосердный Господь!..

А между тѣмъ шаги все слышнѣе и слышнѣе... Вотъ кто-то остановился у двери, вотъ трогаетъ и поворачиваетъ чуть слышно задвижку... Мое сердце замираетъ, на мгновеніе переставъ биться. Дверь безшумно распахивается...

— Керимъ!—чуть слышнымъ стономъ слетаетъ съ моихъ устъ.

Да, это онъ, Керимъ-ага бекъ-Джамала, онъ въ своемъ обычномъ нарядѣ, со своимъ гордымъ, независимымъ видомъ вождя горныхъ душмановъ, какимъ я его видѣла въ пещерѣ Уплисъ-цихе въ ту памятную грозовую ночь.

— Керимъ, вы?.. здѣсь?.. какъ неосторожно!—въ волненіи прошептала я, протягивая къ нему руки.

— Не бойся, княжна, ничего не бойся... Керимъ у жены былъ... у Гуль-Гуль въ башнѣ. Жена сказала: княжна несчастна, по своимъ тоскуетъ, по Гори... А въ полдень Керимъ на Терекѣ уруса-офицера видѣлъ... дурной человѣкъ саибъ. Хорошаго отъ него ждать нечего. Вотъ и рѣшилъ Керимъ на выручку къ княжнѣ пробраться. Жаль, что мои абреки далеко, помочь не могутъ. А то-бы!..—онъ загадочно улыбнулся страшной улыбкой, недобро сверкнувъ горящими глазами.—Помогли-бы Кериму напасть на замокъ, схватить саиба-

Доура и... Счастье саиба, что Керимъ не за местью къ нему, не для канлы пришелъ. Его счастье. А теперь, тебѣ говорю, княжна,—бѣжимъ. Въ Гори провожу тебя, хочешь? А не хочешь,—въ Мцхетъ, гдѣ родные есть, туда и доставлю. Что тебѣ здѣсь въ замкѣ одинокой жить со старыми воронами да сѣрыми мышами! Идемъ на волю, княжна. На зарѣ будешь въ Гори.

— Да, да!—прервала я восторженнымъ шопотомъ его рѣчь,—да, да, спасите меня! Спасите меня, ради Бога, Керимъ! А то... а то...

И, задыхаясь отъ негодованія и волненія, я разсказала ему, какъ придумала поступить со мною старая княгиня.

Видно, что разсказъ мой произвелъ тяжелое впечатлѣніе на Керима. Онъ весь выпрямился, ноздри его тонкаго носа широко раздулись, глаза засверкали бѣшенымъ огнемъ.

— Клянусь, въ другое время онъ поплатился-бы мнѣ за это!—вскричалъ онъ, хватаясь за рукоятку кинжала и, вдругъ разомъ поборовъ свое волненіе, заговорилъ, сжимая мою руку своей небольшой, но сильной рукой:—Спѣши, княжна... Время не ждетъ... Внизу у Терека мой конь пасется... До утра надо быть въ Гори... Спѣши! Спѣши!

И, не выпуская моей руки изъ крѣпко стиснувшихъ ее сильныхъ пальцевъ, Керимъ повлекъ меня изъ комнаты.

Я не спрашивала уже, какъ онъ пробрался сюда, какъ не былъ замѣченъ Николаемъ и Маріамъ, почему-то не бывшей въ эти послѣднія ночи на крышѣ. Я еле успѣвала за моимъ избавителемъ по темнымъ, какъ могила, комнатамъ замка. Вотъ мы уже у цѣли; еще одинъ небольшой коридорчикъ—и мы очутимся въ столовой замка, а тамъ намъ останется самая незначительная и менѣе опасная часть разстоянія.

— Княжна удивляется, какъ попалъ Керимъ въ жилыя помѣщенія замка?—спросилъ меня у самаго уха голосъ моего спутника, точно угадавшаго мою мысль, и мнѣ послышалось, что голосъ этотъ дрогнулъ отъ затаеннаго смѣха.—Подземный ходъ ведетъ изъ башни,—тутъ-же пояснилъ онъ мнѣ чуть слышно,—въ столовую замка ведетъ, сейчасъ его увидишь, сію минуту.

И, шепнувъ мнѣ это, онъ толкнулъ крошечную дверцу, находившуюся передъ нами.

И въ ту-же минуту дикій крикъ бѣшенства, проклятія вырвался изъ его груди. И вслѣдъ за этимъ раздался выстрѣлъ. Керимъ, какъ подкошенный, упалъ навзничь.

Столовая была освѣщена чуть замѣтнымъ ручнымъ фонарикомъ. Передъ самыми дверями стоялъ Доуровъ съ дымящимся револьверомъ въ рукахъ, а рядомъ съ нимъ Николай и великанша, оба вооруженные кинжалами. Нѣсколько поодаль виднѣлась бабушка, вся—олицетворенное безстрашіе и гнѣвъ. Очевидно, его прослѣ-

дили, несчастнаго Керима, когда онъ пробирался въ башню, и устроили ему ловушку.

Гнѣвъ, отчаяніе, страхъ за моего безстрашнаго избавителя и бѣшенство на этихъ людей, пришедшихъ на него облавой, какъ на звѣря, все это разомъ закипѣло и закружилось въ моей душѣ.

— Вы ранены, Керимъ! О Боже, вы ранены!—прошептала я, опустившись на колѣни передъ упавшимъ бекомъ, съ ужасомъ замѣчая огромную лужу крови у его ногъ.

Доуровъ, очевидно, всадилъ ему весь зарядъ въ колѣни, желая преградить врагу отступленіе.

Керимъ не былъ въ состояніи двинуть ногою. Лицо его бѣлое, какъ мѣлъ, было искажено нечеловѣческимъ страданіемъ и злобой. Огромные глаза сверкали нестерпимо на этомъ искаженномъ, безъ кровинки, лицѣ. Они слали гибель своему побѣдителю-врагу, эти горящіе, какъ уголья, глаза. Рука тщетно пыталась вырвать кинжалъ изъ-за пояса. Силы покинули его.

Но прежде, нежели я успѣла увидѣть рану и понять положеніе несчастнаго, Доуровъ уже очутился подлѣ Керима.

— Ага! Наконецъ-то попался въ мои руки, разбойникъ!—прошипѣлъ онъ, замахиваясь на него кинжаломъ.

Съ поразительной ясностью отпечатлѣлась въ моей памяти картина: лежащій Керимъ, а надъ нимъ нена-

вистный Доуровъ съ поднятымъ кинжаломъ въ рукѣ. И тутъ-же я вспомнила, гдѣ я видѣла ее. Тетка Леила-Фатьма показала мнѣ въ темномъ окнѣ нѣчто подобное полтора мѣсяца тому назадъ въ лезгинскомъ аулѣ. Леила-Фатьма—колдунья. Ея гаданье сбылось...

Но если Леила-Фатьма—колдунья,—я не глупое дитя, чтобы дать заколоть моего беззащитнаго друга.

— Опомнитесь, Доуровъ!.. Или вы окажетесь подлы настолько, что будете бить лежачаго?!—вскричала я, отклоняя его руку.

Доуровъ вспыхнулъ до корней волосъ, хотѣлъ отвѣтить что-то, но удержался и, молча опустивъ оружіе, заткнулъ его за поясъ.

— Вы правы, княжна,—произнесъ онъ съ отвратительной улыбкой,—вы правы! Не слѣдуетъ пачкать рукъ объ этого негодяя. Слишкомъ большая честь будетъ для него пасть отъ кинжала русскаго офицера. Его ждетъ висѣлица, и онъ стоитъ ея.

— Молчите!—закричала я внѣ себя отъ бѣшенства,—вы... вы сами...

Но я не докончила.

Съ перекошеннымъ отъ злости лицомъ Доуровъ снова подскочилъ къ Кериму и, выхвативъ изъ-за пояса казацкую нагайку, вскричалъ:

— Еще одно дерзкое слово, Нина, и я исполосую кнутомъ все лицо этого бездѣльника. Клянусь вамъ!.. А теперь связать его!—приказалъ онъ Николаю и вели-

каншѣ, указывая имъ на безсильно распростертаго врага.

Тѣ бросились къ раненому и, несмотря на его сопротивленіе, при помощи Доурова, связали. Стащивъ затѣмъ Керима совмѣстными усиліями въ небольшую коморку, они заперли его тамъ на ключъ.

Потомъ Доуровъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ далеко уже не прежнимъ вкрадчивымъ голосомъ, а жестко и сурово:

— Извольте идти въ вашу комнату, княжна, и постарайтесь отдохнуть и выспаться до утра. На зарѣ мы выѣзжаемъ...

Не знаю, что стало со мною, но я не возражала, не сопротивлялась на этотъ разъ. Видъ безпомощнаго раненаго Керима произвелъ на меня ужасное, ошеломляющее впечатлѣніе. Къ тому же теперь я была беззащитна и находилась въ рукахъ моего врага...

Все было кончено... Моя участь рѣшилась . . .

. . . . . .

Я засыпала, просыпалась и снова засыпала, но это былъ не сонъ, не отдыхъ, а какой-то тягучій и мучительный кошмаръ. Окровавленный Керимъ неотступно стоялъ передъ моими глазами. Я нѣсколько разъ порывалась вскочить и бѣжать къ нему, освободить его—и въ тотъ-же мигъ сильныя руки Маріамъ, дежурившей у моей постели, укладывали меня обратно въ кровать. Это была ужасная ночь. Я думала, что не будетъ конца

этой мукѣ и все-таки противъ ожиданія, сама не зная какъ, въ концѣ-концовъ забылась тяжелымъ, крѣпкимъ сномъ и только на зарѣ открыла опухшія отъ безсонницы вѣки.

Въ первую минуту я ничего не понимала. Потомъ событія сегодняшней почи съ поразительной ясностью встали передо мною. Я застонала въ безсильномъ отчаяніи при мысли, что ничѣмъ не могу помочь себѣ и Кериму.

Маріамъ одѣла меня, причесала, приколола мнѣ шляпу, спустила креповый вуаль на лицо и чуть живую отъ потрясеній свела внизъ, гдѣ ждали меня бабушка и Доуровъ.

При видѣ этого человѣка, вся кровь бросилась мнѣ въ лицо.

Я даже не отвѣчала на его любезное привѣтствіе и, какъ-бы не замѣчая его, обратилась къ бабушкѣ.

— Помните, княгиня, вы являетесь отвѣтчицей за меня и за того несчастнаго, который запертъ въ вашемъ замкѣ,—произнесла я сурово.

Она промолчала, будто не слышала моихъ словъ, и какъ ни въ чемъ не бывало подвинула мнѣ завтракъ.

Но я съ гнѣвомъ оттолкнула его отъ себя.

— Никогда я не съѣмъ ни кусочка больше подъ вашей кровлей.

— И не придется, такъ какъ ты уѣзжаешь сію минуту,—произнесла она.

Уѣзжаю сію минуту!..

Да, она права, эта безсердечная старуха. Къ сожалѣнію, права. Дѣло рѣшено: я уѣзжаю съ ненавистнымъ человѣкомъ въ ненавистную Гурію, гдѣ находится его помѣстье. Уѣзжаю сію минуту...

Онъ подалъ мнѣ руку, которую мнѣ поневолѣ пришлось принять, и вывелъ меня на крыльцо.

Да, положительно это не сонъ, и я уѣзжаю. Передъ старымъ, покосившимся отъ времени крыльцомъ замка стоитъ дорожная коляска, въ которую уже положили мои чемоданы и сундучки, присланные изъ Гори. На козлахъ сидитъ старый Николай. Доуровъ подсаживаетъ меня въ коляску. Маріамъ открываетъ ворота. Ворота скрипятъ на ржавыхъ петляхъ; бабушка говоритъ что-то, чего я не понимаю, однако, и на что Доуровъ отвѣчаетъ:

— Да, да, вернусь, княгиня, лишь только отвезу къ матери княжну.

Затѣмъ онъ любезно прикладываетъ руку къ козырьку фуражки. Коляска трогается, и мы выѣзжаемъ изъ воротъ замка, того самаго замка, гдѣ я видѣла столько горя и тоски.

Все кончено. Я плѣнница. Возврата нѣтъ. Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ!..

Дорога вьется длинной, извилистой змѣей вдоль берега Терека. Я молчу. Мой спутникъ молчитъ также.

Наконецъ, онъ первый прерываетъ молчаніе:

— Я не звѣрь, княжна Нина! Напрасно вы думаете обо мнѣ такъ дурно.

— Я ненавижу васъ!—говорю я голосомъ, дрожащимъ отъ волненія.

— Благодарю васъ. И все-таки вы ѣдете къ намъ—къ моей матери, къ моимъ сестрамъ, чтобы стать въ концѣ-концовъ Ниной Доуровой. Такъ суждено свыше. Такова судьба!

Въ отвѣтъ я только стискиваю зубы и сплетаю пальцы такъ, что они хрустятъ по суставамъ.

— Что вы хотите сдѣлать съ Керимомъ? Зачѣмъ хотите вернуться въ замокъ бабушки?—спрашиваю я черезъ минуту, впиваясь лихорадочнымъ взглядомъ въ лицо моего спутника.

— Очень понятно зачѣмъ. Чтобы взять Керима, отвезти его въ Тифлисъ и сдать его властямъ. Надо взять казаковъ на обратномъ пути. Одному, пожалуй, не справиться съ разбойникомъ.

— Но вы не причините ему никакого вреда, Доуровъ?—прошептала я.

— А это будетъ зависѣть отъ васъ, милая княжна: если вы будете повиноваться мнѣ и моей матери, если будете любезны съ нами,—даю вамъ честное слово, вашего разбойника не тронутъ и пальцемъ и доставятъ цѣлымъ и невредимымъ тифлисскимъ властямъ. Если-же...—и его глаза краснорѣчиво договорили то, чего не досказалъ языкъ этого гнуснаго человѣка.

Онъ смѣетъ еще издѣваться надо мною, онъ!.. О! этого я не допущу!

И быстрымъ движеніемъ я вскочила на ноги и выпрямилась во весь ростъ въ коляскѣ.

— Я выскочу сію минуту въ Терекъ, если вы...— прошипѣла я, захлебываясь отъ гнѣва.

— Но, но, не такъ скоро, милая княжна,—произнесъ онъ сурово, нахмуря брови,—помните, что вы въ моихъ рукахъ и...

Но я не помнила и не хотѣла помнить ничего, кромѣ того, что должна спастись, должна вырваться изъ рукъ Доурова во что-бы то ни стало. И, не размышляя долго, я соскочила на подножку, оттуда—на дорогу и понеслась во всю прыть по направленію Терека.

Громкій крикъ злобы, негодованія и гнѣва раздался за моими плечами. Въ то-же время свистнулъ кнутъ, ударившій о чахлыя спины коней, и коляска понеслась за мной во весь духъ.

Я чувствовала и сознавала, что въ слѣдующую-же минуту она нагонитъ меня.

— Княжна Нина! Княжна Нина!—кричалъ внѣ себя Доуровъ,—остановитесь!

Но я ничего не слышала. Ничего не хотѣла слушать. Я знала только одно: надо уйти, убѣжать, во что-бы то ни стало. И я бѣжала, бѣжала, сколько было силы и скорости въ моихъ быстрыхъ ногахъ.

Вотъ, я ясно слышала, какъ остановилась коляска,

какъ Доуровъ выскочилъ изъ нея, какъ устремился вслѣдъ за мною. Вотъ онъ уже настигаетъ меня, вотъ хватаетъ за руки, и вдругъ новый топотъ лошадей и стукъ коляски чуть слышно доносится до моего слуха.

Очевидно, навстрѣчу къ намъ, скрытая сосѣдними утесами, ѣдетъ другая коляска. Я хочу прислушаться, хочу дождаться, но мой спутникъ, схвативъ меня подъ руку, увлекаетъ за собою къ экипажу.

— Ѣдемъ-же, ѣдемъ, княжна!—твердитъ онъ,—не надо быть упрямой, не надо быть ребенкомъ.

Но я не слушаю его. Я вся рвусь туда, впередъ, откуда слышится топотъ коней и стукъ экипажа, чувствую инстинктивно, что тамъ мое спасеніе.

— Скорѣй! Сюда, скорѣй! Спасите!—срывается съ моихъ губъ крикъ, полный протеста и надежды.

— Но это безуміе! Безуміе! Что вы дѣлаете? Зачѣмъ вы кричите?—шипитъ подлѣ меня ненавистный голосъ, и Доуровъ старается усадить меня въ фаэтонъ.

Николай взмахиваетъ кнутомъ; лошади прибавляютъ ходу, коляска поворачиваетъ назадъ... Минута... еще одна минута, и желанное спасеніе останется далеко позади.

— Нина! Нина! Вы-ли это?—раздается въ этотъ мигъ голосъ за моими плечами. Внѣ себя я вскакиваю, оборачиваюсь назадъ. Такъ и есть. Не даромъ я ждала спасенія. Это они—они, мои дорогіе! Въ настигающей насъ чужой колескѣ я вижу ихъ: Люду и кузена Андро!..

Они здѣсь, за моей спиной! Я протягиваю руки впередъ, откидываю вуаль и кричу во весь голосъ:

— Люда! Андро! Ко мнѣ! Сюда, скорѣе!

Потомъ все какъ-то разомъ смѣшивается въ моихъ глазахъ—и небо, и Терекъ, и длинная, узкая, какъ змѣя, дорога...

Почва уходитъ изъ-подъ ногъ, небо падаетъ на землю, земля разверзается подо мною, и я падаю навзничь, тяжело ударившись головою о кузовъ коляски...

За сѣрыми стѣнами.

ГЛАВА I.

Я—институтка.

МЯГКО, эластично подпрыгивая, карета подкатила къ подъѣзду большого, непривѣтливаго петербургскаго дома. Было темно и непривѣтно въ чуть освѣщенной фонарями длинной аллеѣ, идущей вдоль большого сѣраго зданія. Швейцаръ въ красной ливреѣ принялъ меня изъ экипажа.

Потомъ онъ помогъ выйти Людѣ.

— Барышня Влассовская! Наконецъ-то! — искренно-радостнымъ звукомъ сорвалось съ его губъ.

— Узнали, Петръ?—ласково кивая ему, спросила моя названная сестра.

— Какъ не узнать, какъ не узнать!—заторопился онъ.—Совсѣмъ не перемѣнились, барышня. Если-бы даже мнѣ и не сказали, что вы пріѣдете—узналъ-бы.

Какъ же! Вѣдь про васъ, барышня, и до сихъ поръ въ нашемъ институтѣ все разговоры идутъ, вспоминаютъ васъ часто. Васъ да покойную княжну Нину Джаваха—царство ей небесное!.. Никого такъ долго не помнятъ, какъ васъ... Спросите любую барышню въ институтѣ—всѣ знаютъ по разсказамъ барышню Власовскую... И не видно, что шестнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ отъ насъ уѣхали. Такія-же, какъ въ день выпуска, остались... Право!.. Новенькую барышню намъ привезли?—бросивъ взглядъ въ мою сторону, закончилъ онъ рѣчь вопросомъ.

— Да, новенькую. Можно къ баронессѣ?—прервала его изліянія моя нареченная сестра, снимая пальто и шляпу.

— Какъ-же, какъ-же, сію минуту. Ихъ превосходительство ждали васъ уже утромъ. Телеграмма вчера отъ васъ получена. Пожалуйте, я васъ проведу къ баронессѣ.

И, сдѣлавъ намъ знакъ слѣдовать за нимъ, онъ пошелъ впередъ, мягко ступая по гладко отполированному паркету.

Сначала я увидѣла узкую, длинную комнату съ деревянными скамьями и роялемъ у окна, потомъ мы вошли въ зеленую пріемную съ мягкой мебелью и высокими зеркалами и, наконецъ, таинственно кивнувъ намъ головой, Петръ пріоткрылъ массивную дверь, завѣшанную тяжелой бархатной портьерой.

— Люда, mon adorée!—послышался въ ту-же минуту низкій бархатный голосъ, и высокая, полная дама съ красивымъ, строгимъ, далеко не старымъ лицомъ открыла ей объятія.

Люда, со свойственнымъ ей одной необычайно мягкимъ движеніемъ, скользнула впередъ и упала въ эти объятія.

Баронесса Нольденъ, начальница института, знала Люду еще шестнадцать лѣтъ тому назадъ, когда, состоя фрейлиной одной изъ августѣйшихъ покровительницъ института, пріѣзжала туда еженедѣльно. Люда Влассовская пользовалась исключительнымъ расположеніемъ баронессы.

И теперь, ставъ во главѣ института, баронесса съ распростертыми объятіями приняла свою бывшую любимицу.

— Очень, очень рада видѣть васъ, дорогая Люда!—произнесла она между поцѣлуями, обильно сыпавшимися на блѣдныя щечки моей названной сестры.

Когда первый взрывъ радости миновалъ, послѣдняя схватила меня за руку и подвела къ начальницѣ:

— Вотъ моя воспитанница Нина, баронесса. Прошу любить и жаловать... Нина,—обратилась она затѣмъ ко мнѣ,—поцѣлуй-же ручку maman.

Но вмѣсто того, чтобы исполнить ея приказаніе, я стояла, не двигаясь, на одномъ мѣстѣ и во всѣ глаза смотрѣла на баронессу.

Цѣловать руки? Мнѣ? Княжнѣ Джаваха, Нинѣ бекъ-Израилъ, цѣловать руку какой-то остзейской баронессы, потому только, что она имѣетъ счастье быть начальницей того учебнаго заведенія, куда я поступаю на годъ, благодаря хлопотамъ той-же Люды! Нѣтъ, это уже слишкомъ!

— Нина! Нина!—шепчетъ между тѣмъ Люда въ неизъяснимой тоскѣ,—ты мнѣ погубишь все дѣло! Полно, Нина, дорогая моя, хорошая! Вѣдь тебя приняли по добротѣ баронессы, вѣдь нѣтъ правила принимать въ старшій, выпускной классъ. Пойми-же, Нина, пойми!—волнуясь, продолжаетъ шептать мнѣ Люда.

— Меня не даромъ приняли!—отвѣчаю я ей запальчивымъ шопотомъ,—и ты это отлично знаешь. А если это такое ужь благодѣяніе, какъ ты говоришь,—возражаю я ей, въ то время какъ она блѣднѣетъ отъ ужаса, предугадывая новую необыкновенную выходку съ моей стороны,—то изволь, я готова поблагодарить баронессу, только не тѣмъ путемъ, какимъ ты мнѣ рекомендуешь.

И, прежде чѣмъ Люда могла опомниться и предупредить мой замыселъ, я съ подобающей торжественностью выступила впередъ, держась кончиками пальцевъ за складки моего траурнаго платья и, низко присѣдая передъ начальницей института, произнесла самымъ высокопарнымъ тономъ, какой только имѣлся въ моемъ распоряженіи:

— J'ai bien l'honneur de vous remercier, madame la baronne (имѣю честь поблагодарить васъ, баронесса).

Что-то неуловимое, какъ бѣгъ зарницы, промелькнуло въ разомъ заискрившихся черныхъ, умныхъ глазахъ баронессы и разлилось по ея энергичному лицу. Не знаю, что это было, но это что-то разомъ прорвало всякую грань натянутости и этикета между прирожденной столичной аристократкой и вольной, свободной татаркой-княжной.

— Но она прелестна, твоя воспитанница, chère Люда! Такая непосредственность!—успѣла шепнуть баронесса, съ нескрываемымъ одобреніемъ скользнувъ по моей фигурѣ своимъ смѣлымъ, чуть насмѣшливымъ взглядомъ.

— Нѣтъ! Вы—прелесть! Вы, а не я!—вскричала я на всю комнату,—и если весь институтъ таковъ, какъ его начальница, то я очень раскаиваюсь, что не поступила туда на семь лѣтъ раньше. Руку, баронесса! Дайте мнѣ руку! Я не сомнѣваюсь, что мы будемъ друзьями на всю жизнь.

И, быстро подбѣжавъ къ баронессѣ, я протянула ей руку, смѣло и твердо глядя ей прямо въ лицо.

Люда помертвѣла. Люда позеленѣла. Потомъ блѣдное лицо Люды покрылось пятнами багроваго румянца.

— Нина! Нина!—прошептала она мнѣ съ смертельнымъ ужасомъ, готовая упасть въ обморокъ.

Но что мнѣ было до Люды, когда все мое вниманіе было занято мыслью: откликнется-ли баронесса на мой призывъ или нѣтъ? И баронесса откликнулась. Она положила на мою загорѣлую и загрубѣлую отъ постояннаго управленія поводомъ ладонь свою холеную, тонкую, благоухающую руку и произнесла твердо, въ то время какъ въ уголкахъ ея губъ змѣился смѣхъ, смѣхъ, конечно, по адресу волненія Люды, иначе я его объяснить не могла:

— Да, Нина бекъ-Израилъ, мы будемъ съ вами друзьями! Я въ этомъ увѣрена.

И нѣжная аристократическая ручка крѣпко пожала мою грубую, шаршавую ладонь.

— Ага! Что взяла?!—не могла не уязвить я тутъ-же мою названную сестру,—а ты: ручки цѣлуй да въ благодарностяхъ разсыпайся. Какъ-же! Никому въ жизни я рукъ не цѣловала, кромѣ покойнаго папы, и цѣловать не буду. Да, не буду! А баронесса—прелесть, а не какое-нибудь чучело и отлично поймете всѣ мои душевныя побужденія! Молодецъ баронесса!

И съ этими словами я обвила шею начальницы моими сильными руками и крѣпко и звучно чмокнула ее въ самый ротъ.

Если за минуту до этого Люда была только близка къ обмороку, то сейчасъ она должна была-бы упасть безъ чувствъ непремѣнно, если-бы баронесса Нольденъ, очень сочувственно отвѣтившая на мой поцѣлуй, не по-

спѣшила покончить съ этой оригинальной сценой, сказавъ, что пора отвести молоденькую бекъ-Израилъ, то есть меня, къ подругамъ, которыя уже поднялись въ дортуаръ, находящійся въ верхнемъ этажѣ института.

— А вы, душа моя,—присовокупила начальница, обращаясь къ Людѣ, — пойдете тотчасъ же къ вашимъ малюткамъ, чтобы сегодня же вступить въ отправленіе вашихъ новыхъ обязанностей, а то у нихъ, за неимѣніемъ дамы, дежуритъ пепиньерка. Въ моей рекомендаціи вы не нуждаетесь. За эти шестнадцать лѣтъ еще не угасла память о примѣрнѣйшей и лучшей ученицѣ Людмилѣ Власовской, бывшей когда-то въ стѣнахъ нашего института. Съ Богомъ, дитя мое,—прибавила баронесса.—Вашъ путь не легокъ. Принимать самое живое участіе въ воспитаніи тридцати пяти существъ и создать изъ маленькихъ крошекъ на протяженіи семи лѣтъ честныхъ и хорошихъ труженицъ-гражданокъ далеко не легкая задача. Но вы—Людмила Власовская, а не кто другой, и я спокойно ввѣряю вамъ мое стадо. Съ Богомъ, Люда!

Перекрестивъ мою названную сестру, баронесса поцѣловала ее въ лобъ и потомъ, уже совсѣмъ другимъ тономъ, обратилась ко мнѣ:

— Ну, а теперь пойдемъ и мы!

И, взявъ меня за руку, вывела изъ пріемной.

Длинные, безконечные коридоры, освѣщенные лишь на концахъ рѣдкими электрическими лампочками, безко-

нечной лентой потянулись передо мною. Миновавъ одинъ изъ нихъ, мы поднялись по широкой, роскошной лѣстницѣ мимо двухъ другихъ коридоровъ и вошли въ третій, верхній, находившійся въ четвертомъ этажѣ зданія, направо отъ широкой площадки, гдѣ были церковныя двери домашней церкви института.

— Классы уже разошлись по дортуарамъ,—нашла нужнымъ сообщить мнѣ начальница и отворила какую-то дверь.

Громкое, назойливое, ни на секунду не прерываемое жужжаніе сразу оглушило меня. Точно милліарды пчелъ слетѣлись на майскій праздникъ, оглашая воздухъ своей однотонной пѣсенкой. Комната, куда мы вошли, исполняла, очевидно, роль умывальной, потому что къ правой ея стѣнѣ были прикрѣплены краны. Нѣсколько дѣвушекъ, возрастомъ отъ 16-ти до 19-ти лѣтъ, плескались у кранова, наскоро переговариваясь между собою. На нихъ были надѣты короткія холщевыя юбочки и остроконечные колпачки, несказанно безобразившіе всѣ эти юныя лица.

Увидя меня и мою спутницу, мывшіяся дѣвочки разомъ встрепенулись, отскочили отъ мѣдныхъ кранова и, вытянувшись въ линію, присѣли чуть не до земли, дружно произнося въ одинъ голосъ:

— Bonsoir, maman!

Я взглянула на начальницу и не узнала въ этомъ разомъ измѣнившемся, какъ-бы закаменѣвшемъ лицѣ

прежнія, чуть насмѣшливыя и ласковыя черты баронессы. Она была теперь олицетвореніе строгости и дисциплины.

— Bonsoir, maman! — эхомъ откликнулось большое число дѣвочекъ, находящихся въ дортуарѣ, въ большой, длинной комнатѣ, похожей на казарму, съ двумя рядами кроватей, поставленныхъ изголовьями одна къ другой. Но не казарма-комната и не безчисленныя постели привлекли мое вниманіе. Цѣлая толпа дѣвушекъ-подростковъ, одѣтыхъ кто въ холщевыя юбочки, кофточки и колпачки, кто въ зеленыхъ камлотовыхъ платьяхъ, бѣлыхъ передникахъ и пелеринкахъ, подступила къ намъ со всѣхъ сторонъ, почтительно присѣдая передъ баронессой и устремляя на меня искрящіеся любопытствомъ глаза. И бѣлыя и зеленыя фигурки плотной стѣной обступили меня и начальницу. Жужжанье прервалось въ одну минуту, какъ по мановенію волшебнаго жезла, и въ дортуарѣ воцарилась могильная тишина.

— Mesdames! — особенно четко и звучно раздался среди этой тишины голосъ начальницы,—en voilà une nouvelle amie pour vous (вотъ вамъ новая подруга). Прошу не обижать ее, она названная сестра всѣмъ вамъ хорошо извѣстной m-lle Влассовской, которая сегодня поступаетъ классной дамой къ седьмымъ. Къ тому-же Нина бекъ-Израилъ круглая сирота... Круглая сирота, понимаете?—подчеркнула баронесса Нольденъ умышленно.—Впрочемъ, что я говорю вамъ это? Вы—взрослыя

барышни и вполнѣ сочувственно отнесетесь къ вашей новой подругѣ. Бекъ-Израилъ истинное дитя Кавказскихъ горъ и должна отличаться во многомъ отъ васъ, вполнѣ законченныхъ въ дѣлѣ воспитанія барышень, но вы должны быть снисходительны къ ней... вы должны...

Что такое? „Снисходительными“ ко мнѣ?

„Милая баронесса, я не нуждаюсь въ снисхожденіи“... хотѣлось мнѣ выкрикнуть моей непрошенной покровительницѣ, но въ ту минуту, какъ я раскрыла уже было ротъ, съ цѣлью подтвердить это, передо мною предстало что-то необычайное, длинное, гадкое и костлявое, притомъ худое, какъ скелетъ, въ синемъ платьѣ, въ которомъ, какъ въ мѣшкѣ, болталось все существо этого страннаго урода.

— M-lle Арно, вотъ вамъ новая воспитанница. Прошу любить и жаловать,—произнесла съ любезной улыбкой баронесса, протягивая руку отвратительному синему привидѣнію,—а затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, прибавила:

— M-lle Арно—классная наставница выпускного класса, т.-е. ближайшая ваша начальница, милое дитя, и вы должны ей во всемъ подчиняться, какъ и всѣ воспитанницы этого класса.

Я еще въ первый разъ въ жизни видѣла передъ собою классную наставницу и первый же разъ увидѣла m-lle Арно. Но я хорошо знала ее по воспоминаніямъ Люды. Вѣдь она была въ свое время и ея воспитательницею!..

Въ то время какъ я старалась разглядѣть эту „длинную вѣшалку въ синемъ“ (какой въ моемъ воображеніи представлялась m-lle Арно), она почтительно присѣла передъ баронессой, какъ это только что сдѣлали за минуту до этого всѣ бѣлыя и зеленыя дѣвочки.

Нечего сказать—граціозный былъ этотъ поклонъ!

Потомъ она обратилась ко мнѣ и прошипѣвъ:—Soyez la bienvenue, chère enfant! (добро пожаловать, милое дитя),—подала мнѣ руку.

Я едва прикоснулась къ ея холоднымъ и скользкимъ пальцамъ, напомнившимъ мнѣ прикосновеніе лягушки, и тотчасъ-же вырвала свою руку изъ ея костлявой, холодно-скользкой руки. Арно могла замѣтить при этомъ выраженіе гадливости, ясно отпечатлѣвшееся на моемъ лицѣ.

Она значительно поджала губы и произнесла сухимъ, деревяннымъ тономъ:

— Мы ждали вашего пріѣзда. Вотъ ваша постель, m-lle. Спать вы будете вотъ здѣсь, а сидѣть въ классѣ съ Мариной Волховскою. Она лучшая ученица класса и поможетъ вамъ въ томъ, въ чемъ вы не особенно тверды.

— Очень рада, потому что я далеко не тверда во многомъ, — произнесла я непринужденно, при чемъ успѣла замѣтить, какое испуганное выраженіе приняло лицо привидѣнія, какъ я мысленно окрестила длинную даму.

— Ну, а теперь спокойной ночи, дѣти! Мнѣ пора идти,—вставила свое слово баронесса и, погладивъ меня по головѣ, какъ ребенка, величественно направилась къ выходу въ сопровожденіи классной дамы.

Я осталась одна среди цѣлой толпы бѣлыхъ и зеленыхъ дѣвочекъ.

ГЛАВА II.

Знакомство.—Неожиданный недругъ.

— Какіе у васъ прелестные волосы!

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Какъ? Только шестнадцать? Неужели шестнадцать? Такъ вы почти самая младшая въ классѣ. Одна Лазарева однолѣтка съ вами. Женя Лазарева! Женька! Женишокъ! Гдѣ ты? Только ей одной шестнадцать лѣтъ будетъ скоро, а мы всѣ старше васъ обѣихъ.

— Maman говоритъ, вы сиротка!

— Это ужасно! Ахъ, мнѣ васъ жаль!—послышался среди общихъ возгласовъ и гама разспросовъ чей-то нѣжный голосокъ.

Я быстро оглянулась. Прелестное бѣлокурое личико было поднято на меня съ явнымъ сочувствіемъ. Голубые глаза сіяли лаской. Дѣвочка была мала и миніатюрна, какъ фарфоровая куколка.

— Женя Лазарева,—назвалась она.

— Женька—молодецъ, прелесть! Она у насъ самая чувствительная. Сиротъ и мышей любитъ и жалѣетъ больше всего на свѣтѣ! Мы ее такъ и прозвали Мышка.

Тиха, покорна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива...

—продекламировала съ паѳосомъ высокая, рослая дѣвушка съ румяными щеками, черными огненными глазами и пышной, какъ корабельный канатъ, толстой косой.

— Позвольте отрекомендоваться: Шупенко, казачка Ростово-Донская, или просто „Маша“ — по имени и „Казачка“ — по прозвищу. Донъ свой люблю и васъ любить буду.

И полной, сильной, крупной рукою она тряхнула мою руку.

— Да, да, всѣ мы любить васъ будемъ!—послышался чей-то нѣжный голосокъ.

— Ну, Милка Перская всѣхъ любитъ, не отъ сердца только, а по привычкѣ,—покрылъ раздавшееся восклицаніе новый возгласъ, и высокая, рябая, энергичная по виду дѣвушка выступила впередъ.—Эмиліи всегда всѣмъ восторгаться надо. Безъ этого не проживетъ. Она у насъ леденчикъ. Такъ и таетъ, такъ и таетъ. Смотришь—и нѣтъ ничего, растаяла совсѣмъ...

— Ну, ужь ты, пожалуйста, Волховская, — обидѣлась рыженькая дѣвочка съ большими влажными глазами.

Я невольно обратила вниманіе на Волховскую: прямыя рѣзкія черты, упрямая складка у губъ, взоръ энергичный и открытый.

„Такъ вотъ она какова—первая ученица, представительница выпускныхъ!“—вихремъ промелькнуло у меня въ головѣ.

— Новенькая? Гдѣ новенькая? Maman, говорятъ, новенькую привела!—послышались три-четыре новыхъ голоса, и откуда-то появилась новая группа дѣвочекъ.

— Лида! Лида!—покрыли эти возгласы голоса находившихся въ дортуарѣ,—что-же такъ долго, Лида?

— Мы экзерсировались. „Блоха“ заставила. Все къ soirée готовимся. До десятаго поту!—послышался сильный, звучный дѣвичій голосъ.

И въ ту-же минуту, самымъ безцеремоннымъ образомъ расталкивая окружавшихъ меня дѣвочекъ, новая воспитанница ворвалась въ нашъ кругъ.

Я невольно подалась назадъ. Нельзя сказать, чтобы влетѣвшая, какъ пуля, въ нашъ кружокъ институтка была красива или даже мила. Нѣтъ. Предо мною была стройная, небольшого роста дѣвушка-подростокъ лѣтъ 17-ти, съ коротко остриженными темными, вьющимися, какъ у мальчика, волосами, съ тонкими подвижными бровями, съ большими насмѣшливыми, чуть сощуренными зеленовато-сѣрыми глазами, съ гордымъ, вызывающимъ и первнымъ лицомъ. Нѣсколько крупныя и полныя губы ея дерзко улыбались, а зеленовато-сѣрые

глаза уставились на меня съ выраженіемъ самаго безстѣнчиваго любопытства. Не знаю почему, но сердце мое сразу заговорило въ пользу зеленоглазой дѣвушки съ короткими кудрями. Она, однако, казалось, не раздѣляла моей симпатіи, потому что сквозь упорное любопытство, проглядывающее въ ея искрящемся взорѣ, сказывалось какое-то тайное недоброжелательство по отношенію ко мнѣ.

— Бароночка, тебѣ не нравится новенькая?—шепнула подлѣ нея одна изъ вновь прибывшихъ съ нею воспитанницъ.—Говори же, душечка-бароночка...

— Игренева, опять! Сколько разъ надо повторять тебѣ, что мы вышли изъ того возраста, когда въ пору называть другъ друга кисками, душками, мушками, блошками... Почему не клопиками, таракашками, мокричками и пр. и пр.? Брръ! Презираю! Наивно и смѣшно. Меня, по крайней мѣрѣ, избавьте отъ всего этого!—раздраженно проговорила зеленоглазая дѣвочка.

— Рады стараться, превосходительная баронесса!—пискнулъ гдѣ-то дразнящій голосъ.

— Коткова! Вы глупы, если не можете понять этого!

И зеленоглазая дѣвочка бросила грозный взглядъ куда-то въ сторону. Зрачки ея расширились. Блѣдныя щеки покрылись румянцемъ.

— Баронесса, не злитесь!—крикнулъ чей-то голосъ позади толпы.

— Я и не злюсь!—горячо выкрикнула послѣдняя.— На васъ всѣхъ злиться было-бы по меньшей мѣрѣ... оплошностью съ моей стороны. Ну, да не въ томъ дѣло!—махнула она рукой, и презрительная улыбка чуть скривила ея характерныя крупныя губы.—Какъ ваша фамилія?—неожиданно обратилась она ко мнѣ.

Я не ожидала этого вопроса. Стройная, блѣдная дѣвочка, показавшаяся мнѣ такой независимой и гордой, съ первой-же минуты встрѣчи очаровала меня. Ея нѣсколько презрительное отношеніе къ остальнымъ, ея оригинальное подвижное лицо и поразительные глаза, изъ которыхъ сіяла цѣлая бездна выраженія, безумно нравились мнѣ. Поэтому я чуточку растерялась, когда она обратилась ко мнѣ.

— Ее зовутъ Ниной бекъ-Израилъ, названной княжной Джаваха,—выскочивъ впередъ, отвѣтила за меня Эмилія Перская.

— Развѣ вы нѣмы, что даете отвѣчать за себя?—не обративъ ни малѣйшаго вниманія на рыженькую польку и сощуривъ свои зеленые глаза, снова спросила Лидія Рамзай.

— Бекъ-Израилъ!—произнесла я громко, смѣло глядя прямо въ зеленые глаза дѣвочки.

— А при чемъ-же тутъ „названная княжна Джаваха?“—не спуская съ меня взгляда, спросила она.

— Моего названнаго отца и дядю звали такъ, и на Кавказѣ меня знали всѣ подъ этой фамиліей. Мои предки...

— Да, наши предки Римъ спасли!—разсмѣялась мнѣ прямо въ лицо странная дѣвочка, заставивъ меня вспыхнуть отъ незаслуженной обиды.

Баронесса, казалось, тутъ-же совсѣмъ позабыла обо мнѣ.

— Соня! Пудъ! Пудъ! Пудъ!—кричала она проходившей полной, высокой, апатичной дѣвушкѣ съ вялымъ одутловатымъ лицомъ, вполнѣ оправдывающей свою фамилію.—Ты знаешь басню Крылова „Гуси“? „Мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать“... Если помнишь, продекламируй новенькой...

— Я не нуждаюсь въ этомъ,—разомъ закипая гнѣвомъ, вскричала я,—слышите ли, не нуждаюсь! И потомъ, вашъ примѣръ неудаченъ. Если вы хотите острить, то должны по крайней мѣрѣ попросить кого-нибудь, чтобы вамъ объяснили смыслъ басни, про которую вы упомянули. Крыловскіе гуси кичились своими доблестными предками, а я...

— А вы кичитесь происхожденіемъ вашего названнаго отца, госпожа самозванная княжна. Не все-ли это равно!—насмѣшливо выкрикнула мнѣ Лидія.

— Вы лжете! Вы лжете! И если вы еще одно слово скажете, я не ручаюсь за себя!—вскричала я, бросаясь къ кудрявой баронессѣ.

Но въ эту минуту на порогѣ дортуара вновь появилось костлявое привидѣніе, именуемое классной дамой, m-elle Арно.

— Какъ, еще не въ постеляхъ?—уныло удивилась она и тотчасъ-же захлопала въ ладоши, аккомпанируя своему шипящему голосу:

— Спать, m-elles, спать! Il est temps de se coucher (пора ложиться).

— M-elle Арно! Я забыла, какъ жаба по-французски?—послышался изъ одного угла преувеличенно кроткій голосъ Тони Котковой.

— Le crapaud,—отвѣтила m-elle Арно, не подозрѣвая еще всей соли настоящей выходки.

— А лягушка?—послышалось изъ противоположнаго угла.

— La grenouille,—снова отвѣтила эта невольная мученица въ синемъ форменномъ платьѣ.

— А есть синія лягушки, m-elle Арно?—послѣ небольшой паузы раздался снова задорный голосокъ Котковой.

— M-elle Cotcoff, vous serez sévèrement punie (вы будете наказаны)!—разомъ почуявъ выходку, прошипѣла та, вся зеленая отъ злости.

— А синія привидѣнія есть?—давясь отъ смѣха, вторила шалуньѣ Котковой вторая шалунья по классу Даля Игренева.

Дѣвочки, успѣвшія уже улечься по своимъ постелямъ, сдержанно фыркали въ подушки.

— Спать! Спать!—отчаянно завопила несчастная Арно, предугадывая начало травли и съ безнадежнымъ видомъ заметалась по дортуару.

Я протянула ей руку...

Я легла на узкую, жесткую кровать подъ холодное нанковое одѣяло, предварительно закрутивъ вокругъ головы мои длинныя косы и запрятавъ ихъ подъ ночной чепецъ. Моя постель была крайнею отъ дверей умывальни. Подлѣ меня лежала рыженькая Перская.

Эта дѣвочка казалась мнѣ симпатичнѣе другихъ, и я была довольна сосѣдствомъ съ ней. Когда свѣтъ въ лампѣ былъ собственноручно уменьшенъ взгромоздившейся на табуретъ m-elle Арно, и классная дама „испарилась“, по выраженію институтокъ, въ сосѣднюю съ дортуаромъ свою комнату, я услышала тихій, чуть внятный шопотъ подлѣ себя:

— Бекъ-Израилъ! Бекъ-Израилъ, вы спите?

— Нѣтъ, а что?—поспѣшила я отозваться.

— Не спите, Израилъ, не спите! Мнѣ такъ хочется поговорить съ вами,—залепетала рыженькая Перская.— Вы не сердитесь, Израилъ, что я къ вамъ „лѣзу“ по первому слову. Но я не „подлизываюсь“. Ей Богу-же, нѣтъ! Хотите, перекрещусь! Вотъ!

И, прежде чѣмъ я могла остановить дѣвочку, она поспѣшно извлекла изъ-за ворота сорочки бѣлое костяное распятіе и набожно приложилась къ нему губами.

— Вотъ,—торжествуя заключила она,—вотъ! Теперь вы не имѣете права мнѣ не вѣрить. Клянусь вамъ Богомъ, Израилъ, вы мнѣ понравились съ перваго взгляда.

Такъ понравились, что ужасъ! Я обожаю Лермонтова... Башню Тамары помните у него?

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя на темной скалѣ...

Дѣвочка продекламировала съ большой выразительностью, и ея большіе каріе глаза загорѣлись во мракѣ. Потомъ она подхватила съ жаромъ:

— Вы точно Тамара, Израилъ, настоящая Лермонтовская Тамара. И такая же красавица! О васъ уже давно говорилось въ институтѣ...

— Что-же говорилось?—полюбопытствовала я.

— Говорили, что новенькая поступитъ особенная. Что у нея, у васъ то-есть, преромантичная судьба. Что родители ваши были татары изъ аула, что они бѣжали, крестились, потомъ погибли въ горахъ. Правда это?

— Да, правда, все это правда,—вздохнула я.

— Правда! Іисусъ, Марія!

И, прежде чѣмъ я могла опомниться, рыженькая полька перепрыгнула ко мнѣ на кровать и залепетала, цѣлуя мое лицо, волосы и щеки:

— Милая! Милая! Милая! Сколько вы испытали! Позвольте мнѣ обожать васъ! Я обожаю все особенное, романтическое... Я... васъ... только никому не скажете? нѣтъ?... Такъ я вамъ тайну открою, большую тайну. Побожитесь только, что ни одна душа не узнаетъ о ней!

Она такъ крѣпко сжимала въ восторженномъ порывѣ мои пальцы своими захолодѣвшими руками, ея огромные влажные глаза такъ умоляюще глядѣли мнѣ въ душу, что я невольно поддалась порыву этой смѣшной восторженной дѣвочки и обѣщала ей клятвенно никому не говорить о ея тайнѣ.

Едва дослушавъ мое обѣщаніе, она стремительно наклонилась ко мнѣ и зашептала мнѣ на ухо:

— Ахъ, Израилъ, это такая тайна, такая, слушайте! Ни одна душа еще не знаетъ объ этомъ. Я пишу стихи, Израилъ. Я—поэтесса.

И она упала головой мнѣ на плечо, тихо плача и всхлипывая отъ избытка чувствъ, овладѣвшихъ ею.

Потомъ, помолчавъ съ минуту, она заговорила снова:

— Вы презираете меня, Израилъ? О, да, конечно, презираете въ глубинѣ души. Но я васъ люблю, Израилъ! Моя душечка! Моя Тамара! Я хочу подружиться съ вами. Хочу быть вашей подругой. Вы мнѣ не откажете въ этомъ, милая, добрая, красавица моя?

Голосъ дѣвочки дрожалъ искреннимъ чувствомъ. Она была вполнѣ чистосердечна, эта маленькая рыженькая Перская съ ея восхищенными глазками и восторженной душой. Она была восторженна, а я одинока въ этомъ большомъ темномъ дортуарѣ среди чуждыхъ мнѣ по духу тридцати дѣвочекъ. Другого выбора не было и потому, отчасти не желая оскорбить вполнѣ сочувствую-

щую мнѣ дѣвочку, отчасти признавая свое одиночество, я протянула ей руку со словами:

— Охотно принимаю вашу дружбу, Мила, и постараюсь быть хорошимъ и вѣрнымъ другомъ для васъ.

— Для тебя!—поправила дѣвочка и бросилась меня цѣловать.

— Для тебя!—повторила я съ улыбкой, и союзъ дружбы былъ заключенъ.

ГЛАВА III.

Какъ я очутилась за сѣрыми стѣнами.—Сонъ.—Травля.

ПРОШЛО около шести мѣсяцевъ послѣ того, какъ за моими плечами раздались громкіе крики Люды и Андро, заставившіе забиться надеждою мое израненное сердце.

Князь Андро и Люда, мои спасители, поспѣли вовремя. Въ ту минуту, когда я, обезсиленная и измученная пережитыми волненіями, упала безъ чувствъ, тяжело ударившись о кузовъ коляски, экипажъ моихъ друзей настигъ насъ. Князь Андро безъ всякихъ объясненій перенесъ меня къ себѣ въ коляску, въ то время, какъ сконфуженный до-нельзя Доуровъ давалъ нелѣпыя, наивныя объясненія моимъ друзьямъ. Потомъ меня повезли въ Гори, въ домъ князя Соврадзе.

Люда, Андро, Тамара наперерывъ ухаживали за мною. Они точно задались мыслью вознаградить меня

своими заботами и ласками за все время моего пребыванія у бабушки,—время, въ которое я была такъ безжалостно лишена ихъ. Пережитыя волненія не прошли даромъ: я заболѣла.

Въ бреду я часто повторяла имена бабушки, Доурова, Гуль-Гуль, Керима... Я передавала цѣлыя сцены изъ пережитаго мною, какъ это часто случается съ трудно больными. Изъ моихъ горячечныхъ словъ выплыла истина, несказанно поразившая моихъ близкихъ друзей.

И тутъ-то, подъ впечатлѣніемъ этой истины, у Люды и созрѣло непоколебимое рѣшеніе не разлучаться больше со мною никогда, ни подъ какимъ видомъ.

— Бѣдная Нина, какъ ты настрадалась!—было первыми словами моей названной сестры, когда я послѣ тяжелой болѣзни впервые открыла глаза.

Прошло съ мѣсяцъ времени, пока я не оправилась совершенно и не почувствовала себя вполнѣ бодро и спокойно.

Тогда только Люда сообщила мнѣ о своемъ рѣшеніи. Мое возвращеніе къ бабушкѣ было теперь немыслимо. Никто не могъ-бы поручиться за то, что она вторично не сдала бы меня на руки ненавистному Доурову. Но отъ ея опеки избавиться было также нельзя вплоть до моего совершеннолѣтія. И вотъ что придумала Люда. Она отправилась къ бабушкѣ и стала убѣждать ее, какъ необходимо, чтобъ я хотя одинъ годъ пробыла въ институтѣ, среди чужихъ людей, въ кругу благовоспитан-

ныхъ дѣвицъ, вліяніе которыхъ будто-бы отразилось бы на моемъ, по выраженію бабушки, „невозможномъ характерѣ“. При этомъ Люда обѣщала подготовить меня такъ, чтобъ я могла поступить прямо въ выпускной классъ и самой похлопотать, чтобы меня приняли. Бабушка сначала и слышать не хотѣла объ отъѣздѣ моемъ въ институтъ. Она десять разъ повторяла, что „на ея совѣсти лежитъ воспитаніе внучки и поэтому она сама лично должна наблюдать надъ его ходомъ и не можетъ довѣрить меня чужимъ людямъ, живущимъ за тысячи верстъ, хотя бы эти люди были важныя и опытныя институтскія дамы“. Кромѣ того бабушка твердо рѣшила, что меня „не исправятъ никакіе институты“, что я „въ конецъ испорчена“, что учиться я не способна и т. п. Нужно было обладать терпѣніемъ Люды, чтобы послѣ всѣхъ подобныхъ объясненій все же продолжать убѣждать упрямую, гордую старуху! И Люда въ концѣ-концовъ добилась своего: бабушка понемногу стала уступать, а затѣмъ дала полное свое согласіе.

За все время переговоровъ съ бабушкою, Люда, не говоря никому ни слова, усиленно хлопотала о мѣстѣ классной дамы для себя въ N-скомъ институтѣ въ Петербургѣ, гдѣ она такъ блестяще окончила курсъ шестнадцать лѣтъ тому назадъ и въ которомъ она теперь рѣшила помѣстить и меня. Добрая, милая Люда! Чтобы дать мнѣ возможность завершить мое воспитаніе въ институтѣ, она жертвовала всѣми благами міра, мѣняя

выгодное и пріятное мѣсто въ домѣ богачей Соврадзе на тяжелую и трудную долю институтской классной дамы. Но этимъ она давала мнѣ возможность стать образованной свѣтской барышней, достойной дочерью покойнаго князя, а кромѣ того, не разлучаясь со мною, не лишала меня своего руководительства. Изъ любви къ нашему названному покойному отцу, изъ любви ко мнѣ сдѣлала это моя кроткая, великодушная Люда...

Едва только я оправилась и окрѣпла отъ болѣзни, Люда сообщила мнѣ о предпринятомъ рѣшеніи—о томъ, что я поступаю въ институтъ. Сообщила она мнѣ это, впрочемъ, не сразу, а постепенно подготовляя къ совершенно неожиданному для меня результату ссоры съ бабушкою. Вопреки опасеніямъ Люды, это рѣшеніе вовсе не потрясло меня.

„Лучше въ институтъ, чѣмъ въ неволѣ у бабушки или въ клѣткѣ у Доуровыхъ,—рѣшила я мысленно.—Но главное—вѣдь въ институтѣ я не буду разлучена съ Людой“.

Когда я совсѣмъ поправилась, Люда дѣятельно принялась со мной за работу. Она самымъ безжалостнымъ образомъ муштровала меня по всѣмъ предметамъ и въ пять мѣсяцевъ подготовила меня въ выпускной классъ N-скаго института.

Прошелъ мѣсяцъ, другой—и насталъ срокъ отъѣзда въ институтъ. Какъ ни старалась я казаться равнодушною къ предстоящему отъѣзду, но на самомъ дѣлѣ я

уѣзжала изъ Гори съ тяжелымъ сердцемъ. Я не знала ничего объ участи Керима, Гуль-Гуль и обоихъ дѣдушекъ, находившихся въ аулѣ. Правда, князь Андро сообщилъ мнѣ, что ага-Керимъ бекъ-Джамала сидитъ въ тифлисской тюрьмѣ съ его ближайшими соучастниками, но дальше этого свѣдѣнія Андро не распространялись, и участь моего друга была для меня темна и непроницаема, какъ горные туманы Дагестана...

Все это, начиная съ моего водворенія въ горномъ замкѣ и кончая поступленіемъ въ институтъ, казалось мнѣ теперь похожимъ на какую-то пеструю, фантастическую сказку.

Новыя мѣста, новыя лица, внезапная поклонница въ лицѣ вновь пріобрѣтеннаго друга—рыженькой Перской, и эта блѣдная кудрявая дѣвочка съ зелено-сѣрыми, похожими на морскую волну, глазами, странная, милая, дерзкая дѣвочка... Не во снѣ-ли я все это вижу? Передо мною сѣрыя стѣны дортуара, потонувшія въ полумракѣ, два ряда кроватей и три десятка головъ, обернутыхъ смѣшными бѣлыми колпачками... Я смотрю на смѣшные колпачки, на сѣрыя стѣны и узкія кровати, и вѣки мои тяжелѣютъ, глаза слипаются... Вотъ въ послѣдній разъ мелькаетъ предо мною рыженькая Перская, безмятежно уснувшая въ своей постели... Сѣрыя стѣны темнѣютъ у меня передъ глазами и какъ-бы придвигаются другъ къ другу... Точно черные утесы родныхъ кавказскихъ горъ тѣснятся предо мною. А, можетъ быть, это и есть

утесы? Можетъ быть и высокое мрачное зданіе, и зеленыя и бѣлыя дѣвочки — только сонъ, вѣщій сонъ прежней вольной, свободной Нины Израилъ?

Вдругъ гдѣ-то близко, совсѣмъ близко отъ меня слышится насмѣшливый голосъ, задорно выкрикивающій мнѣ въ уши:

— Названная княжна Джаваха! Самозванка-княжна! Стыдно! Стыдно! Стыдно!

И предо мною мелькаетъ блѣдное лицо съ его зелеными глазами, похожими цвѣтомъ на морскую волну, и мой симпатичный врагъ своей гибкой фигуркой заслоняетъ отъ меня все остальное.

— Лида!—шепчу я помимо собственнаго желанія и воли,—Лида! Почему вы такъ?.. Я всей душой къ вамъ, Лида, а вы... зачѣмъ вы такъ поступаете со мною? Зачѣмъ?

Но тутъ стройная фигурка исчезаетъ, точно расплывается во мракѣ. Надменный голосокъ утихаетъ, а вмѣсто него какой-то шумъ наполняетъ мои уши.

Я разомъ узнаю этотъ шумъ, этотъ гремучій стонъ теченія... Это Терекъ, выбрасывающій своей пѣнящейся стихіей кучу валуновъ съ каменистаго дна.

Это Терекъ! Бурное дитя Кавказа, я узнаю тебя!.. Онъ шумитъ все назойливѣе, все слышнѣе. Онъ разсказываетъ длинную, безконечную, чудную сказку, сказку рѣчныхъ валуновъ съ каменистаго дна... И бѣжитъ, и сердится, и струится... Вотъ уже выдѣляются отдѣльные

звуки изъ его боевой саги... Я слышу звонъ подковъ быстраго кабардинскаго коня, я различаю звонкіе бубенцы тяжеловѣсныхъ муловъ, лѣниво тянущихъ неуклюжую грузинскую арбу. Колокольчики звенятъ... Звенятъ нестерпимо. Этотъ звонъ, однотонный и хорошо знакомый, наполняетъ мои уши, голову, все мое существо. Я вздрагиваю всѣмъ моимъ существомъ и открываю глаза.

Ни арбы, ни муловъ, ни гремучихъ колокольчиковъ, ни пѣнящагося Терека съ его чарующей сказкой...

Сѣрыя стѣны и бѣлыя дѣвочки... Бѣлыя дѣвочки безъ числа...

Колокольчикъ звенитъ-заливается. Это колокольчикъ, призывающій воспитанницъ института къ ихъ трудовому дню... Прямо передъ моей постелью собралась группа дѣвочекъ, образуя кружокъ. Маленькая Игренева и бѣлобрысая Коткова сидятъ на ночныхъ столикахъ, выдвинутыхъ на середину дортуара и очень искусно наигрываютъ на гребенкахъ какой-то веселый плясовой мотивъ. А въ серединѣ круга лѣнивая, тяжелая и толстая Софья Пудъ, въ нарочно укороченной по-балетному нижней юбочкѣ, въ неимовѣрныхъ по объему ночныхъ войлочныхъ туфляхъ, выдѣлываетъ неуклюже какое-то невозможное па. Впереди толпы стоитъ „она“,—та, къ которой такъ неудержимо рвалось мое сердце, и которая такъ незаслуженно рѣзко и несправедливо обошлась со мною. Лидія Рамзай стоитъ впереди толпы и дирижируетъ, размахивая руками.

— Пудъ! Направо! Налѣво, Пудъ!.. Chassé en avant! Chassé en arrière. Tour! Tour! Tour! (Впередъ! Назадъ! Поворотъ)! Опять соврала! Этакая ты „слониха“.

А „слониха“, блестяще оправдывающая свое названіе, вертится, кружится, присѣдаетъ, вся запыхавшаяся, неуклюжая, толстая, съ лицомъ, сплошь облитымъ потомъ.

Дѣвочки смѣются. Дѣйствительно, смѣяться есть чему. Пудъ жалка, отвратительна и невозможно-комична въ роли танцовщицы.

— Это рѣзвящійся слонъ въ миніатюрѣ или тяжеловѣсный морской тюлень,—какъ замѣчаетъ Игренева.

И дѣвочки смѣются. Но мнѣ не смѣшно нисколько. Я вижу передъ собою измученное, потное и тупое лицо Пудъ и блѣдныя, злыя, но попрежнему обаятельныя черты Лидіи Рамзай и смутно предугадываю „травлю“.

Какое-то глухое негодованіе закипаетъ въ моей груди.

Она не смѣетъ такъ, не смѣетъ! протестуетъ что-то въ глубинѣ моей души.

Не отдавая себѣ отчета, я проворно вскакиваю съ постели и, какъ была въ сорочкѣ и босая, кидаюсь къ блѣдной дѣвочкѣ, руководящей толпой.

— Слушайте! Не смѣйте такъ! Я не позволяю вамъ глумиться надъ нею! Понимаете, не позволяю!—кричу я, задыхаясь и захлебываясь отъ охватившаго меня волненія.

Блѣдное лицо Лидіи сложилось на мигъ въ презрительную гримасу, зеленые глаза сузились и потемнѣли. Крупныя, алыя, какъ у вампира, губы, рѣзко выдѣляющіяся на этомъ матовомъ блѣдномъ лицѣ, подернулись усмѣшкой.

— Самозванная княжна, не суйтесь не въ свое дѣло!—отчеканивая каждое слово, произнесла Рамзай, награждая меня уничтожающимъ взглядомъ.

— Не смѣйте говорить такъ!—закричала я, окончательно теряя самообладаніе.—Мое имя Бекъ-Израилъ и оставьте меня въ покоѣ.

— Васъ никто не трогаетъ. И мнѣ до васъ нѣтъ никакого дѣла! — съ неподражаемымъ высокомѣріемъ произнесла баронесса и окинула всю мою фигуру взглядомъ, заставившимъ меня вздрогнуть съ головы до ногъ.

Она стояла передо мною стройная, блѣдная, темноволосая, съ презрительно щурившимися глазами, съ блѣднымъ, гордымъ лицомъ. Я въ своей короткой сорочкѣ, босая, не одѣтая, казалась такимъ ничтожествомъ въ сравненіи съ ней!..

Но отступать мнѣ не хотѣлось. Теперь мнѣ казалось чудовищнымъ отступать, не солоно хлебавши, какъ говорится. И я рѣшилась на послѣднее средство. Меня окружили недоброжелательныя, вызывающія лица десятка дѣвочекъ. Моего единственнаго друга, Мили Перской, не было среди нихъ: она крѣпко спала, не слы-

шавъ звонка, ни шума, свернувшись калачикомъ на своей постели. Въ двухъ шагахъ отъ меня стояла виновница происшествія — Пудъ. Къ ней я и кинулась теперь, хватаясь, какъ утопающій за соломинку, за послѣднее средство:

— Пудъ! Пудъ! Неужели въ васъ нѣтъ самолюбія? Какъ вамъ не совѣстно выступать въ этой шутовской роли? У васъ нѣтъ ни на волосъ гордости, Пудъ!— кричала я ей прямо въ лицо.

Толстая, рыхлая и хладнокровная дѣвушка подняла на меня свои заплывшіе жиромъ маленькіе глазки, и я прочла въ нихъ такое-же точно недоброжелательство, какое читала въ устремленныхъ на меня взорахъ окружающихъ дѣвочекъ.

Она помолчала съ минуту, потомъ толстыя губы этой ходячей тумбы раскрылись, и глухой, вялый, точно не живой голосъ произнесъ по моему адресу:

— Убирайтесь! Чего вы, право... суетесь... никто не проситъ. Испортите все дѣло только. Отстаньте... Не даромъ-же я это... Мнѣ за это Рамзай сочиненіе нѣмцу напишетъ. А васъ никто не проситъ соваться, да!

И съ несвойственной ея малоподвижности быстротою Пудъ вызывающе повернула мнѣ спину и снова встала въ позу. Гребенки запиликали плясовую, дѣвочки захохотали, и толстая плясунья съ граціей рѣзвящагося гиппопотама затопталась на мѣстѣ.

На минуту зеленые глаза Лидии Рамзай широко раскрылись. Въ нихъ вспыхнули и потухли злые огоньки.

— Сіятельная самозванка, что взяли?—произнесла, дерзко смѣясь мнѣ въ лицо, странная дѣвочка.

— Великодушная баронесса, создающая себѣ шутовъ за доставленную услугу!—отпарировала я ударъ и прошла мимо поблѣднѣвшей отъ гнѣва Лидіи съ высоко поднятой головою.

ГЛАВА IV.

Фрейлейнъ Линдеръ.—Гардеробная.—Золушка.

MESDAMES! Въ пары! на молитву! Schneller, bitte schneller! (скорѣе, пожалуйста, скорѣе),— послышался пронзительно рѣзкій голосъ съ порога дортуара, и я увидѣла худенькое, безцвѣтное существо въ синемъ форменномъ платьѣ съ мелкими, точно приклеенными ко лбу кудерками.

— Fräulein Linder, нѣмецкая дама,— поспѣшила мнѣ заявить Перская, успѣвшая встать со мною въ пару.— Ее зовутъ у насъ „финка“,—присовокупила она, торопливо просовывая свою руку подъ мою, какъ это требовалось институтскимъ этикетомъ.

Безцвѣтное, словно вылинявшее лицо классной дамы не носило въ себѣ ничего, кромѣ равнодушнаго безраз-

личія и безсмѣнной усталости въ каждой чертѣ. Съ тѣмъ-же, свойственнымъ ей, очевидно, равнодушнымъ видомъ она приблизилась ко мнѣ.

— Новая воспитанница?—спросила она по-нѣмецки.

— Да!—отвѣчала я, присѣдая.

— Надо отвѣчать: „да, Fräulein!“—поправила она невозмутимо и добавила еще болѣе безнадежно-усталымъ тономъ, переходя на русскій языкъ:—послѣ чая вы пойдете въ гардеробную. Васъ переодѣнутъ во все казенное.

— Да, Fräulein!—коротко возразила я.

Пары двинулись и, выйдя изъ дортуара, миновали умывальную, верхній коридоръ, спустились по лѣстницѣ и вошли въ столовую—длинную комнату, находившуюся въ нижнемъ этажѣ зданія и сплошь уставленную столами.

Я вошла въ нее какъ разъ въ ту минуту, когда младшій седьмой классъ столпился у дверей столовой, уступая дорогу намъ, первымъ.

Двухъ маленькихъ дѣвочекъ, составлявшихъ его первую пару, вела Люда.

— Люда! Люда! Здравствуй!—тихо окликнуа я мою названную сестру.

— Нина! Милая! Ну, какъ ты привыкаешь?

— Привыкаетъ понемножку, душечка m-lle!—крикнула за меня моя пара Перская.

И тотчасъ-же, наклонившись ко мнѣ, отчаянно зашептала, указывая на Люду:

— Вотъ прелесть! Вотъ ангелъ! Божественная! Какія счастливицы эти седьмушки! Если-бы намъ ее вмѣсто нашей „финки“ или „жабы!“ Весь классъ обожалъ-бы ее! Я ничего не видѣла до сихъ поръ лучшаго въ нашихъ стѣнахъ: ты и она! Она и ты! О, какъ я люблю васъ обѣихъ!

И пылкая дѣвочка восхищенными глазами перебѣгала отъ лица моей названной сестры на меня.

— А Рамзай?—вырвалось у меня неосторожно.

Перская быстро вскинула на меня глаза.

— Рамзай?—переспросила она удивленно.—Ахъ, ты не знаешь Рамзай, Нина! Баронесса—это какой-то чертенокъ. Половина класса обожаетъ ее въ то время, какъ остальная ненавидитъ всей душой.

— Развѣ она злая?—спросила я, вся такъ и закипая приливомъ самаго жгучаго любопытства.

— Богъ ее знаетъ. Она воплощенная загадка... То безсердечна, то полное олицетвореніе доброты. Дикая какая-то! Впрочемъ, ей это простительно. Она, говорятъ, кумиръ семьи, и очень богатой семьи вдобавокъ!—вѣско присовокупила дѣвочка.

— Она часто издѣвается надъ бѣднягой Пудъ?—снова спросила я.

— И надъ Пудъ, и другими. И никогда не дѣлаетъ это такъ, спроста, замѣть! Пудъ она вымещаетъ за сочиненія и переводы, которые исполняетъ вмѣсто этой лѣнтяйки, а другимъ...

Но Перской не пришлось докончить ея фразы.

Fräulein Linder подошла ко мнѣ какъ разъ въ эту минуту и приказала послѣ молитвы и чая отправиться въ институтскую гардеробную смѣнить мое собственное платье на форменной костюмъ.

Съ трудомъ заставивъ себя проглотить горячую коричневую жидкость, именуемую лишь по какому-то недоразумѣнію чаемъ, я поспѣшила исполнить приказаніе классной дамы.

Марина Волховская, стоявшая со мною рядомъ на молитвѣ, проводила меня до дверей гардеробной, гдѣ работали дѣвушки-портнихи въ полосатыхъ платьяхъ.

— Сейчасъ вамъ дадутъ здѣсь все казенное,—проговорила своимъ спокойно-невозмутимымъ голосомъ Марина и, степенно кивнувъ мнѣ головой, оставила меня одну съ дѣвушками въ полосатыхъ платьяхъ и ихъ надсмотрщицей, гардеробной дамой.

При помощи этихъ полосатыхъ дѣвушекъ и гардеробной дамы я преобразилась въ какіе-нибудь полчаса. Зеленое камлотовое платье, стоящее парусомъ вокругъ меня, бѣлый передникъ, неуклюжая пелеринка и длинныя бѣлыя трубочки—„манжи“ на институтскомъ жаргонѣ—сразу измѣнили и далеко не въ мою пользу когда-то своеобразную, оригинальную внѣшность княжны Нины.

Я съ ужасомъ отшатнулась, увидя свое изображеніе въ одномъ изъ зеркалъ гардеробной. Я показалась самой себѣ невозможнымъ уродомъ.

Дѣвушки-портнихи не раздѣляли, однако, моего мнѣнія.

— Очень хорошенькія барышни!—произнесла одна изъ нихъ, стройная, ясноглазая красавица-дѣвушка, похожая скорѣе на „сіятельную аристократку“, нежели на горничную-портниху, полосатку, какъ ихъ называли институтки-воспитанницы.

Я невольно улыбнулась говорившей. Такой красавицы Сандрильоны мнѣ еще не приходилось встрѣчать.

— Нѣтъ, какое! —махнула я рукой.—Что за хорошенькая въ этомъ видѣ! А вотъ вы—вы прелесть что такое! Картинка! Право!—невольно любуясь ею, проговорила я.

— Ну, ужъ будетъ вамъ насмѣшничать! И вы туда-же! Довольно я уже отъ баронессы терплю!—надула свои малиновыя губки Аннушка, какъ звали дѣвушку.

— Отъ какой баронессы?—полюбопытствовала я.

— Да барышня Рамзай нашу Нюшку преслѣдуетъ!—отвѣтила за подругу черноглазая Акуля, товарка и сосѣдка Аннушки.

„Вотъ какъ! И тутъ, значитъ, поспѣла!“—мысленно заключила я.

И передъ моимъ духовнымъ взоромъ какъ живой выплылъ образъ высокой тоненькой дѣвочки съ насмѣшливо-гордымъ лицомъ и зелеными глазами. Потомъ, путаясь и поминутно спотыкаясь въ своемъ длинномъ по-

долѣ, я вышли изъ гардеробной, стараясь угадать дорогу, ведущую въ классъ.

ГЛАВА V.

Уроки.—Исторія.—Рамзай въ роли рыцаря.—Я выступаю защитницей.

ВѢРОЯТНО прилаживаніе „формы“ и мое переодѣваніе во все казенное потребовали не мало времени, потому что, когда я послѣ долгихъ странствованій вошла въ свой классъ, тамъ уже сидѣлъ на каѳедрѣ маленькій человѣчекъ съ язвительными, рысьими глазками и жидкой козлиной бородкой, которую онъ поминутно щипалъ.

Маленькій человѣчекъ быстро обернулся на скрипъ отворяющейся двери, и мы встрѣтились съ нимъ взглядомъ, глаза въ глаза.

— Это наша новенькая, господинъ Ренталь,—произнесла фрейленъ Линдеръ съ самой очаровательной улыбкой и жестомъ руки въ мою сторону.

Господинъ Ренталь, преподаватель географіи въ старшихъ классахъ, одобрительно кивнулъ мнѣ головою и жестомъ пригласилъ садиться.

Мѣсто около Марины Волховской было не занято, и я заняла его.

Маленькій человѣчекъ говорилъ объ островахъ Средиземнаго моря и о томъ, что добывается жителями этихъ

острововъ. Но мнѣ было рѣшительно все равно и до острововъ, и до ихъ жителей, потому что мнѣ въ достаточной уже мѣрѣ надоѣла ими Люда, готовя меня къ поступленію въ институтъ.

„Эльба... Сардинія... Сицилія...“ — какъ сквозь сонъ слышался мнѣ голосъ маленькаго человѣка, въ то время какъ я старательно занялась изученіемъ моихъ новыхъ подругъ.

Вотъ, внимательно раскрывъ свои голубые дѣтскіе глазенки и часто-часто по привычкѣ похлопывая ими, подлѣ черненькой, какъ мушка, Игреневой сидитъ Женя Лазарева, по прозвищу мышенокъ. А тамъ, на второй партѣ, Мила Перская вся погружена въ чтеніе какой то большой тяжелой книги, которую она держитъ на колѣняхъ, подъ крышкой своего пюпитра. Дальше Тоня Коткова лѣпитъ изъ воска маленькіе круглые шарики и отъ времени до времени бомбардируетъ ими ту или другую изъ подругъ. А вонъ рослая, сильная и здоровая Маша Щупенко съ самымъ краснорѣчиво-скучающимъ выраженіемъ поднимаетъ на учителя свое свѣжее, румяное лицо. И, наконецъ, рядомъ съ Машей — „она“ — странная, чудная, необычайная дѣвочка, злая и непонятная „чудачка“, какъ ее называютъ подруги... Добра или жестока она? Умна или ограничена? Да что-же она въ самомъ дѣлѣ такое—эта блѣдная, тоненькая, зеленоглазая баронесса Рамзай? Кто она?

— Г-жа Пудъ! Удѣлите намъ нѣсколько фунтовъ

вашего вниманія! — неожиданно будитъ меня непріятный, гнусавый голосъ маленькаго человѣчка съ козлиной бородкой.

Я взглянула на Пудъ. Безучастное, апатично-сонное лицо ея казалось теперь сплошной широкой и плоской маской. Безцвѣтные глаза спали съ открытыми вѣками. Ни одна сознательная мысль не искрилась въ этихъ тусклыхъ зрачкахъ.

Окликнутая учителемъ Пудъ даже не смѣшалась. Тоже сонное лицо, тѣ-же мертвые глаза безъ единой доли соображенія.

— М-Ше Пудъ! Потрудитесь сказать намъ, сколько вѣситъ пудовая гиря? — снова прозвучалъ скрипучій и нѣпріятный голосъ Ренталя.

Классная дама сдержанно захихикала, дѣвочки разразились дружнымъ хохотомъ. Я сама не могла не улыбнуться при видѣ глупо-растерянаго лица Пудъ. Даля Игренева и отчаянная Коткова упали головами на крышки пюпитровъ и, захлебываясь отъ смѣха, только взвизгивали отъ удовольствія.

Вдругъ среди общаго шума и смѣха прозвенѣлъ, натянутый, какъ струна, негодующій голосъ, разомъ покрывшій общій гамъ класса.

— Это не относится къ уроку географіи, г. учитель! — съ нескрываемымъ презрѣніемъ бросила баронесса Рамзай.

— Г-жа Рамзай, чѣмъ вы недовольны?—разомъ пре-

рывая смѣхъ и мигомъ краснѣя густымъ нездоровымъ румянцемъ, спросилъ зловѣщимъ тономъ Ренталь.

На минуту гробовая тишина воцарилась въ классѣ. Воспитанницы разомъ поняли, что затѣвается „исторія“, что Рамзай „подцѣпила“ „мысъ Сингапуръ“, какъ онѣ единодушно, по невѣдомымъ причинамъ, прозвали географа, и что эта исторія готова перейти въ открытую бурю. И онѣ не ошиблись. Ренталь густо краснѣлъ, не сводя съ тоненькой зеленоглазой дѣвочки, осмѣлившейся сдѣлать ему замѣчаніе, злого, горящаго взгляда.

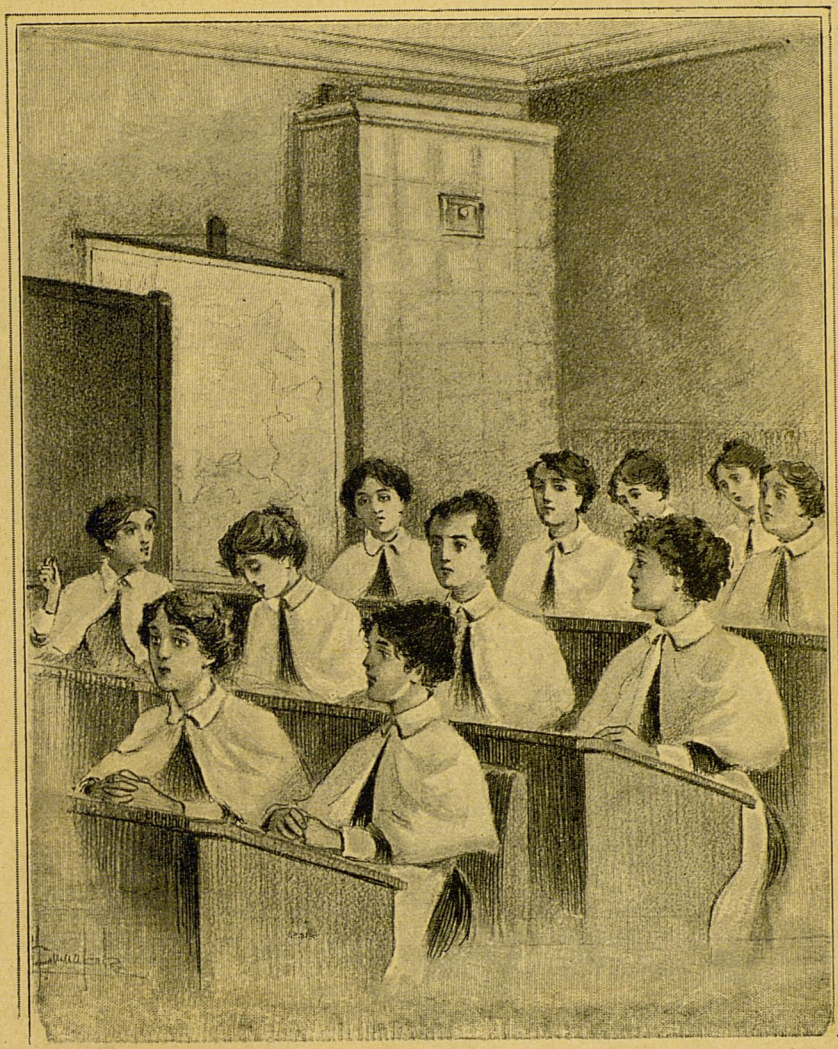
Но та мастерски выдержала этотъ взглядъ.

Потомъ онъ переспросилъ еще разъ, глядя на Лидію исподлобья:

— Г-жа Рамзай, чѣмъ вы недовольны?

— Это гадость! Да, гадость,—быстро и горячо заговорила Рамзай. — Пудъ — лѣнтяйка! Пудъ — послѣдняя ученица, это знаетъ каждый. Но вы все-таки напрасно задѣваете ея фамилію, ея честное доброе имя, имя ея отца. Вы должны говорить намъ о Сициліи и Сардиніи, а не изощряться въ дешевомъ остроуміи на нашъ счетъ. Пудъ не виновата, что она Пудъ, а не Иванова и Петрова, и забавляться на этотъ счетъ дешевыми каламбурами, по меньшей мѣрѣ, неостроумно и гадко. Да, гадко!

Я невольно залюбовалась Рамзай въ то время, когда она говорила. Блѣдныя щеки дѣвочки горѣли яркимъ румянцемъ, а гордые смѣлые глаза искрились зелеными



Я занялась изученіемъ моихъ новыхъ подругъ ..

огоньками. Она показалась мнѣ красавицей въ эту минуту.

— Рамзай! Безумная! Молчи! Тебѣ попадетъ, Рамзай!—въ ужасѣ со всѣхъ сторонъ шептали ей подруги, дергая ее за платье.

— Рамзай! Вы получите 6 за дерзость и за невозможное поведеніе въ классѣ! — хорохорилась классная дама и металась по классу съ видомъ подстрѣленной синицы.

Но Рамзай не унималась. Съ пылающими щеками и сверкающимъ взглядомъ она смотрѣла прямо въ глаза Ренталю и повторяла, какъ зачарованная, какъ во снѣ, одно и то же нѣсколько разъ:

— Нехорошо, гадко насмѣхаться надъ чужою фамиліею! Чѣмъ она виновата? Который разъ вы такъ смѣетесь... надъ фамиліей, надъ именемъ... Такъ нельзя! Нельзя... нельзя!

— Отлично-съ! Превосходно-съ! Прекрасно-съ!.. Я въ восторгѣ отъ вашего возмущенія... Можете продолжать... я мѣшать не буду... Вы хотите разыгрывать рыцаря — пожалуйста... Наша баронесса-начальница не знаетъ, должно быть, какъ вы ведете себя во время моего урока. Непремѣнно доложу-съ! Да-съ! И весьма скоро!.. Невоспитанныя дѣвицы-съ! Невоспитанныя-съ!.. Можно сказать, дѣвочки по возрасту, и вдругъ демонстрація-съ, учителя критикуютъ! Все будетъ извѣстно баронессѣ, сію-же минуту извѣстно, да-съ!

И прошипѣвъ или, вѣрнѣе, просвистѣвъ всю эту незамысловатую рѣчь, Ренталь вскочилъ со стула и, кубаремъ слетѣвъ съ каѳедры, маленькій, потѣшный и злой, какъ индюкъ, метнулся къ дверямъ.

— Къ начальницѣ! Сейчасъ-же къ начальницѣ!—шипѣлъ онъ по дорогѣ.

„Мысъ Сингапуръ!“ „Мокрица!“ „Фискалъ!“ „Чахоточная бацилла!“ — понеслось слѣдомъ за нимъ вдогонку.

— Рамзай! Вы будете наказаны! — съ строгимъ видомъ подскочила нѣмка къ баронессѣ Лидіи.

Но та и глазомъ не моргнула въ отвѣтъ. Я съ трудомъ узнавала Рамзай. Неужели же это та Рамзай, которая еще утромъ заставляла неуклюжую Пудъ обливаться потомъ и на потѣху цѣлаго класса выплясывать ея дикія па! Неужели это она, эта самая Рамзай, собственной грудью отстаиваетъ теперь интересы той-же Пудъ и подвергается, благодаря своему заступничеству, строгому взысканію.

— Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!—траги-комическимъ тономъ произнесла Коткова, моментально вскакивая со своего мѣста по уходѣ учителя и подбѣгая къ Рамзай.—Вѣдь тебя накажутъ, Лида! Подумай, что ты надѣлала.

— И пускай!—упрямо тряхнула своими стрижеными кудрями та.

— Пудъ! Пудъ! Сыворотка ходячая, благодари-же

Лиду, что она за тебя вступилась! Слониха! — крикнула Маша Щупенко въ самое ухо Пудъ.

Та точно сейчасъ только проснулась.

— Спасибо, Рамзай! — протянула она сквозь зубы и потянулась цѣловаться.

Но баронесса только рукой отмахнулась отъ нея.

— Отвяжись, пожалуйста,—оттолкнула она отъ себя толстуху и устало опустилась на свою скамью.

Румянецъ сбѣжалъ съ ея щекъ, глаза потухли. Она разомъ осунулась и подурнѣла въ одну минуту.

— Скисла! — процѣдила чуть слышно сквозь зубы моя сосѣдка Волховская.—Рамзай всегда такъ: заваритъ кашу, нашумитъ, наоретъ, а потомъ сразу свернется. Неустойчивая она какая-то! Ей Богу!

И первая ученица класса съ чувствомъ собственнаго достоинства презрительно оттопырила нижнюю губу.

— Maman идетъ! Maman! Тише, mesdames, тише!— шелестомъ вѣтерка пронеслось по классу.

Дѣвочки мигомъ оправились и подтянулись. Слово „maman", подъ которымъ понимали начальницу, магически подѣйствовало на всѣхъ: въ классѣ сразу всѣ замолкли. Fräulein Linder измѣнилась въ лицѣ и еще болѣе выпрямила свою и безъ того прямую фигуру.

Начальница вошла не одна: за нею, подпрыгивая и бросая вокругъ себя торжествующіе взгляды, вбѣжалъ Ренталь. На нѣкоторомъ почтительномъ разстояніи отъ maman слѣдовала полная маленькая шарообразная жен-

щина и сухой черный высокій господинъ—это были инспектриса m-elle Краюшкина и инспекторъ классовъ Лабунскій.

Баронесса Нольденъ—начальница института—была торжественно-грустна, согласно „случаю“. Въ классѣ нашлась дерзкая, осмѣлившаяся критиковать дѣйствія учителя. И она заслуживала кары, эта дерзкая, иначе быть не могло. Такъ думала баронесса.

— Поди сюда, Рамзай!—произнесла maman, едва дослушавъ стереотипное привѣтствіе институтокъ въ видѣ неизбѣжной фразы: „nous avons l'honneur de vous saluer“.—Поди сюда и извинись передъ m-r Ренталь въ твоемъ необдуманномъ поступкѣ,—твердо отчеканила начальница, строго глядя въ лицо Лиды.

Взоры всѣхъ направились на Рамзай. Она то блѣднѣла, то краснѣла, безпрестанно мѣняясь въ лицѣ. Закусивъ губы и потупивъ глаза, она стояла неподвижная, какъ статуя, у своего пюпитра.

— Ну-съ, я жду!—еще строже, еще внушительнѣе произнесъ голосъ maman.

Рамзай подняла голову и сверкающимъ рѣшительностью и гордостью взоромъ обвела собраніе начальствующихъ. И вдругъ среди гробовой тишины прозвенѣлъ ея голосъ:

— Ни за что! Наказывайте меня! Дѣлайте что хотите! Я не буду извиняться, потому что я считаю, что была права...

— Вотъ какъ!—загремѣлъ звучный и грозный голосъ начальницы,—такъ ты не хочешь признавать себя виноватой, дрянная, упрямая дѣвчонка?—И, промолчавъ минуту, она прибавила еще грознѣе, еще строже прежняго: — Передникъ! сію-же минуту сними передникъ, дерзкая!

По рядамъ дѣвочекъ пронесся ропотъ: оставить безъ передника старшую воспитанницу, воспитанницу выпускного класса, считалось величайшимъ позоромъ въ институтѣ. Это было наказаніе, достойное седьмушекъ, и налагало клеймо на весь классъ.

— Maman! Pardonnez! Nous faisons nos excuses, maman! —послышались нерѣшительные голоса то въ одномъ, то въ другомъ углу класса.

— Я не сержусь на васъ, дѣти!—болѣе мягко и сдержанно произнесла баронесса,—виновата одна Рамзай, и если она хочетъ избѣжать наказанія,—пусть извинится передъ m-r Ренталь, какъ ей было уже приказано мною.

— Рамзай, извинись! Извинись, Рамзай! Весь классъ осрамишь, если тебѣ передникъ снимутъ! — усиленно зашептали Коткова и Щупенко, незамѣтно приблизившись къ ней.

— Молчите! Что вы понимаете!—отмахнулась отъ нихъ зеленоглазая дѣвочка и, еще болѣе блѣднѣя, быстрымъ, ловкимъ движеніемъ сдернула съ себя передникъ и кинула его на лавку.

Не знаю, что сдѣлалось въ эту минуту со мною. Я сознавала только одно: Рамзай страдаетъ, невыносимо страдаетъ, эта прекрасная, блѣдная дѣвочка, непонятная, недоступная имъ всѣмъ, и ея страданія больно отозвались въ моемъ сердцѣ. Я угадывала въ ней, въ этой зеленоглазой, непонятой и непонятной Лидіи, родную мнѣ, близкую душу, и, какъ это ни странно, я любила ее. Да, любила съ перваго взгляда, съ первой встрѣчи. Это было то же чувство, которое я испытывала по отношенію къ Кериму, преклоняясь передъ величіемъ его души. И, не отдавая себѣ отчета, едва сознавая то, что я дѣлаю, я кинулась впередъ, выбѣжала на середину класса и, схвативъ обѣ руки начальницы, залепетала, путаясь и задыхаясь:

— О, умоляю... прошу... умоляю... Простите ее... Она не хотѣла... Она не подумала... Не наказывайте ее... Ей непріятно... больно... Она самолюбивая, гордая... Ради Бога! Ради Бога, пощадите ее!..

Я тискала и жала руки начальницы и вся пылала румянцемъ волненія и стыда.

Баронесса молчала минуту; потомъ лицо ея приняло мягкое, ласковое выраженіе.

— Нина Израилъ,—произнесла она, кладя мнѣ на плечо свою красивую, нѣжную руку,—это дѣлаетъ вамъ честь, подобное заступничество за подругу... Безкорыстная дружба—одно изъ лучшихъ проявленій въ нашей жизни. Нина Израилъ, ради васъ я прощаю вашу по-

другу Рамзай! И извиняюсь передъ m-r Ренталь въ свою очередь за то, что въ моемъ институтѣ существуетъ такая дерзкая, невоспитанная барышня, какъ она.

Затѣмъ, прибавивъ что-то тихо Ренталю, maman, подаривъ всѣхъ насъ однимъ общимъ милостивымъ поклономъ, величественно удалилась въ сопровожденіи инспектора и инспектрисы. „Мысъ Сингапуръ“ медленно поплелся за ними, такъ какъ прозвучавшій въ эту минуту звонокъ возвѣстилъ объ окончаніи урока.

Я еще не успѣла опомниться отъ всего только-что происшедшаго, что совершилось помимо моей воли, какъ предо мною предстала тоненькая, какъ стебель, хорошо знакомая фигурка Рамзай.

— Кто васъ просилъ вмѣшиваться въ мои дѣла и лѣзть туда, куда не спрашиваютъ?—накинулась она на меня съ трясущимися отъ волненія губами.—Просила я васъ объ этомъ? Просила?.. Вотъ на зло-же не надѣну передника и опозорю классъ! Да, да, не надѣну!—съ новымъ ожесточеніемъ подхватила она, обращаясь ко всему классу, шумно толпившемуся вокругъ насъ,—и вы благодарите за это ее,—ткнула она въ меня пальцемъ,—ее благодарите,—свѣтлѣйшую самозванную княжну! Она одна будетъ виновата въ этомъ позорѣ!

И проговоривъ все это, она окинула меня взоромъ, исполненнымъ бѣшеной ненависти и вражды.

ГЛАВА VI.

Я и мои подруги.—Столкновеніе съ Арно.

ПРОШЛО болѣе двухъ недѣль съ тѣхъ поръ, какъ блѣдная нервная дѣвочка съ ярко-горящими зелеными глазами простояла безъ передника во время завтрака, обѣда и ужина, въ теченіе цѣлаго институтскаго дня. Прошло двѣ недѣли и со дня моего заключенія въ сѣрыя стѣны стараго, мрачнаго зданія, гдѣ вяло и однотонно катила свои тихія воды замкнутая институтская жизнь. Ежедневно я поднималась со звонкомъ въ половинѣ восьмого утра, бѣжала умываться и причесываться, чтобы не опоздать къ молитвѣ. Затѣмъ шла въ столовую и, наскоро проглотивъ кружку коричневой жидкости и съ трудомъ одолѣвъ черствую казенную булку, я устремлялась въ классы вслѣдъ за другими. Тамъ шли обычныя занятія, уроки смѣнялись уроками вплоть до завтрака и обѣда, до четырехъ часовъ дня. А тамъ—обѣдъ и послѣобѣденное время съ обычными приготовленіями новыхъ уроковъ до чая. Затѣмъ—чай и лучшіе часы институтской жизни, когда, поднявшись, послѣ вечерней молитвы, въ дортуаръ, институтки сбрасывали съ себя тяжелое камлотовое платье и превращались въ тѣхъ смѣшныхъ бѣлыхъ дѣвочекъ, какими я увидѣла ихъ впервые въ вечеръ моего поступленія въ институтъ.

Тутъ уже тяжелая, медленная и строго размѣренная машина институтской жизни какъ бы замедляла свой обычный механически-разсчитанный ходъ, передъ тѣмъ какъ замереть на время ночного отдыха вплоть до слѣдующаго утра...

Блестяще выдержавъ, благодаря усерднымъ занятіямъ со мною Люды, вступительные экзамены, я вошла, хотя и съ трудомъ, въ курсъ институтской жизни. Я умѣла теперь кланяться и присѣдать класснымъ дамамъ, какъ это требовалось институтскимъ этикетомъ, вставала въ присутствіи старшихъ, дружила съ Перской, питавшей ко мнѣ какое-то смѣшное и трогательное восторженное чувство, и только попрежнему не называла, какъ всѣ остальныя, начальницу „maman“ и не „обожала“ ни учителей, ни воспитанницъ.

„Обожаніе“ въ институтѣ считалось своего рода обязательствомъ, плотно вкоренившимся въ традиціи этого учебнаго заведенія. Дѣвочки, запертыя въ душную атмосферу института, создавали себѣ идеалъ и поклонялись ему. Всѣ „обожали“ кого-нибудь. Марина Волховская, серьезная, гордая и строгая дѣвочка, не желая унижаться и въ то-же время не считая возможнымъ измѣнять институтскимъ принципамъ, „обожала“ Петра Великаго. У нея было до дюжины портретовъ великаго царя и она собирала всевозможныя сочиненія, относящіяся къ его личности. Женя Лазарева „обожала“ нѣмецкаго учителя, сѣдого розоваго старика съ молодыми,

вдохновенными рѣчами, умѣвшаго умно и увлекательно преподавать свой предметъ. Она кладетъ ему на каѳедру красивыя ручки изъ слоновой кости, обертывала куски мѣла разноцвѣтной бумагой съ голубыми и розовыми бантами и отвѣчала всегда на 12 балловъ свой нѣмецкій урокъ. То же самое продѣлывала и маленькая Игренева по отношенію къ учителю-французу, бойкому и франтоватому молодому парижанину. Даже Пудъ, сонная, лѣнивая Софія Пудъ, прозванная „слонихой“ за свою неуклюжую неповоротливость, и та „обожала“ институтскаго батюшку и лѣзла изъ кожи, готовя уроки по его предмету.

Мой восторженный другъ Миля Перская „обожала“ Люду и меня, меня и Люду, преданно, самоотверженно и немножко смѣшно. Это не мѣшало ей, однако, восхвалять и молодого, очень красиваго и очень застѣнчиваго учителя танцевъ г. Иванова.

Только я да Лидія Рамзай не „обожали“ никого. Когда подруги обращались къ баронессѣ съ вопросомъ, почему она не выберетъ кого-нибудь для этой цѣли, блѣдная дѣвочка презрительно поводила своими худенькими плечами и гордо заявляла во весь голосъ:

— Считаю унизительнымъ для себя.

Меня никто не осаждалъ подобными вопросами. Я считалась на исключительномъ положеніи въ классѣ. И поступила туда я не какъ другія, а прямо въ послѣдній, выпускной классъ, и вела себя иначе, независимо

и не по-институтски, какъ это было рѣшено большинствомъ моихъ новыхъ подругъ. Правда, я мало имѣла общаго съ ними. Я, испытавшая и пережившая такъ много, рѣзко отличалась во всемъ отъ этихъ милыхъ, восторженныхъ и смѣшныхъ дѣвочекъ. И потомъ большую часть времени я проводила въ комнатѣ Люды, занимавшей, на правахъ классной дамы, хорошенькое и уютное помѣщеніе. Въ классное-же время Перская не отходила отъ меня, мѣшая мнѣ сойтись съ остальными двадцатью девятью дѣвочками, составлявшими нашъ выпускной классъ.

Съ рыженькой Перской я дѣлила и мои труды и досуги. Мы гуляли вмѣстѣ съ ней въ перемѣну, вмѣстѣ отпарировывали нападки Арно и блѣдной зеленоглазой дѣвочки, постоянно искавшей стычки со мною.

Что-же касается Арно, то она съ первой-же минуты моего поступленія возненавидѣла меня всею душою. Гдѣ-бы я ни находилась, ея крикливый голосъ преслѣдовалъ меня неизъяснимо надоѣдавшими мнѣ выкриками: „m-lle Израилъ, тише!“ „m-lle Израилъ, что за манеры!“ „Да помните-же, Израилъ, что вы находитесь не въ кавказскихъ трущобахъ, а среди благовоспитанныхъ барышень“.

О, этотъ голосъ! Эта противная фигура живого скелета, эти скользкія мокрыя руки, какъ я ненавидѣла ихъ!

— Люда! Люда! Что-же это такое? — шептала я не разъ въ тоскѣ моему другу, когда, забѣжавъ въ

классъ ея малышей, торопилась ей передать мои впечатлѣнія.

— Ничего, Нина! Ничего, моя дѣвочка, потерпи немного! Вотъ годъ пролетитъ незамѣтно, ты и не замѣтишь его, а тамъ ты снова увидишь и синее небо, и яркое солнце, и высокія горы. Все! Все!

— Все! Все! — повторяла я, точно завороженная, и сердце мое начинало биться, а лицо пылало жаркимъ огнемъ.

Однажды вечеромъ въ послѣобѣденное время я сидѣла въ классѣ седьмушекъ и тихо разговаривала съ Людой, какъ дверь внезапно распахнулась, и въ отдѣленіе младшихъ пулей влетѣла Эмилія Перская.

— Нина! Нина! — кричала она. — Скорѣе, скорѣе, жаба тебя хватилась. По всему классу мечется, какъ разъяренная фурія: „Гдѣ Израилъ? Куда она сбѣжала!“

— Что за вздоръ! — пожала я плечами, — вѣдь она сама отпустила меня.

— Забыла вѣрно. Безголовая кукушка! А теперь не подступись къ ней.

— Ахъ, такъ-то! Ну, погоди-жъ ты! — и лицо мое запылало сильнѣе.

— Нина! Нина! — схвативъ меня за руку, прошептала Люда, — ради Бога сдержи себя... Умѣй владѣть собою, Нина! Не наговори ей чего-нибудь лишняго, прошу тебя!

— Оставь меня, Люда,—отклонилась я отъ руки моей названной сестры,—оставь, пожалуйста. Я не маленькая и сама знаю, что мнѣ дѣлать.

— Не безпокойтесь, душечка m-lle, красавица,—усиленно зашептала Перская,—я сдержу ее.

Она меня сдержитъ? Она, Перская? Что такое?

Я обдала мою непрошенную покровительницу уничтожающимъ взглядомъ и стрѣлою помчалась въ классъ.

— Нина! Ради Бога! Ради меня! Ради покойнаго папы!—понеслось вдогонку за мною.

— Пожалуйста, Израилъ, придержи языкъ твой!—вторила Людѣ едва успѣвавшая за мною Перская.

Но я едва слышала ту и другую. Бомбой влетѣла я въ классъ, подскочила къ каѳедрѣ, на которой сидѣла Арно, и, вызывающе глядя ей въ глаза, проговорила:

— Что такое случилось? Вѣдь вы же сами пустили меня, а теперь хватились.

— Что это за слово „хватились“? Je ne comprends pas (я не понимаю). Извольте выражаться приличнѣе!—грозно закричала, подскакивая на своемъ мѣстѣ, Арно.

— Это значитъ, что у васъ дурная память, m-lle: вы отпустили меня, когда я попросилась къ сестрѣ, а потомъ, очевидно, забыли.

— Вы дерзки, Израилъ!—взвизгнула Арно,—дерзки и лживы... Я не отпускала васъ.

— Неправда!—вскричала я въ свою очередь.—Вы меня отпустили! Отпустили! Отпустили!—негодовало все внутри меня.

— Молчать! Не дерзите! Снять передникъ! Сію минуту снять!—стараясь перекричать меня, визжала Арно.—Вы получите три за поведеніе, о васъ я завтра же доложу maman. Вы гадкая лгунья! Слышите-ли — лгунья! Да!

— Неправда! — вырвалось у меня крикомъ злобы, гнѣва и страданья.—Я никогда еще не лгала за всю мою жизнь, m-lle! Слышете-ли? Ни-ког-да! Передникъ мой я сниму. Но я очень жалѣю, что не могу доказать, что лгунья не я, такъ какъ никто не видѣлъ и не слышалъ, какъ я подходила къ вамъ послѣ обѣда въ столовой и отпросилась къ сестрѣ.

— Вы ошибаетесь, Израилъ. Я слышала это и могу засвидѣтельствовать передъ всѣмъ классомъ!—раздался за моими плечами сильный, звонкій дѣвичій голосъ.

И баронесса Рамзай, съ трудомъ протискавшись черезъ толпу дѣвочекъ, подошла къ каѳедрѣ.

— Что такое? Что вамъ нужно?—такъ и всколыхнулась вся при видѣ ея Арно.

— Да, Израилъ не лжетъ! Я готова подтвердить это клятвой!—пылко вскричала зеленоглазая дѣвочка, тряхнувъ своими густыми стриженными кудрями. — Вы сидѣли у второго стола, когда онъ подошла къ вамъ, и вы читали газету, Израилъ спросила: Puis-je aller fré-

quenter ma soeur (могу я навѣстить мою сестру?)—Вы отвѣтили: Allez (ступайте)! Ей Богу же, это правда. Честное слово!

И прежде, чѣмъ кто-либо успѣлъ остановить Рамзай, она быстро выхватила изъ-за борта платья маленькій крестильный крестикъ и, размашисто перекрестившись имъ, приложила его къ губамъ.

— Laissez! Laissez donc (оставьте)! Какъ вамъ не стыдно!—зашипѣла далеко уже не прежнимъ воинственнымъ, а значительно болѣе примирительнымъ тономъ Арно, — не надо божиться. Это святотатство клясться именемъ Бога по пустякамъ.

— Вы-же заставляете!—рѣзко бросила ей въ самое лицо Рамзай.

— Израилъ! Я прощаю васъ,—произнесла снова Арно,—передникъ вы не снимете, но о вашемъ дерзкомъ отношеніи ко мнѣ я завтра же доложу maman.

У меня точно отпало отъ сердца.

Слава Богу! Избѣгла позорнаго наказанія, о которомъ-бы узналъ весь институтъ, узнала-бы Люда и извела-бы меня своими жалобами. Зеленоглазая дѣвочка выручила меня. Она, какъ добрая фея, появилась въ трудную минуту на моемъ пути. И вся душа моя потянулась навстрѣчу зеленоглазой дѣвочкѣ. Не помня себя, я двинулась къ ней съ протянутыми руками.

— Благодарю васъ, Рамзай,—произнесла я громко,—вы были справедливы, благодарю васъ!

На одну минуту блѣдное личико повернулось ко мнѣ съ самымъ живымъ, жгучимъ любопытствомъ. Зеленые глаза вспыхнули и заискрились, алыя губы полуоткрылись на мгновенье. И вдругъ все лицо скривилось и сморщилось въ одну сплошную комическую гримасу, а нарочно повышенный до фальцета голосъ прозвенѣлъ мнѣ въ ухо:

— Самозванная княжна! Не будьте сентиментальны! Это не идетъ къ потомку славныхъ лезгинскихъ племенъ!

Вся кровь отхлынула отъ моего лица разомъ. Я помертвѣла. Я ненавидѣла, остро, жгуче ненавидѣла теперь эту блѣдную злую дѣвочку, сумѣвшую такъ незаслуженно и рѣзко оттолкнуть меня.

ГЛАВА VII.

Финляндія.—Императоръ Павелъ.—Тайна Лидіи Рамзай.—Я отомстила.

Суровый край. Его красамъ,
Пугаяся, дивятся взоры,
На горы каменныя тамъ
Поверглись каменныя горы.
Синѣя, всходятъ до небесъ
Ихъ своенравныя громады,
На нихъ шумитъ сосновый лѣсъ,
Съ нихъ бурно льются водопады...

— Браво, Рамзай! Бразо!—послышался сдержанный шопотъ.

И вся толпа дѣвочекъ плотно придвинулась къ ночному столику, на которомъ, скрестивъ на груди руки, блѣдная баронесса, стоя въ позѣ Наполеона, декламировала во весь голосъ стихи Баратынскаго, восторженно описывающіе прелести Финляндіи. Лицо Рамзай было вдохновенно поднято кверху, зеленые глаза сверкали, какъ два великолѣпные изумруда. Миля Перская восторженно смотрѣла въ глаза Лидіи и ловила каждое ея слово.

Когда Рамзай кончила, внезапная тишина воцарилась въ дортуарѣ.

Воспроизведенная изумительной декламаціей картина Финляндіи встала передъ нами, какъ живая. Синіе фіорды и сѣрыя скалы... сѣрое небо — и на фонѣ его зеленые, пушистые, мохнатые исполины-сосны, тѣснящіеся по гранитнымъ скаламъ — все это ясно, какъ на картинѣ, предстало передъ мысленными взорами каждой изъ насъ.

— Какъ хорошо! Какъ дивно хорошо декламируетъ Лида!—слышалось то здѣсь, то тамъ въ разныхъ углахъ дортуара.

Но, очевидно, зеленоглазая дѣвочка нимало не заботилась о томъ впечатлѣніи, которое производила она на слушателей. Ея мысли были далеко. Глаза ея теперь какъ-то таинственно и жутко мерцали, уйдя глубоко вовнутрь подъ навѣсъ стрѣльчатыхъ рѣсницъ. Алыя губы, казавшіяся двумя кровавыми полосками на блѣдномъ, какъ мѣлъ, лицѣ, шептали:

— Да, хорошо у насъ... на сѣверѣ, ахъ, хорошо... Вода голубая, студеная въ шкерахъ... а въ синихъ фіордахъ она похожа на чистый сапфиръ... А сосны вѣчно зелены, вѣчно свѣжи и юны кругомъ. И скалы... безъ конца, безъ края. Финляндія — это обиліе воздуха, зелени и силы. Какая мощь въ ней всюду, въ этой суровой, мрачной красотѣ!.. Отецъ мой шведъ родомъ, но живемъ мы безвыѣздно въ нашемъ финляндскомъ имѣніи на берегу залива... Тамъ бури бываютъ, и тогда на дальнемъ маякѣ зажигается звѣздочка, яркая, золотая, прекрасная... Это огонекъ маяка, но онъ кажется звѣздою на потемнѣвшемъ небѣ, путеводной звѣздой... Ахъ!

Рамзай внезапно оборвала свою рѣчь и легко спрыгнула со столика, на которомъ стояла все время. Лицо ея медленно и густо покраснѣло. Ея глаза встрѣтились съ моими, и въ первый разъ я замѣтила смущеніе и испугъ въ лицѣ блѣдной баронессы.

Я поняла ее. Поняла безъ словъ.

Ей не хотѣлось прослыть въ моихъ глазахъ восторженной и смѣшной дѣвочкой, какими были прочія институтки.

Маленькая Игренева, Коткова, Щупенко, Лазарева и Миля бросились къ ней:

— Бароночка, милая, продолжай! Ты говоришь, какъ поэтъ! Ахъ, какъ славно!

— Убирайтесь!—грубо оттолкнула ихъ отъ себя Лидія.

— Рамзай! Не ломайся! Вотъ еще воображаетъ, финка ты этакая!—вспыхнула Коткова, оскорбленная за себя и другихъ.

Но та даже не потрудилась отвѣтить дѣвочкѣ и медленно прошла въ умывальню. А черезъ минуту я слышала, какъ, собравъ вокругъ себя значительную толпу, Лидія выкрикивала, ломаясь и кривляясь, глупѣйшія слова какой-то глупѣйшей риѳмованной чепухи:

Пекинъ, Нанкинъ и Кантонъ...
Мы усѣлись въ фаэтонъ
И отправились въ Китай
Пить горячій, крѣпкій чай!

Не знаю, долго-ли бы продолжалась эта своеобразная декламація, если бы фрейленъ Линдеръ не появилась на порогѣ со своимъ неизмѣннымъ:

— Schlafen, Kinder, schlafen!

— Знаешь, Нина,—обратилась ко мнѣ Миля Перская, когда свѣтъ въ комнатѣ былъ уменьшенъ и мы улеглись по своимъ постелямъ. — Я давно хотѣла спросить тебя: вѣришь-ли ты въ сверхъестественное?

— Какія глупости! — произнесла я. — Конечно, не вѣрю.

— Нѣтъ, не глупости! — подхватила Эмилія съ жаромъ.—Нѣтъ, не глупости! Я, по крайней мѣрѣ, вѣрю въ существованіе привидѣній, духовъ и тому подобное. И потомъ, потомъ я убѣждена, что мертвые могутъ являться къ живымъ, принявъ человѣческую оболочку... Знаешь,—

тутъ Миля понизила голосъ до шопота, и глаза у нея фосфорически загорѣлись во тьмѣ, — я тебѣ разскажу одинъ случай. Женя Лазарева разсказывала... Какъ-то она запоздала съ возвращеніемъ съ экзерсировки и вдругъ, проходя по залѣ, она остановилась, пораженная какимъ-то шорохомъ въ сторонѣ большого портрета. Женя трусиха страшная, но въ этотъ разъ поборола себя и оглянулась въ ту сторону, и вдругъ...

Тутъ Перская откинулась назадъ на подушки и закрыла лицо руками. Прошла минута... другая... Я сгорала отъ любопытства и нетерпѣнія.

— Израилъ... Нина!—глухимъ шопотомъ произнесла рыженькая Миля, — ты знаешь портретъ императора Павла, основателя нашего института, тотъ портретъ, который стоитъ за деревянной рѣшеткой?..

— Знаю. Ну, и что-же? — нетерпѣливо пожала я плечами.

— А то, что „его“, императора не было на портретѣ! Онъ сошелъ съ портрета. Понимаешь, сошелъ!—и Миля уткнулась головой въ подушку.

— Какая чепуха!—вскричала я чуть не въ голосъ,— и ты можешь вѣрить подобному вздору!

— Это не вздоръ! — обидѣлась Перская, — всѣ тебѣ могутъ подтвердить это. Многія знаютъ, что ровно въ полночь „онъ“ сходитъ съ портрета по краснымъ ступенямъ и гуляетъ по залу.

— Глупости!—вскипѣла я,—только глупыя дѣти спо-

собны вѣрить въ подобную выдумку. Ну, хочешь, я докажу тебѣ, что ничего подобнаго не существуетъ? Завтра-же въ полночь пойду въ залу, и никакой императоръ не сойдетъ въ моемъ присутствіи съ портрета, увѣряю тебя...

— Нинка! Глупая! Сумасшедшая, не смѣй говорить такъ! — въ ужасѣ зашептала Миля, — и не смотри на меня такъ! У тебя такіе глазищи въ темнотѣ! Мнѣ страшно, Нина. Мнѣ страшно!

— Перская, не глупи!—повысила я голосъ, — мы не маленькія дѣти. Что за безобразіе, право, быть такой трусихой и ребенкомъ! Нарочно, чтобы доказать вамъ всѣмъ ваше заблужденіе, я отправлюсь завтра-же въ полночь въ залъ и буду караулить „выходъ“ императора. А теперь пора спать. Спокойной ночи, Эмилія. Не мѣшай мнѣ.

И съ самымъ безмятежнымъ видомъ я повернулась спиной къ моей сосѣдкѣ и погрузилась въ мои свѣтлыя грезы о Гори, и объ аулѣ, и о синемъ кавказскомъ небѣ, и о темныхъ исполинахъ-горахъ, такъ беззавѣтно и горячо любимыхъ мною.

Я сладко спала въ эту ночь, забывъ весь міръ и грезя о милой моему сердцу кавказской жизни.

Утренній колокольчикъ непріятно поразилъ мой слухъ. Синее небо, высокія горы и живописная кавказская природа — все исчезло, и будничная институтская жизнь настойчиво вступила въ свои права. Быстро одѣвшись

(я никогда не тратила ни дома, ни здѣсь много времени на свой костюмъ), я вышла изъ дортуара, имѣя намѣреніе побродить до звонка, призывающаго къ молитвѣ.

Миновавъ длинный верхній коридоръ, я вышла на церковную площадку и хотѣла уже спуститься по лѣстницѣ въ такъ называемую „чортову долину", то-есть небольшую круглую эспланаду, гдѣ висѣли огромные часы и стояли деревянныя скамейки, какъ слухъ мой былъ внезапно привлеченъ быстрымъ шопотомъ чьихъ-то двухъ голосовъ.

— Спасибо, барышня, красавица, большое спасибо и за книжки, и за доброту вашу. Очень мы вамъ благодарны, m-lle Рамзай! Вѣкъ буду за васъ Бога молить.

„Рамзай! Что такое?—вихремъ пронеслось въ моихъ мысляхъ.—Опять Рамзай, съ кѣмъ это она?"

И, не отдавая себѣ отчета — хорошо или дурно то, что я дѣлаю, я перевѣсилась черезъ перила лѣстницы верхней площадки и заглянула внизъ.

Мнѣ сразу бросилась въ глаза красивая, рослая фигура гардеробной Аннушки, ея краснощекое, здоровое лицо, ясные, синіе глаза, полныя бѣлыя руки, обнаженныя по локоть, а рядомъ съ нею она, худая, высокая, блѣдная, зеленоглазая дѣвочка...

— Читайте хорошенько, Аннушка, это хорошія книги,—говорила шопотомъ блѣдная дѣвочка,—эту книгу каждый русскій человѣкъ прочесть долженъ. Это особенная книга, дивная! Вотъ сами увидите!

— Барышня, голубушка, душевное вамъ спасибо!— зашептала снова Аннушка. — Сегодня-же ночью начну читать. Какъ дѣвушки заснутъ у насъ въ подвалѣ, я зажгу огарочекъ и примусь за чтеніе. Только бы наши не увидѣли. А то засмѣютъ. Бѣда. И-то смѣются. Говорятъ: „Тебя барышня Рамзай обожаетъ“. Срамота!

— Какая срамота? — зазвенѣлъ дрожащій голосокъ, и я видѣла, какъ темныя брови баронессы сошлись въ одну прямую тонкую полоску.—Какая-же тутъ срамота, Аннушка? Ну да, обожаю, если у васъ это такъ принято называть, обожаю васъ за вашу доброту, трудолюбіе, способность, умѣнье воспринимать прочитанное, умѣнье образовать себя. Потому что вы лучше ихъ всѣхъ, этихъ изверченныхъ, пустыхъ, разсчетливыхъ дѣвчонокъ. Да, обожаю и буду обожать, то-есть любить васъ, и никому не обязана давать въ этомъ отчета. Да!

— Барышня, золотая! Баронесса моя миленькая! Не знаю ужь, какъ благодарить васъ. Вы такая бѣленькая, нѣжненькая, точно цвѣтокъ или куколка, и меня-то любите, мужичку-чумичку! Глядите, у меня и руки-то шершавыя, исколотыя.

— Вотъ-вотъ, за это и люблю я васъ больше всѣхъ, Аннушка,—снова зазвенѣлъ нервный голосокъ Лидіи.— Вы труженица, работница, всю жизнь трудитесь и трудиться будете, а мы, что изъ насъ выйдетъ, когда мы кончимъ наше воспитаніе и выйдемъ въ свѣтъ?.. Больныя плясуньи, нервныя барыньки... Ахъ, Аннушка,

Аннушка, мнѣ такъ жаль иногда дѣлается, что я родилась не простой крестьянской дѣвочкой, а богатой баронессой Рамзай!

Нервный голосокъ дрогнулъ и оборвался на минуту... Потомъ чьи-то мягкіе шаги послышались на лѣстницѣ.

Я быстро метнулась въ сторону и стрѣлой кинулась въ дортуаръ. Мое сердце билось усиленно, моя душа горѣла. Какое-то злорадное чувство злостнаго удовлетворенія наполняло все мое существо.

— Ага,—говорила я себѣ, злясь и волнуясь,—ага, попались, наконецъ, гордая, очаровательная баронесса! Вы, считавшая себя выше всѣхъ этихъ „бѣганій“ за учителями и равными вамъ воспитанницами, вы обожаете простую дѣвушку-горничную, „мужичку“, какъ она сама называетъ себя! Вы, осмѣлившаяся такъ гордо и заносчиво держать себя со мною! Сама судьба пожелала открыть мнѣ вашу тайну, и теперь... держитесь, милая баронесса! Самозванная княжна сумѣетъ отомстить вамъ, когда слѣдуетъ. О, какое растерянное лицо сдѣлаете вы, какъ округлятся ваши зеленые глаза, когда весь классъ узнаетъ о вашемъ поступкѣ...

И, волнуясь, задыхаясь и трепеща всѣмъ тѣломъ, я пулей влетѣла въ дортуаръ и, едва произнося слова отъ охватившаго меня злораднаго торжества, прокричала, задыхаясь:

— Mesdames! Сюда! Я кое-что узнала и подѣлюсь сейчасъ съ вами...

Жадныя до впечатлѣній дѣвочки вмигъ окружили меня. Я плохо сознавала сейчасъ ту некрасивую роль, которая выпала на мою долю. Я вся кипѣла одною мыслью, однимъ желаніемъ: отомстить, во что бы то ни стало отомстить той гордой, злой дѣвочкѣ, которая такъ рѣзко оттолкнула меня отъ себя въ минуту моего великодушнаго порыва.

И я отомстила. Слова рвались у меня теперь одно за другимъ, когда я, преисполненная негодованія и гнѣва, говорила подругамъ о томъ, что мнѣ довелось сейчасъ услышать.

— Рамзай позоритъ классъ... Рамзай поступаетъ некрасиво... Честь класса затронута... „Бѣгать“ за горничной-мужичкой!.. Мы всѣ должны заявить Рамзай наше негодованіе, нашъ протестъ!..

— Да, да! Всѣ! всѣ! Это возмутительно, это ужасно!— хорохорились и волновались тридцать пылкихъ головокъ. — Гдѣ она? Пускай явится только! Мы ей покажемъ! Хитрая! Лживая! Чухонка! Дрянная! Да гдѣ-же она? Идите за нею! Приведите Рамзай сейчасъ! Сію минуту!

— Я здѣсь! Что надо?—ворвался въ общій шумъ и гамъ знакомый голосъ, и баронесса Рамзай, какъ ни въ чемъ не бывало, вбѣжала въ кругъ.

— Вотъ она! Вотъ она! Срамница! Дрянная! Финка хитрая! — послышались взволнованные, озлобленные голоса.

И толпа негодующихъ, крикливыхъ и горячихъ дѣвочекъ тѣснымъ кружкомъ обступила блѣдную баронессу. На ея нервномъ, подвижномъ лицѣ отразилось самое неподдѣльное недоумѣніе.

— Что такое? Ничего не понимаю! Да не орите-же вы всѣ разомъ! Въ чемъ я провинилась опять?

— Молчи! Молчи! Хитрая! Притворщица!—посыпалось градомъ со всѣхъ сторонъ.

Лидія нетерпѣливо пожала плечами.

— Не всѣ сразу... Объясните толкомъ...

Тогда Марина Волховская — самая энергичная, спокойная и уравновѣшенная изъ всего класса—выступила впередъ.

— Нехорошо... подло... не по-товарищески...—начала она сурово. — Некрасиво... Смѣешься надъ другими, а сама горничную-полосатку обожаешь... Тихонько ото всѣхъ. А намъ говоришь: „не желаю унижаться“. И потомъ бѣгать за мужичкой... Эта Аннушка... Она репейнымъ масломъ голову мажетъ... О!

— Молчи! Довольно! Я поняла все...—раздался сильный, мощный, разомъ окрѣпшій голосъ.—Я поняла все. Кто-то подсмотрѣлъ за мною и насплетничалъ на меня классу. Но классъ мнѣ не указчикъ. Что хочу, то и дѣлаю. Да, что хочу, то и дѣлаю, — вызывающе окинувъ насъ взоромъ, подтвердила она. — Я рѣшила дружить съ Аннушкой, потому что она простая, умная, добрая, прямая и непосредственная. Гораздо болѣе непосред-

ственная, чѣмъ вы всѣ... Еслибъ вы знали, какъ стремится къ свѣту ея простая, чистая душа! Какъ она жаждетъ учиться, какъ она сама занимается добровольно всѣмъ, къ чему васъ принуждаютъ чуть не палкой. Она развитѣе и умнѣе многихъ изъ насъ, и вся ея вина въ томъ, что она родилась бѣдной крестьянкой. Пусть говорятъ, что я обожаю ее... Ну да, обожаю, то-есть люблю ея душу, ея трезвый, здоровый умъ, и это мое обожаніе, какъ вы называете его, можетъ принести ей пользу и только... Я даю ей книги, и въ бесѣдахъ со мною она находитъ пользу для себя... И я горжусь, что приношу ей пользу. Да. А теперь скажите мнѣ, что лучше по-вашему: помогать развиваться молодой, жаждущей свѣта, познанія душѣ, или безъ толку юродствовать, бѣгая вприпрыжку за синими фраками нашихъ учителей, „обожать“ ихъ и всячески проявлять въ подобныхъ поступкахъ собственную глупость? Скажите мнѣ, что я не права, и я тотчасъ же поступлюсь моей дружбой съ Аннушкой и перейду на вашу сторону, даю вамъ мое честное слово, слово баронессы Лидіи Рамзай.

Она кончила свою пылкую, горячую рѣчь и теперь стояла съ гордо приподнятой головою, красивая, независимая, взволнованная, какъ никогда.

Дѣвочки попрежнему окружали ее тѣсною толпою. Всѣ молчали. Прошла минута... другая... третья... И вдругъ чей-то тихій, нерѣшительный голосъ произнесъ:

— Рамзай права. Права... Конечно...

— Да... Да... разумѣется, права! Молодецъ, Рамзай! — зазвучали громкія, уже восторженныя восклицанія.

— Рамзай, твою руку! Мы были не правы! — покрывая остальные голоса, прозвучалъ спокойный, невозмутимый голосъ Марины Волховской.

И наша первая ученица энергично тряхнула руку Лидіи.

Ея примѣру послѣдовали остальныя, нѣсколько паръ рукъ потянулось къ ней. Кто-то обнялъ Рамзай. Кто-то цѣловалъ ея стриженую головку.

Я почувствовала себя самымъ несчастнымъ существомъ въ мірѣ. Я смутно сознавала, что поступила гадко, нехорошо, и жгучій стыдъ захватилъ мою душу. Но уйти я не могла. Точно что-то приковывало меня къ мѣсту. Я понимала въ эти роковыя минуты, что всякій проступокъ влечетъ возмездіе. И возмездіе не замедлило совершиться.

— Кому я обязана разоблаченіемъ моей тайны? — послѣ недолгой паузы снова прозвучалъ голосъ Рамзай.

Всѣ глаза, какъ по командѣ, направились на меня. И глаза Лидіи вмѣстѣ съ остальными. Умру—не забуду того взгляда, исполненнаго насмѣшки, вызова и презрѣнія, которымъ она наградила меня. И ни одного слова не сорвалось при этомъ съ ея характерныхъ малиновыхъ губъ. Взглянула — и отошла съ гордымъ видомъ властительной королевы.

— Нина! Нина! Милая! Да „отдѣлай“ же ты ее, ради Бога! — зашептала мнѣ въ уши моя ярая сторонница Перская.

— Отвяжись! — съ гнѣвомъ вырвалось у меня. — Уйди ты отъ меня, всѣ вы уйдите!—неожиданно накинулась я на окружавшихъ меня съ видомъ сочувствія трехъ-четырехъ дѣвочекъ,—никого мнѣ не надо, никого, никого!..

И быстро повернувшись ко всѣмъ спиною, я почти бѣгомъ выбѣжала изъ дортуара.

ГЛАВА VIII.

Выходъ императора.—Привидѣніе.

Цѣлый день меня преслѣдовали негодующіе, вызывающе-насмѣшливые и дерзкіе глаза Лидіи. Всюду, куда-бы я ни пошла—и во время рекреацій, и во время уроковъ, они стояли передо мною, какъ два живые укора, и мучили меня.

— Госпожа Израилъ, что съ вами?—недоумѣвалъ нашъ снисходительный институтскій батюшка о. Василій, когда на урокѣ закона Божія, вмѣсто того, чтобы разсказать о первомъ вселенскомъ соборѣ, я понесла невозможную чушь о патріархѣ Никонѣ и сожженіи священныхъ книгъ.

— Г-жѣ Израилъ простительно, батюшка,—послышался съ первой скамьи пискливый голосъ Котковой,—она вѣдь собственно магометанка, ей муллу надо бы съ Кавказа выписать.

— Несуразное толкуете, дѣвочка!—вступился за меня всегда отечески добрый ко всѣмъ намъ священникъ.—Г-жа Израилъ примѣрно въ прежніе уроки отвѣчала, и теперь я болѣзнью только и могу объяснить ея неаккуратность! Идите съ Богомъ, дѣточка, и къ слѣдующему уроку вы мнѣ все это хорошенько усвойте!—обратился ко мнѣ священникъ и, ласково кивнувъ мнѣ головою, отпустилъ меня.

Послѣ урока мнѣ стало еще хуже. Отношеніе дѣвочекъ круто измѣнилось ко мнѣ. Никто не заговаривалъ со мною, и всѣ онѣ точно умышленно избѣгали меня.

Одна только Перская попрежнему относилась ко мнѣ съ бережной заботливостью. Но это меня не радовало нисколько.

Перская не была для меня тѣмъ идеаломъ друга, котораго жаждало мое впечатлительное сердце, и, какъ это ни странно, я не любила ея. Есть натуры, которыя созданы исключительно для подчиненія себѣ подобнымъ, и къ числу такихъ натуръ относилась и восторженная Эмилія. Ей нравилось окружать меня какимъ-то, ею самой созданнымъ, ореоломъ, ей нравилось жить для меня и заботиться обо мнѣ. И я принимала ея заботы,

видя, какъ ей дорого это, какъ ей самой нравится ея самоотверженная роль; я дѣлила съ ней досуги, учила вмѣстѣ съ ней уроки, но ни любящей, ни откровенной быть съ ней я не могла. Сегодня-же ея заботы какъ-то даже досаждали мнѣ.

— Оставь меня. Я дурная, отверженная, гадкая! Развѣ ты не видишь, весь классъ отвернулся отъ меня!—говорила я не безъ горечи моей единственной сторонницѣ.

— Ахъ, что мнѣ до класса, когда у меня давно сложилось мое собственное мнѣніе о тебѣ!—горячо возражала Перская и тотчасъ-же добавляла съ жаромъ, подкрѣпляя свои слова крѣпкимъ поцѣлуемъ:—ты такая прелесть, Нина! И я тебя такъ люблю!

Кое-какъ прожила я этотъ ужасный день. Вечеръ провела у Люды и ея седьмушекъ, но ни словомъ не обмолвилась ей о моей размолвкѣ съ классомъ. Душу мою грызла нестерпимая тоска. Сердце ныло и болѣло. Я едва дождалась звонка, призывающаго къ вечерней молитвѣ, и была несказанно счастлива, когда мы пошли въ дортуаръ.

— Знаешь, Нина, это отчасти хорошо, что все такъ случилось,—помогая заплетать мнѣ косу, говорила Перская,—по крайней мѣрѣ сегодняшняя исторія заставитъ тебя забыть про твой безумный замыселъ...

— Какой замыселъ?—удивилась я.

— Да помнишь?..—тутъ Миля наклонилась къ моему

уху и тихо шепнула:—ты хотѣла идти сегодня караулить „выходъ“ императора. Теперь, по крайней мѣрѣ, ты не пойдешь...

— Кто тебѣ сказалъ это?—всполошилась я.—Напротивъ, теперь-то я и пойду. Мнѣ необходимо развлеченіе,—произнесла я твердо.

Дѣйствительно, мнѣ необходимо было пережить смѣну впечатлѣній. Мнѣ хотѣлось испытать что-нибудь самое необычайное, что бы разомъ перевернуло въ моей душѣ это ужасное, невыразимо тяжелое ощущеніе гнетущей тоски.

— Я пойду,—упрямо и рѣшительно бросила я въ сторону Эмиліи.

— Нина... милая... — затянула плаксивымъ голосомъ та.

— Оставь меня, пожалуйста! Ты надоѣла мнѣ! Не хнычь!—огрызнулась я сердито и быстро юркнула въ свою постель.

Въ этотъ вечеръ m-lle Арно особенно долго ходила по дортуару, изрѣдка призывая къ тишинѣ и покрикивая на не въ мѣру расходившихся дѣвочекъ. Наконецъ она бросила свое обычное „bonne nuit“ и „испарилась“ въ свою комнату.

Я только и ждала этой минуты. Едва лишь длинная, худая, костлявая фигура француженки исчезла за порогомъ ея „дупла“, какъ я легк выпрыгнула изъ моей постели, взглянула мелькомъ на спавшую Перскую,

набросила на себя холщевую юбочку, натянула чулки и, не одѣвая сапогъ, чтобы не производить шума, быстро скользнула изъ дортуара.

Тишина царила кругомъ. Газовые рожки слабо освѣщали длинные коридоры, а со стороны церковной площадки глядѣла жуткая непроницаемая мгла. Я не пошла, однако, по церковной или такъ называемой „парадной лѣстницѣ", а бѣгомъ пустилась по черной, которая находилась тотчасъ-же подлѣ нашего дортуара, и вошла въ средній, классный коридоръ, примыкающій къ залѣ.

Не безъ трепета,—не страха, а волненія, конечно,—открыла я высокую дверь и вошла въ залу. Огромное полутемное помѣщеніе мрачно глянуло на меня своими бѣлыми стѣнами, съ исполинскими рамами царскихъ портретовъ и двухсвѣтными окнами, черезъ которыя мѣсяцъ ронялъ свой слабый мерцающій свѣтъ.

Легкими, проворными шагами пробѣжала я пространство отъ двери до портрета императора Павла, помѣщеннаго за деревянной рѣшеткой на небольшомъ возвышеніи, на которое вели высокія ступени, крытыя краснымъ сукномъ. Вотъ онъ передо мною, давно умершій императоръ, въ горностаевой мантіи, съ короной на головѣ, со скипетромъ въ рукахъ. Его лицо, съ характерными чертами, вздернутымъ носомъ и насмѣшливымъ взглядомъ, обращено прямо на меня. При блѣдномъ сіяніи мѣсяца мнѣ чудится, что по лицу его бродитъ улыбка. Но это чудится только. Я отлично пони-

маю, что мертвый портретъ не можетъ улыбаться. А можетъ быть и можетъ? Можетъ быть онѣ правы, всѣ эти наивныя, смѣшныя дѣвочки, и императоръ „оживетъ“ и ровно въ полночь сойдетъ съ портрета? Чегобы это мнѣ ни стоило—я дождусь его „выхода“, или я не достойна имени Нины Израилѣ! И я усѣлась прямо на полъ у деревянной баллюстрады, которая отдѣляла залъ отъ красныхъ ступеней помоста. Невольно при этомъ мнѣ вспомнилось разсужденіе Мили по поводу этой рѣшетки.

— Ее поставили для того,—говорила мнѣ дѣвочка, и каріе глаза ее округлились отъ ужаса,—чтобы помѣшать привидѣнію сходить со ступеней.

Ха, ха, ха! Ну, вотъ, мы и провѣримъ, милая трусиха, насколько оправдаются всѣ ваши страхи.

И я сложила руки на груди, прислонила голову къ рѣшеткѣ и приготовилась ждать.

На коридорныхъ часахъ пробило одиннадцать.

Остался часъ, цѣлый часъ ожиданія. Цѣлый часъ наединѣ сама съ собою! Я любила часы одиночества, особенно теперь, въ дни моего пребыванія въ институтѣ. Я переживала въ нихъ всѣ мои невзгоды и печали. А ихъ было такъ много, такъ ужасно много! Моя жизнь становилась невыносимой въ этихъ сѣрыхъ стѣнахъ. Подруги не понимали и сторонились меня, классныя дамы преслѣдовали меня за мои, странныя для нихъ, выходки, за рѣзкость и неумѣніе примѣняться

къ строгимъ институтскимъ правиламъ. М-lle Арно нѣсколько разъ уже жаловалась на меня Людѣ, и та со слезами на глазахъ молила меня исправиться ради памяти нашего покойнаго отца. Странная эта Люда, право! Исправиться, въ чемъ? Но я не знаю грѣха за собою. Мнѣ надо окончательно перестать быть прежней княжной Ниной, чтобы сдѣлаться угодной въ этихъ стѣнахъ. Ахъ, эти стѣны, эти стѣны! Я-бы съ наслажденіемъ отдала половину моей жизни, чтобы остальную половину прожить въ аулѣ Бестуди, подъ крылышками двухъ любимыхъ мною стариковъ!.. И при воспоминаніи о миломъ Бестуди я невольно перенеслась мыслью далеко, далеко, за тысячи верстъ. Въ моемъ воображеніи встала картина чудной лѣтней Дагестанской ночи... О, какъ сладко пахнетъ персиками и розами кругомъ! Мѣсяцъ бросаетъ свѣтлыя пятна на кровли ауловъ... На одной изъ нихъ сидитъ закутанная въ чадру фигура... знаю ее, маленькую, хрупкую... Это Гуль-Гуль! Малютка Гуль-Гуль!

— Гуль-Гуль!—кричу я,—здравствуй! Милая! Дорогая!

Внезапный шорохъ разомъ прерываетъ мои мысли... Я поднимаю голову и оборачиваюсь назадъ... И—о ужасъ!—фигура императора четко выдѣлилась изъ рамы портрета, опираясь на скипетръ. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ... Вотъ безъ труда занесъ онъ ногу и поставилъ ее на красную ступень пьедестала... Вотъ слѣдомъ за

правой ногой отдѣляется и лѣвая въ узкой ботфортѣ... Невольный трепетъ охватилъ меня... Я, жаждавшая встрѣчи съ горнымъ душманомъ, я, не боявшаяся круглой башни въ замкѣ моей бабушки, теперь затрепетала вся, съ головы до ногъ, убѣдясь воочію въ ночномъ выходѣ императора!.. Прижавъ къ груди трепещущія руки, вся похолодѣвъ отъ ужаса, я стояла и ждала, вперивъ округлившіеся отъ страха глаза въ приближающуюся ко мнѣ съ каждой минутой фигуру. Императоръ медленно и важно спускался по краснымъ ступенямъ, неся скипетръ въ одной рукѣ и держа у пояса другую руку. Теперь я уже ясно видѣла его лицо: блѣдное, гнѣвное, страшное... Глаза его метали молніи, тонкія губы кривились въ злую, издѣвающуюся усмѣшку. Его взглядъ, вонзенный въ мои глаза, пылалъ негодованіемъ. Теперь онъ стоялъ уже на послѣдней ступени, въ двухъ шагахъ отъ меня. Насъ отдѣляла одна только тоненькая рѣшетка баллюстрады.

И вдругъ блѣдныя губы императора дрогнули и открылись. Блѣдное лицо исказилось судорожной гримасой:

— Какъ смѣла ты не вѣрить, дерзкая!—пронесся трубнымъ, мощнымъ звукомъ по залу глухой, не живой голосъ.

Въ ту-же минуту деревянная баллюстрада рухнула и разлетѣлась на тысячу мелкихъ кусковъ подъ мощной, сильной рукою. Державная рука высоко взмахнула тя-

желымъ скипетромъ надъ моей головой, другая потянулась ко мнѣ... Я дико вскрикнула на весь залъ, вскрикнула и... проснулась.

О, какой это былъ сонъ! Какой тяжелый, ужасный... Деревянная баллюстрада попрежнему стояла на своемъ мѣстѣ. Лучъ мѣсяца скользилъ по лицу императора. И оно улыбалось. Прежняя полутьма царила въ залѣ, наполненной портретами давно умершихъ великихъ людей... Все было попрежнему на стѣнахъ и портретахъ, но въ залѣ было далеко не все попрежнему, и новое необычайное явленіе приковывало къ себѣ мое вниманіе. По испещренному лунными пятнами паркету медленно скользила высокая бѣлая фигура. Она приближалась ко мнѣ легкой, неслышной походкой, направляясь по пути къ портрету императора. Бѣлое привидѣніе было отвратительно и своей худобой и своей неимовѣрной вышиною. Что-то неопредѣленное было въ ней, въ этой длинной, прямой, какъ палка, фигурѣ.

Пережитый только что ужасъ подѣйствовалъ на ме самымъ неожиданнымъ образомъ: весь мой страхъ рукой сняло, и я испытывала только одно безумно ланіе узнать—что это было такое. Быстро вск ноги, я въ три прыжка миновала отдѣляющ и ничего отвратительнаго привидѣнія разстояніе нѣ раздраже-призракъ за его костлявыя руки, закричало „выхода“ им-

— Нѣтъ, ужь тебя-то я не боюсь тебѣ чушь, кото-точки! упыя, наивныя дѣти.

— Но вы съ ума сошли, Израилъ!—послышался отвѣтнымъ крикомъ черезчуръ знакомый мнѣ ненавистный голосъ, и m-lle Арно въ бѣлой юбкѣ, бѣлой кофтѣ и бѣлой ночной косыночкѣ на головѣ предстала предо мною во всемъ своемъ безобразіи.

Я ошалѣла.

— M-lle, простите! Я не узнала васъ!—прошептала я, смущенная до-нельзя неожиданностью этой встрѣчи.

— Лжете! Вы лжете!—вопила неистово синявка.—Вы нарочно сдѣлали мнѣ дерзость, вы хотѣли оскорбить меня! Зачѣмъ вы были въ залѣ? Я дѣлала ночной обходъ, ваша постель оказалась пустою... Зачѣмъ вы очутились ночью здѣсь? Отвѣчайте сію-же минуту.

— Это касается меня только и никого больше!—твердо возразила я.

— А, такъ-то!—взвизгнула она,—хорошо-же. Завтра-же я донесу maman и буду настаивать на публичномъ внушеніи...

— А что это такое публичное внушеніе, m-lle?—открыто спросила я самымъ спокойнымъ тономъ взбѣшенную масой:

— Ка[illegible]олчать! Молчать! Молчать!—закричала она не трубнымъ, [illegible]сомъ,—и маршъ въ дортуаръ! Сію-же минуту! голосъ. [illegible]оставалось дѣлать, какъ не повиноваться?

Въ ту-же м[illegible]а въ спальню, Эмилія сидѣла на своей и разлетѣлась на [illegible]аясь во всѣ стороны, точно у нея босильной рукою. Дер

— Нина, наконецъ-то! Арно тебя хватилась, подняла шумъ. Ну, что! Видѣла „его“?

— Слушай, Перская,—не отвѣчая на ея вопросъ, обратилась я къ дѣвочкѣ,—не знаешь-ли ты, что это значитъ „публичное внушеніе“, которымъ мнѣ пригрозила Арно?

— Это ужасъ что такое, Нина! Это самое позорное наказаніе, которое только существуетъ въ институтскихъ стѣнахъ. Собираются всѣ классы, съ перваго до седьмого, въ залѣ, приходитъ все институтское начальство, опекуны, попечители, учителя и классныя дамы, и батюшка отчитываетъ виновную въ присутствіи всего института. Но подобное наказаніе только полагается за очень крупную вину, и мы не допустимъ, чтобы тебя, старшую воспитанницу, приговорили къ нему. Можешь быть спокойна, Нина! Классъ заступится и не позволитъ себя позорить. А ты... а ты...—разомъ мѣняя тонъ и понижая голосъ до шопота, заключила Перская,—ты „его“ видѣла, скажи, душка. Да?

— Кого?

— Да императора... Дождалась ты его „выхода“, Нина?

— Я дождалась позорнаго наказанія и ничего больше,—разомъ закипая привычнымъ мнѣ раздраженіемъ, огрызнулась я,—а что касается до „выхода“ императора, то я не совѣтую повторять тебѣ чушь, которой способны вѣрить только развѣ глупыя, наивныя дѣти.

И повернувшись спиной къ Эмиліи, я зарылась въ подушки, всѣми силами пытаясь уснуть.

ГЛАВА IX.

Балъ.—Пріятный сюрпризъ.—Снова внушеніе.

Мы не допустимъ рѣшительно заявила мнѣ въ ту хорошо памятную мнѣ ночь Перская, и „онѣ“ дѣйствительно не допустили. Мои одноклассницы-выпускныя рѣшительно запротестовали всѣмъ классомъ противъ „публичнаго внушенія“, ожидавшаго ихъ нелюбимую подругу. Марина Волховская, Анна Смирнова, Лиза Бѣлая, всѣ лучшія ученицы класса пошли „умасливать“ „жабу“ и просить ее не давать ходу „исторіи“. И жаба смилостивилась. Даже баронесса Нольденъ ничего не узнала о случившемся.

Мои отношенія съ классомъ не улучшились, однако, послѣ этой исторіи. Дѣвочки попрежнему недоброжелательно относились ко мнѣ. Впрочемъ, острыхъ нападокъ съ ихъ стороны на меня не было, да ихъ, впрочемъ, и не могло быть теперь. Юные умы были заняты предстоявшимъ чрезвычайнымъ событіемъ, которое должно было всколыхнуть стоячія воды тихой, однообразной институтской жизни.

Въ институтѣ давался ежегодно блестящій шумный балъ. Къ этому балу готовились еще за два мѣсяца.

Институтская администрація поднялась на ноги. Дѣвушки и сторожа чистили, мыли и скребли во всѣхъ углахъ огромнаго зданія.

Въ эти два мѣсяца многія дѣвочки отказывались отъ обѣдовъ и завтраковъ, желая усвоить себѣ какъ можно большую эфирность и легкость. „Интересная блѣдность“ была рѣшительно въ модѣ въ стѣнахъ института и, чтобы достичь этой интересной блѣдности, иныя дѣвочки, не задумываясь ни передъ чѣмъ, ѣли мѣлъ, сосали лимоны, глотали кислоту и всякія гадости. Каждое утро онѣ перетягивались въ рюмочку, чтобы „пріучить фигуру“ и пріобрѣсти тонкую осиную талію. Осиная талія считалась не меньшимъ шикомъ, чѣмъ интересная блѣдность. Кавалеры приглашались заранѣе: это были братья, кузены и товарищи братьевъ институтокъ, воспитанники старшихъ классовъ лицея, училища правовѣдѣнія и корпусовъ.

Студенты университета и спеціальныхъ институтовъ тщательно изгонялись изъ списковъ приглашаемыхъ за „неблагонадежностью“, какъ таинственно сообщалось намъ классными дамами.

— Нина! Нина! ты не горюй, что у тебя знакомыхъ на балу не будетъ!—говорила мнѣ Эмилія,—я брата приглашаю и его товарища. Братъ мой красивый блестящій лицеистъ, онъ будетъ танцовать съ тобой, а себѣ въ бальные кавалеры я зову пажа Нику Рубенскаго.

— Ахъ, не все-ли равно!—поводила я плечами,—я и танцовать-то не буду. Не хлопочи, пожалуйста! Какое мнѣ дѣло до вашего бала.

— Ниночка, милая, пожалуйста не порти ты мнѣ вечера,—плакалась она,—не порти праздника. Владиміръ—твой кавалеръ, Ника—мой... Пожалуйста. Я такъ рѣшила! Душка! Милая!

И Перская бросилась мнѣ на шею и цѣловала меня.

Наконецъ наступилъ этотъ, такъ давно ожидаемый юными сердцами, вечеръ.

Уроковъ въ день бала не было и мы тотчасъ же послѣ обѣда поднялись въ дортуаръ. Тутъ-то и началась адская суматоха, длившаяся чуть не цѣлые четыре часа. Дѣвочки до красноты терли себѣ мочалками шеи, въ кровь исцарапывали зубными щетками десны, немилосердно палили волосы, сооружая какія-то замысловатыя прически. Только къ восьми часамъ всѣ были готовы и, торжественныя, разрумяненныя и счастливыя, сошли внизъ. М-lle Арно въ новомъ синемъ платьѣ, съ тщательно подвитыми кудерьками, пропустила мимо себя весь классъ, при чемъ двухъ-трехъ завитыхъ и одну напудренную вывела „изъ строя“, приказавъ размочить волосы и умыть лицо. Сконфуженныя дѣвочки безропотно на этотъ разъ исполнили ея желаніе.

Ровно въ 8 часовъ мы выстроились въ длинномъ классномъ коридорѣ. Прошло минутъ пять томительнаго жгучаго ожиданія—и вотъ „на горизонтѣ“, то-есть

у дверей библіотеки, у конечнаго края коридора, появилась maman въ эффектномъ темно-голубомъ платьѣ, красивая, величественная, снисходительно улыбающаяся въ сопутствіи опекуновъ, попечителей, учителей и цѣлой толпы приглашенныхъ.

Въ ту-же минуту изъ залы, съ эстрады, устроенной для военнаго оркестра, понеслись нѣжные, мягкіе, чарующіе звуки моднаго вальса... Эти звуки всколыхнули и подняли меня всю. Они наполнили все мое существо, мой мозгъ, мое сердце, мою душу. Я не помню, какъ я очутилась въ залѣ, какъ заняла указанное мѣсто среди моихъ подругъ, не слышала и не видѣла, что дѣлалось вокругъ меня, и только опомнилась и какъ-бы проснулась въ ту минуту, когда надъ моимъ ухомъ прозвучалъ хорошо знакомый мнѣ голосъ Перской:

— Nina, puis-je te presenter mon frère Voldemar (Нина, представляю тебѣ моего брата Владиміра)!

Я подняла голову. Передо мною стоялъ коротко-остриженный подъ гребенку молодой лицеистъ съ красивымъ, но тупымъ, самодовольнымъ лицомъ.

— Un tour de valse (туръ вальса)!—произнесъ онъ, умышленно, какъ мнѣ показалось, картавя, и, не дождавшись отвѣта, обхватилъ рукой мою талію.

Мы понеслись по гладкому паркету. Передо мною замелькали знакомыя лица подругъ, синявокъ, Арно... Упоительной волною неслись надо мною чарующіе звуки вальса... они баюкали, нѣжили, ласкали меня. Я забыла

все—и этотъ бѣлый, теперь сплошь залитый потоками электричества, двухсвѣтный залъ, съ его портретами императоровъ по стѣнамъ, и толпу зеленыхъ дѣвочекъ, и непріятныя лица синявокъ... Мнѣ казалось, что я снова въ Гори, миломъ розовомъ Гори... въ родномъ Джаваховскомъ домѣ, среди друзей, родныхъ, любимыхъ... Мнѣ слышался ропотъ зурны и стонъ джіанури, мнѣ чудились близкія лица...

Передо мною, какъ въ туманѣ, промелькнуло лицо Люды, ея хрупкая фигурка въ форменномъ синемъ платьѣ... Она улыбается... смѣется. А рядомъ съ нею... Мой Богъ! Я грежу, или нѣтъ? Что такое? Длиннополый бешметъ казачьяго эсаула... тонкая талія истиннаго кавказца, блѣдное некрасивое лицо... некрасивое милое лицо, которое я не промѣняю ни на чье другое!..

— Андро!—вырвалось у меня однимъ безумнымъ воплемъ.

И вмигъ все было забыто: и балъ, и музыка, и чопорно-строгій этикетъ, и блестящая толпа приглашенныхъ! Я грубо вырываю свою руку изъ руки озадаченнаго лицеиста и несусь, сломя голову, черезъ весь залъ по направленію дверей, у которыхъ стоитъ онъ, мой другъ, мой братъ, Андро!

— Андро! Андро!—лепечу я, какъ безумная,—это не сонъ?.. Вы здѣсь? Вы, Андро? Живой, настоящій Андро въ Петербургѣ, въ институтѣ? На балу!

Я хватаю его за руки... Я сжимаю ихъ до боли, эти сильныя, загрубѣлыя солдатскія руки, и глаза мои впиваются въ дорогое лицо.

— Андро! Милый Андро!—повторяю я, вся дрожа отъ волненія.

— Неправда-ли, неожиданный сюрпризъ, Ниночка,— говоритъ онъ, улыбаясь и оглядывая меня съ головы до ногъ добрыми ласковыми глазами.—А все m-lle Люда, благодарите ее... Я пріѣхалъ только вчера по дѣлу въ столицу, а она, желая сдѣлать вамъ сюрпризъ, попросила баронессу зачислить меня въ списокъ приглашенныхъ. Довольны-ли вы такимъ сюрпризомъ, кузиночка?

— О, Андро!—могла только проговорить я.

Всю душу мою захлестнуло сплошное, радостное, дѣтски-восторженное чувство. Предо мною былъ мой другъ, настоящій Андро. Онъ принесъ съ собою кусочекъ кавказскаго неба въ эти чопорныя стѣны и шопотъ чинаръ, и запахъ розъ...

— Андро,—лепетала я, какъ помѣшанная,—вы не будете ни съ кѣмъ танцовать, неправда-ли, Андро? Вы отдадите одной мнѣ цѣликомъ весь этотъ вечеръ? Неправда-ли? Да? Да?

— Ну, конечно, Нина, моя маленькая кузиночка!

Въ эту минуту какъ разъ раздался ритурнель кадрили, и снова предо мной, какъ изъ-подъ земли, выросъ Вольдемаръ Перскій.

— Une cotredanse, s'il vous plait, mademoiselle (одну кадриль, если позволите),—произнесъ онъ, низко склоняя предо мною свой стриженный затылокъ.

— Отвяжитесь отъ меня!—неожиданно грубо крикнула я ему,—не видите развѣ, ко мнѣ братъ пріѣхалъ съ Кавказа. Не до васъ мнѣ совсѣмъ!

Лицеистъ опѣшилъ, сконфузился и, густо краснѣя и лепеча какія-то извиненія, плавно понесся по паркету, какъ конькобѣжецъ по льду.

— Вотъ тебѣ разъ! И не стыдно вамъ, маленькая Нина?—комически разводя руками, спросилъ Андро.

— Нисколько. Чего онъ лѣзетъ? Я такъ соскучилась по васъ.

И, схвативъ его за руку, я увлекла Андро въ самый отдаленный уголъ зала, усадила его на одну изъ деревянныхъ скамеекъ, сама усѣлась подлѣ и закидала моего гостя цѣлымъ градомъ вопросовъ: про Керима, обоихъ дѣдушекъ, Гуль-Гуль... про всѣхъ, всѣхъ...

— Керимъ живъ и здоровъ и шлетъ вамъ свой селямъ... Онъ просидѣлъ въ тифлисской тюрьмѣ, пока разбирали его дѣло. Онъ оправданъ судомъ и выпущенъ на поруки. Керимъ, какъ показало дознаніе, никогда не былъ ни убійцей, ни грабителемъ. На его совѣсти нѣтъ ни одного ужаснаго преступленія. Онъ защищалъ только слабыхъ, обиженныхъ противъ обидчиковъ. Все это выяснилось на судѣ, и вашъ кунакъ попалъ въ герои.

— А Гуль-Гуль? Что съ нею, Андро? ради Бога, говорите скорѣе.

— И Керимъ и Гуль-Гуль тотчасъ-же послѣ приговора отправились въ горы и поселились въ аулѣ Бестуди. Шайка Керима распалась, и всѣ они разъѣхались по своимъ ауламъ. Керимъ занялся теперь, какъ мирный житель, своими пастбищами и охотой. Онъ и Гуль-Гуль были у меня какъ-то въ Мцхетѣ и вспоминали о васъ...

— А дѣдушки?

— Дѣдушки оба живы и здоровы и ждутъ не дождутся вашего возвращенія на Кавказъ.

— О, Андро! Я никогда не вернусь туда, кажется!— вырвалось у меня съ болью.

— Что вы говорите, маленькая Нина!

И князь тревожно и ласково заглянулъ мнѣ въ глаза. Вѣроятно, въ лицѣ моемъ отразилось много безысходной тоски и горя, потому что Андро склонился ко мнѣ и схватилъ меня за руку.

— Маленькая Нина... — началъ онъ съ дрожью въ голосѣ.

— Да, да, она несчастна, ваша маленькая Нина, Андро, глубоко, сильно несчастна! Я ненавижу здѣсь все: и самую институтскую жизнь съ ея правилами, этикетами, и классныхъ дамъ, и учителей, и дѣвочекъ-подругъ. Они всѣ какіе-то мертвые, Андро, поймите! Точно они не сами какъ есть, а играютъ во что-то,

какъ-будто исполняютъ какія-то навязанныя имъ роли, точно актеры... И это гадко, мерзко, противно!

— Какъ? Неужели всѣ? Даже подруги.

— Да... нѣтъ, пожалуй...—произнесла я смущенно,— есть одна, которая не такая, какъ другія... но... но она сама не хочетъ знать меня, Андро, не знаю за что.

Я склонила голову, закрыла лицо руками и такъ застыла на минуту, забывъ про балъ, музыку и нарядную толпу. И вдругъ острая мысль пронзила мой мозгъ съ быстротою молніи.

— Андро!—вырвалось у меня крикомъ боли, муки и страданья,—возьмите меня съ собою, Андро, я не могу больше оставаться здѣсь!

— Нина! Дорогая! Безумная! Опомнитесь, что вы говорите! — искренно изумился онъ.

— Да, да! Возьмите, увезите меня, Андро, братъ мой, другъ мой! Прошу! Умоляю васъ!

Мое лицо исказилось гримасою страданья. Глаза наполнились слезами и я сбивчиво, безтолково передала ему всѣ мои горести и несчастья... Андро долго сидѣлъ молча, точно пришибленный моимъ признаніемъ.

— Бѣдная Нина! Бѣдный горный цвѣтокъ, попавшій въ душную атмосферу теплицы! — произнесъ онъ грустно и, ласково взявъ обѣ мои руки въ свои, сталъ увѣщевать меня и успокаивать, говоря, что теперь онъ безсиленъ сдѣлать что-либо, да и нельзя ничего сдѣлать. Надо вооружиться терпѣніемъ и стараться не замѣчать

мелкихъ невзгодъ и по возможности избѣгать крупныхъ. Потомъ онъ сталъ говорить мнѣ о Кавказѣ, о Гори, о теплыхъ осеннихъ ночахъ и шумѣ чинаровыхъ рощъ на обрывахъ, о тихо плещущей Курѣ, о синемъ небѣ, такомъ ясномъ и чистомъ, какъ взглядъ ангела.

— У насъ, на Кавказѣ, еще совсѣмъ лѣто, Нина,— говорилъ онъ мнѣ съ увлеченіемъ, — персики зрѣютъ, а у васъ, въ Петербургѣ, слякоть, осень, гадость. Я едва носъ показалъ изъ дома сегодня, какъ и скисъ совсѣмъ. Мы, южане, не любимъ сырости.

— А гдѣ вы остановились, Андро?—спросила я машинально.

— На большой площади у Николаевскаго вокзала, въ домѣ моего друга, домъ № 30, кв. 10. Очень близко отъ васъ. Не знаете? Ну, да вамъ нечего и знать! А мнѣ пора. Завтра я заѣду къ вамъ повидаться, а теперь...

— Какъ! вы уже уходите, Андро? — встрепенулась я. — Но вѣдь еще такъ рано...

— Рано?—засмѣялся онъ своимъ милымъ, задушевнымъ смѣхомъ,—но взгляните кругомъ, всѣ уѣзжаютъ. Уже больше 12 часовъ.

Дѣйствительно, всѣ кругомъ разъѣзжались. Увлеченные нашей бесѣдой, мы и не замѣтили, какъ пролетѣло время, опустѣло зало, затихла музыка и постепенно рѣдѣла толпа приглашенныхъ. Воспитанницы подозрительно и косо поглядывали на насъ... Синявки оживленно шушукались, кидая взгляды въ нашу сторону.

— Ну, до свиданья, маленькая Нина! Вамъ пора спать!—рѣшительно поднялся со своего мѣста Андро.

— Постойте, я провожу васъ до швейцарской.

— А это можно, да?

— Какое мнѣ дѣло — можно или нѣтъ! — безпечно тряхнула я головою, зная, однако, отлично, что проводы до швейцарской были однимъ изъ величайшихъ нарушеній институтскихъ правилъ.

— Такъ до завтра, Андро? До завтра? — въ сотый разъ переспрашивала я, крѣпко пожимая руки моего друга.

— Ну, конечно, до завтра, маленькая Нина! Спокойной ночи!—крикнулъ мнѣ уже изъ-за стеклянной двери, отдѣляющей нижній коридоръ отъ вестибюля, дорогой голосъ. И, кивнувъ мнѣ еще разъ головою, князь Андро исчезъ въ наружныхъ дверяхъ.

Въ ту-же минуту чья-то цѣпкая костлявая рука вцѣпилась мнѣ въ плечо. Я быстро оглянулась: предо мною стояла ненавистная m-lle Арно.

— Гдѣ вы были? Гдѣ вы были? Признавайтесь сейчасъ-же!—шипѣла отвратительная синявка.

Въ моихъ ушахъ еще звучалъ голосъ Андро, еще носились обрывки знакомыхъ, дорогихъ картинъ, вызванныхъ бесѣдою съ моимъ старымъ другомъ... И внезапное появленіе жабы особенно непріятно подѣйствовало на меня. Къ тому же рука, державшая меня за плечо, причиняла мнѣ острую, непріятную боль. Глухой

гнѣвъ закипѣлъ разомъ въ моей душѣ, охватилъ всѣ ея закоулки, заполнилъ голову.

— Да оставьте-же вы меня въ покоѣ хоть сегодня! — вскричала я, и, изо всѣхъ силъ оттолкнувъ Арно, выскользнула изъ ея рукъ и бросилась по лѣстницѣ.

Въ головѣ моей стоялъ неясный шумъ, она трещала, эта бѣдная голова, сердце билось во мнѣ, какъ пойманная пичужка, туманъ стоялъ передъ глазами, мѣшая видѣть, что происходило кругомъ... И вдругъ сильный, властный голосъ гнѣвно и строго прозвучалъ надъ моею головою:

— Такъ вотъ какъ вы обращаетесь съ вашей классной дамой! Нечего сказать, много пользы почерпнули вы въ нашихъ стѣнахъ!..

И баронесса Нольденъ съ суровымъ лицомъ и строго нахмуренными бровями предстала предо мною во всемъ величіи разгнѣванной богини... Рядомъ съ нею стояла, чудомъ появившаяся въ одну мнуту, m-lle Арно.

— Это невозможное существо! Это неисправимая дѣвчонка. Она требуетъ жестокаго наказанія, баронесса! Я давно уже хотѣла вамъ пожаловаться на нее,—захлебываясь отъ волненія и злости, трещала Арно, — но въ силу Господней заповѣди, повелѣвающей прощать, я терпѣла, да, терпѣла и молча ждала, когда она исправится! Но она неисправима! — торжественно заключила Арно, потрясая въ воздухѣ своею костлявою рукою.

— Не говорите вздора, m-lle. Я придерживаюсь того взгляда, что нѣтъ ребенка, котораго нельзя было бы исправить, — сурово оборвала расходившуюся классную даму баронесса. — И я не сомнѣваюсь въ исправленіи Израилъ. Завтра-же ей будетъ сдѣлано строгое внушеніе въ присутствіи цѣлаго института, а теперь bonne nuit, я хочу отдохнуть.

И maman величественно направилась въ свои аппартаменты, едва кивнувъ Арно головою и не удостоивъ меня даже взглядомъ.

ГЛАВА X.

Бѣгство. — Помѣха. — Новый другъ.

Я лежала въ постели, исполненная самыхъ мрачныхъ, самыхъ тяжелыхъ мыслей.

Тридцать бѣлыхъ головокъ, обернутыхъ колпачками, неподвижно покоились на жесткихъ казенныхъ подушкахъ вокругъ меня. Тридцать дѣвочекъ сладкимъ храпомъ нарушали тишину уснувшаго дортуара. Молодость взяла свое. Вволю наплясавшись и напрыгавшись вдоволь, до-сыта наговорившись о бальныхъ впечатлѣніяхъ, онѣ уснули наконецъ въ третьемъ часу.

Одна я не спала, не могла спать. Моя душа рвалась на части. Мое сердце билось и горѣло. Кровь съ шумомъ стучала въ виски. Я задыхалась отъ прилива безсильной, бѣшеной злобы.

„Что имъ нужно всѣмъ отъ меня? За что онѣ мучаютъ меня? За что придираются ко мнѣ? Не виновата-же я, что родилась вольной, свободной горянкой, а не верченой свѣтской куклой, какъ онѣ всѣ! Нельзя-же запереть орленка въ курятникъ. И теперь онѣ торжествуютъ. Имъ есть отчего радоваться. Завтра, въ такъ-называемую большую перемѣну, всѣ классы соберутся въ залѣ, всѣ учителя, начальство. Меня вызовутъ на середину и на виду всего института, всѣхъ младшихъ отдѣленій, прочтутъ мнѣ выговоръ—мнѣ, Нинѣ Израиль! И всѣ будутъ жалѣть меня и смѣяться надо мною — и Арно, и дѣвочки, и „она“, блѣдная, тоненькая баронесса съ зелеными глазами. А Люда будетъ плакать и укорять меня, и призывать имя покойнаго папы, и повторять въ сотый разъ свою любимую фразу: „Нѣтъ, ты его не любишь, Нина, не любишь!“

— О, нѣтъ, только не это, только не это! Не хочу! Не хочу!—вырвалось у меня горячимъ протестомъ, и я вцѣпилась зубами въ ни въ чемъ неповинную подушку и теребила ее, чтобы какъ-нибудь удержать стоны, рвавшіеся изъ моей груди.

— Андро! Андро!—вопило мое сердце,—зачѣмъ вы не послушали меня, зачѣмъ не согласились взять съ собою? Вы не знаете, Андро, какъ страдаетъ ваша маленькая Нина! Не знаете ничего!

И вдругъ мое сердце забилось сильнѣе. Дѣйствительно, кузенъ Андро не знаетъ, что случилось со мною.

что ждетъ меня завтра. Исторія съ „жабой“ разыгралась послѣ его ухода... И онъ отчасти даже нѣсколько виноватъ въ ней... Что, если онъ узналъ бы, какъ поступятъ завтра съ его гордой, маленькой, независимой кузиной? Если-бы онъ зналъ, какому тяжелому стыду подвергнутъ ее передъ лицомъ всего института?.. Ужь тогда, конечно, онъ принялъ-бы мѣры, чтобы его маленькая Нина избѣгла подобныхъ минутъ. Тогда-бы онъ, пожалуй, не противился моей просьбѣ и увезъ-бы меня въ Мцхетъ съ собою... Да, да, увезъ-бы, конечно! Надо только оповѣстить его до „событія“, до этого позорнаго часа суда передъ лицомъ столькихъ враговъ и ненавистницъ.

Но какъ? Какъ это сдѣлать?

Я сѣла на постели и, впиваясь широкораскрытыми глазами въ полутьму, господствующую въ дортуарѣ, ждала отвѣта.

И вдругъ простая и ясная, какъ день, мысль врѣзалась мнѣ въ мозгъ.

Все мое тѣло покрылось испариной. Крупныя капли пота выступили на лбу. Я нашла выходъ. Это былъ трудный роковой шагъ, но почти осуществимый. Надо было только одѣться поскорѣе, закутаться съ головою въ теплую пуховую „собственную“ шаль, привезенную мною изъ Гори, спуститься вплоть до нижняго этажа по черной лѣстницѣ, проникнуть въ подвалъ, гдѣ было помѣщеніе дѣвушекъ, оттуда — въ заднюю половину сада,

гдѣ находилась крошечная калитка, никогда не закрывавшаяся на ключъ и... я была спасена.

Остальное казалось мнѣ такъ просто и естественно. Достигнуть площади вокзала, найти домъ, гдѣ остановился князь Андро и умолить его взять меня съ собою на Кавказъ... Да, да, конечно, иначе и быть не могло. Я все равно не пережила-бы того позора, который ожидалъ меня на завтра... А тутъ и жизнь, и радость подъ роднымъ небомъ, среди угрюмыхъ скалъ, подъ крылышкомъ дѣдушки Магомета! Если мнѣ жаль кого-нибудь здѣсь—такъ только Люду. Но съ Людой мы столкуемся послѣ. Она пойметъ, наконецъ, что я не могла поступить иначе. Я ей все разскажу тамъ... послѣ... на Кавказѣ и вымолю прощеніе у нея... А теперь туда... скорѣе... къ Андро, къ свободѣ!

Быстро, лихорадочно одѣвалась я, трясущимися руками застегивала крючки платья, натягивала на ноги прюнелевыя ботинки, ни на минуту не задумываясь надъ тѣмъ, что костюмъ мой болѣе чѣмъ легокъ для поздняго осенняго времени. Я мысленно подбодряла себя, вызывая въ моемъ воображеніи неожиданныя смѣшныя картины. Какъ удивятся дѣвочки! Какое растерянное, глупое лицо будетъ у Арно, когда она не найдетъ меня завтра въ моей постели. А Перская? Сколько слезъ прольетъ бѣдняжка, пока не узнаетъ о моей судьбѣ...

И, вся дрожа и волнуясь, я осторожно прокралась изъ дортуара, почти бѣгомъ сбѣжала съ лѣстницы.

Легко, безшумно, скользящей походкой привидѣнія я миновала лѣстницу и очутилась на темной площадкѣ, примыкающей къ подвальному помѣщенію. Здѣсь я пріостановилась на минуту, перевела дыханіе и, осѣнивъ себя широкимъ крестомъ, вошла въ длинную, неуютную комнату, освѣщенную дрожащимъ свѣтомъ ночника, въ которой храпѣли до сорока дѣвушекъ, старыхъ и молодыхъ, красивыхъ и уродливыхъ.

Затаивъ дыханіе, кутаясь съ головою въ теплый платокъ, я тихонько кралась между двумя рядами постелей, по узкому проходу подвала.

— Кто тамъ ходитъ—спать не даетъ!—послышался чей-то заспанный, сердитый голосъ какъ-разъ въ ту минуту, когда я была уже у цѣли и готовилась открыть дверь въ сѣни.

Ни жива, ни мертва я прижалась къ стѣнѣ. Чья-то всклокоченная голова поднялась съ подушки. Дѣвушка обвела сонными глазами спальню и, очевидно никого не замѣтя, тяжело грохнулась на постель.

У меня разомъ отлегло отъ сердца. Съ быстротою молніи я распахнула дверь, однимъ духомъ пробѣжала сѣни, толкнула вторую дверь и очутилась въ старомъ вѣковомъ саду института.

Столѣтнія деревья, мѣрно покачивая вершинами, разсказывали что-то другъ другу тихимъ, скрипучимъ голосомъ. Осенній вѣтеръ пронизывалъ насквозь. Мѣсяцъ прятался за облака и предутренній холодъ чувствовался сильнѣе.

Бѣгомъ, не глядя по сторонамъ и не чувствуя ногъ подъ собою, я бросилась къ садовой калиткѣ, отдѣляющей большой садъ отъ палисадника, примыкающаго къ улицѣ. Старикъ-сторожъ, сидя на тумбѣ, клевалъ носомъ.

„А что, если онъ проснется, лишь только я подойду къ калиткѣ, и подниметъ шумъ?—мелькнула въ моей головѣ тревожная мысль. — Тогда весь мой планъ пропалъ!“

И сердце мое сжалось отъ волненія.

Осторожно, неслышно крадучись, я подошла къ калиткѣ, положила руку на задвижку и изо всѣхъ силъ рванула ее. Калитка была не заперта. Сторожъ спалъ. Я почувствовала себя уже на свободѣ, и вдругъ... невидимая рука легла мнѣ на плечо...

Я тихо вскрикнула и обернулась.

— Барышня! Золотая... Бога ради! Домой! Домой скорѣе!—услышала я за собою отчаянный шопотъ и увидѣла знакомую мнѣ фигуру гардеробной Аннушки.

Въ ту-же минуту сторожъ проснулся, вскочилъ и заворчалъ сердито:

— Ну, еще кого здѣсь носитъ нелегкая?

— Скорѣе! Бѣжимъ скорѣе! Не дай Богъ, хватятся!—снова отчаянно зашептала Аннушка и, схвативъ меня крѣпко-прекрѣпко за руку, помчалась со мною назадъ.

Ровно ничего не понимая, я безсознательно слѣдовала за нею. Только когда она привела меня къ знако-

мымъ дверямъ и черезъ длинную казарму подвала, наполненную храпомъ, вывела на нижнюю площадку черной институтской лѣстницы, я поняла, что случилось нѣчто весьма непріятное для меня, что мнѣ помѣшали бѣжать и желанная свобода потеряна снова...

Я съ ненавистью взглянула въ красивое, теперь испуганное и взволнованное лицо Аннушки.

— Кто васъ просилъ мѣшать мнѣ?—вскричала я вызывающе и гнѣвно и съ глухимъ рыданіемъ упала на холодныя ступени лѣстницы.

— Я! Я виновата во всемъ,—послышался хорошо знакомый, вибрирующій голосокъ надо мною.

Я быстро подняла голову. Передо мною стояла Рамзай.

— Я видѣла, какою вы убитой и грустной поднялись въ дортуаръ, узнала отъ Арно, что ожидаетъ васъ завтра, видѣла ваши мученія ночью и пошла за вами слѣдомъ. Когда вы вышли, я разбудила Аннушку и послала ее догнать васъ. Я виновата во всемъ! Но я такъ боялась за васъ, Нина!

Я смотрѣла и не вѣрила своимъ глазамъ, слушала и не довѣряла собственному слуху. Предо мною стояла блѣдная зеленоглазая дѣвочка въ одной нижней юбочкѣ и ночной кофтѣ. Зеленые глаза сіяли мнѣ навстрѣчу двумя великолѣпными изумрудами. Блѣдныя щеки горѣли. Голосъ вибрировалъ и дрожалъ, угрожая прерваться ежеминутно.

— Что вамъ надо отъ меня? Какое вамъ дѣло до меня?—начала было я, и вдругъ невольно замолкла.

Худенькія руки вмигъ обвились вокругъ моей шеи, два зеленые глаза блеснули совсѣмъ близко отъ моего лица и Лидія Рамзай сжала меня въ своихъ объятіяхъ.

— Нина! Дорогая! Милая! Одинокая моя! Гордая моя! Прости ты меня, Бога ради... Ужь такая я есть! Не взыщи! Со всѣми я такая, своенравная, капризно-злая... Онѣ довели до этого... Онѣ всѣ такія верченыя, глупенькія, пустыя... И вдругъ ты пришла. Такая сильная, своеобразная, гордая. Я хотѣла сломить твою гордость. Подчинить тебя себѣ хотѣла. И не смогла. Я въ тебѣ родную душу угадала... Я тебя съ первой минуты полюбила... Только мой капризъ, моя гордость противъ тебя шли. А сегодня... Когда я тебя съ этимъ грузинскимъ княземъ увидала и услышала изъ твоихъ словъ, подслушанныхъ мною, какъ тебѣ тяжело, какъ ты страдаешь, я сказала самой себѣ „баста“: Нина Израилъ чудная, славная, прелесть и Нина Израилъ будетъ другомъ Лидіи Рамзай. Да?

Она стояла предо мною вся взволнованная, блѣдная, кроткая... Она протягивала руки и глаза ея сіяли мнѣ неизъяснимой любовью и лаской.

И тутъ только я поняла впервые, что большая часть моихъ горестей заключалась въ дурномъ отношеніи ко мнѣ этой чудной зеленоглазой, давно любимой мною дѣвочки.

Теперь мое бѣгство казалось мнѣ смѣшной и нелѣпой выходкой, предстоящее „внушеніе“ теряло значительную часть своей трагичности. Зеленоглазая дѣвочка заполнила собой все мое существо.

— Лида! Лида! Дорогой другъ мой!—прошептала я, бросаясь на шею моего новаго настоящаго друга, пріобрѣтеннаго тяжелой цѣною страданій.

А Лида между тѣмъ говорила:

— Ты не бойся... Завтра мы всѣмъ классомъ къ maman пойдемъ и отстоимъ тебя грудью. Арношка придирается къ тебѣ, это и слѣпой увидитъ, мы подтвердимъ это, даю тебѣ слово. А ты только, Нина, обѣщай мнѣ никогда не прибѣгать къ такому ужасу, который выдумала сегодня. Не надо быть малодушной, безхарактерной, слабой! Надо умѣть терпѣть, Нина! Только слабые люди не выносятъ страданій. Ты сама должна не уважать подобныхъ людей. Моя судьба также на твою похожа—и меня привезли сюда, непосредственную, вольную, избалованную, и заперли, какъ птицу, въ клѣткѣ. И я злилась, и страдала, и на неповинныхъ дѣвочкахъ вымещала свое горе. Помнишь исторію съ Пудъ? Вотъ тебѣ образчикъ. Ты тогда пристыдила меня и я уже не возобновляла подобныхъ некрасивыхъ продѣлокъ. Съ тѣхъ поръ я другая стала. Я передъ тобою въ лучшемъ свѣтѣ казаться хотѣла, Нина, милая! О, какъ я рада, что нашла въ тебѣ друга, дорогая моя! Вѣдь ты мнѣ другъ, вѣрный, неизмѣнный... Правда, Нина?

Передо мной стояла Рамзай...

Вмѣсто отвѣта, я горячо поцѣловала ее, и мы, крѣпко обнявшись, поднялись въ дортуаръ.

Мы обѣ не спали въ эту памятную для меня ночь. До самаго утра текла наша пылкая дружеская бесѣда.

Синее небо, чинаровыя рощи и исполины-горы какъ-будто отодвинулись отъ меня въ эту ночь. Вмѣсто нихъ выдвинулась предо мною хрупкая, тоненькая фигурка, и два зеленые глаза сіяли мнѣ въ предутренней полутьмѣ осенняго дня...

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ВСТУПЛЕНІЕ. Въ грозовую ночь 1

ЧАСТЬ I.

Среди горъ, долинъ и ущелій.

ГЛАВА I. Переполохъ.—Счастлива ли Нина? 27

« II. Люда.—Отецъ.—Предстоящее объясненіе и пріятный сюрпризъ 39

« III. Балъ.—Злополучный туръ вальса 50

« IV. Моя лезгинка.—Отчаянная смѣлость 64

« V. Тяжелые дни.—Хаджи-Магометъ.—Я уѣзжаю . . 79

« VI. Дорога.—Въ саклѣ аула.—Тайна Гуль-Гуль 87

« VII. У наиба.—Леила.—Фатьма-прорицательница . . . 100

« VIII. Дѣдушка наибъ.—Примиреніе 109

« IX. Праздникъ въ Бестуди.—Джигитовка.—Гуль-Гуль похищена.—Печальная вѣсть 119

« X. Ужасная дѣйствительность 136

« XI. На новую жизнь.—Догадка 141

« XII. Обитатели каменнаго гнѣзда и первая ссора . . . 155

« XIII. Бабушкины мемуары.—Безсильный гнѣвъ.—Наказаніе 163

« XIV. Узница.—Бѣлое видѣніе.—Другъ 174

стр.
ГЛАВА XV. Снова Доуровъ.—Бабушкино рѣшеніе.—Женихъ . 185
« XVI. Снова узница.—Изъ мрака къ свѣту и снова мракъ.—Избавленіе 192

ЧАСТЬ II.

За сѣрыми стѣнами.

ГЛАВА I. Я—институтка 209
« II. Знакомство.—Неожиданный недругъ 220
« III. Какъ я очутилась за сѣрыми стѣнами. — Сонъ.—Травля 230
« IV. Фрейлейнъ Линдеръ.—Гардеробная.—Золушка . . 240
« V. Уроки.—Исторія.—Рамзай въ роли рыцаря.—Я выступаю защитницей 245
« VI. Я и мои подруги.—Столкновеніе съ Арно 256
« VII. Финляндія. — Императоръ Павелъ. — Тайна Лидіи Рамзай.—Я отомстила 264
« VIII. Выходъ императора.—Привидѣніе 277
« IX. Балъ.—Пріятный сюрпризъ.—Снова внушеніе . . . 288
« X. Бѣгство.—Помѣха.—Новый другъ 300

ГПБ Русский фонд
37.21.7.31